

Борис Духон, Георгий Морозов

Причины и следствия Геннадия Логофета

*Стремиться к цели, видеть перспективы,
Ты знаешь – жизнь похожа на футбол:
Пусть станет каждый нас результативным
И завершится дружным криком: «ГОЛ!!!»*

Москва • 2012

УДК 796.332:077.2
ББК 75.578,3(2)-8
Д85

Памяти Великого футболиста, отца, мужа, деда, брата...

ISBN 978-5-91891-163-1

© Вадим Геннадиевич Логофет
© Издательский дом «Север», © Борис Духон, Георгий Морозов. 2012. Все права защищены.
Любое воспроизведение материалов книги или фрагментов из нее возможно только с разрешения правообладателей.

Глава первая

Диалог соавторов

Борис Духон: Есть такое крылатое выражение: «Один раз – случайность, два – совпадение, три – тенденция». Рад, что выходит в свет уже третья наша книга о знаменитых спартаковских футболистах шестидесятых-семидесятых годов. Правда, радость эта – с оттенком грусти. Если Галимзян Хусаинов и Николай Осянин могли взять в руки издания, выпущенные в их честь, то новым томиком мы чтим память Геннадия Логофета. Книга задумывалась к его 70-летию, и все это время меня не покидало предвкушение новых и новых встреч с Геннадием Олеговичем, который слыл знатным рассказчиком. Но человек предполагает, а Бог располагает... Хорошо, что остались некоторые записи наших прежних разговоров. И конечно, многим людям – из мира спорта и не только – предоставлено слово на этих страницах.

Георгий Морозов: В детстве у меня был сборник молдавских сказок, и отсюда четко отложилось фраза про великого логофета. Конечно, тогда я не совсем понимал уровень такой должности, но важно, что она считалась главнее мунтяна. В свете соперничества «Спартака» с киевским «Динамо» это было особенно принципиально, пусть речь и шла об именах нарицательных, а не собственных. Если углубляться в историю, то в Византии и других странах церковный логофет был хранителем патриаршей печати и ответственным за канцелярию. Гражданские логофеты отвечали за какую-либо отрасль государственных финансов. А великий логофет заведовал государственным казначейством. В общем, значимость фигуры не могла остаться незамеченной. Равно как и значимость Геннадия Логофета для отечественного футбола.

Б.Д.: Сам Логофет не раз шутил, что его расположенность к мячу была предопределена уже в тот момент, когда он получил имя, а вместе с ним и инициалы ГОЛ. Но сейчас хочу сказать о другом. Моя супруга Александра Борисовна, вместе с которой мы часто ходили на стадион, всегда выделяла этого игрока визуально: красавец на поле и красавец в жизни. Геннадий притягивал взгляды трибун, ибо, являясь непримиримым бойцом, неизменно сохранял потрясающую элегантность. Редчайшее сочетание, особенно если учесть, что и экипировка тогда была не чета нынешней и не отличалась изысканностью дизайнерских решений.

Г.М.: В Пушкинском районе Подмосковья, где я вырос, долгое время существовала такая традиция. Победитель первенства среди коллективов физкультуры получал право сыграть в Тарасовке товарищеский матч со «Спартаком», который, естественно, выставлял не всех сильнейших. Но даже смешанному составу любители проигрывали с крупным счетом, и им оставалось утешаться локальными успехами. Что любопытно, в спартаковской энциклопедии упоминания об этих играх нет, но они были. Так вот, очевидцы до сих пор вспоминают, как один из любителей эффектной финтом обманул в центре поля самого Логофета! Это было событием: обычный парень из глубинки, а обвел такого мастера. Чтобы юное поколение болельщиков могло оценить достижение, им нужно представить на месте обыгранного, скажем, Джона Терри или Серхио Рамосу. Другое дело, при нынешней дистанции между талантами и поклонниками может просто не хватить воображения: насколько мастера тогда были близки к народу.

Б.Д.: Недавно попала на глаза старая пародия Александра Матюшкина-Герке на Евгения Евтушенко. В нем было такое четверостишие:

*Я против тех, кто фетишизм Фета,
Кто с Фетом прет, как трактор на буфет,
Ведь Фет – не шоколадная конфета
И даже не Геннадий Логофет.*

Понятно, что фамилия использована больше для рифмы, однако есть над чем задуматься. В советскую эпоху поставить футболиста выше классического поэта являлось всего лишь приемом гротеска. А теперь, если судить по экранному времени и газетным площадям, пропорции резко изменились, уже имя игрока сборной будет для большинства жителей страны более узнаваемо. Я это к чему? Играл Логофет сейчас, он постоянно ходил бы, как говорится, в ньюсмейкерах.

Г.М.: Раз уж зашел разговор о литературном творчестве, приведу ситуацию, участником которой стал я сам. На одной из футбольных презентаций захотелось сделать снимок для тематического журнала: Геннадий Олегович вместе с признанным королем одностий Владимиром Вишневым. Уговоривать долго не пришлось, да вот беда: кадр получился в одном экземпляре, а поэт как раз моргнул. Пришлось сопроводить фото такой шуточной текстовкой: «Как сочиняет свои произведения Владимир Вишневский? Берет под руку Геннадия Логофета, закрывает глаза и...» Но в кругу людей искусства наш герой всегда смотрелся очень органично. Не забуду, как на одном из вечеров, посвященном вручению очередных медалей «Спартаку», я оказался за одним столиком с ним и Пресняковым-старшим. Разговорились. Хотя, пожалуй, глагол здесь не совсем точный: рассказывали в основном они, а журналисту оставалось только на ус мотать.

Геннадий Логофет и Борис Духон с супругами – Надеждой и Александрой

Б.Д.: Что ж, пришла пора по обыкновению объяснить, откуда у книги такое название. Формулировку «Причины и следствия Геннадия Логофета» предложил его младший брат Дмитрий – а теперь, увы, и самый старший из Логофетов – исходя из толкования слова «логофет» (в буквальном переводе с греческого языка – «исследователь причин»). Кстати, Дмитрий Олегович, доктор физико-математических наук, и сам был не чужд спорта. По его шутливому наблюдению, он когда-то был одновременно трижды кандидатом: наук, в члены партии и мастера спорта по бегу с барьерами. Он заметил еще: «Я-то думал, что это я – главный Логофет, но теперь понимаю, что Геннадий тоже был молниеносным исследователем – на футбольном поле». И рассказал историю, как в 1979-м приехал в научную командировку в Лондон, требовалось встать на консульский учет в посольстве, и сотрудники первым делом поинтересовались, не родственник ли того самого Логофета пожаловал на берега Туманного Альбиона?

Г.М.: С такой находкой нельзя было не согласиться. Ведь Геннадий Логофет олицетворял интеллектуальное начало в футболе, он хотел дойти, что называется, до самой сути. Слова тренеров не принимал слепо на веру, старался их осмыслить, мог вступить и в аргументированную дискуссию. В общем, искал в событиях причинно-следственную связь. Неслучайно стал впоследствии деканом высшей школы футбольного менеджмента. И вместе со слушателями рассуждал о том, можно ли с помощью популярной игры целенаправленно манипулировать массовым сознанием людей или способствует ли она формированию мифов...

Георгий Морозов слушает рассказы спартаковских ветеранов – Георгия Ярцева, Валерия Рейнгольда, Евгения Ловчева, Геннадия Логофета

Глава вторая

У родителей МЫСЛИ СОВПАЛИ

В родословной Геннадия Олеговича слово «мифы», конечно, неуместно, а вот семейные легенды есть. Их хранителями стали родной брат Дмитрий и двоюродная сестра Ирина Нестерова.

Редкая фамилия получила известность еще в XIX веке – благодаря русскому генералу, военному публицисту и писателю, выдающемуся востоковеду Дмитрию Николаевичу Логофету. И в царской России, и после революции он занимал видные должности в пограничной охране. Но никакого подтверждения о его родстве со спартаковским мастером найти не удалось.

Могло случиться, что герой нашего повествования вошел бы в историю футбола не как Логофет, а как Драгослав-Надточинский. Ибо именно такую фамилию носил Николай Павлович, его дед по отцу, который в годы революции находился в гражданском браке с Ольгой Леонидовной Логофет. Их старший сын Олег появился на свет в 1917-м в Петрограде. Когда настала советская власть, инженер Драгослав-Надточинский был назначен директором фабрики в Чашниках, под Витебском. Там у Николая и Ольги родилась дочь, которая получила имя Варвара, но впоследствии поменяла его на Аллу. Брак просуществовал недолго: однажды инженер убыл в командировку, но не вернулся, и женщина осталась одна с двумя маленькими детьми на руках.

– *И фактически без средств к существованию, –* добавила мрачных красок Ирина Нестерова. – *Как только моя бабушка перестала быть женой директора фабрики, отношение к ней изменилось. Некоторое время Олег воспитывался в местной семье у знакомых, которые его очень любили. А Ольга Леонидовна с маленькой дочерью, то есть моей мамой, уехала в Петроград, где жил ее отец – Леонид Борисович Логофет.*

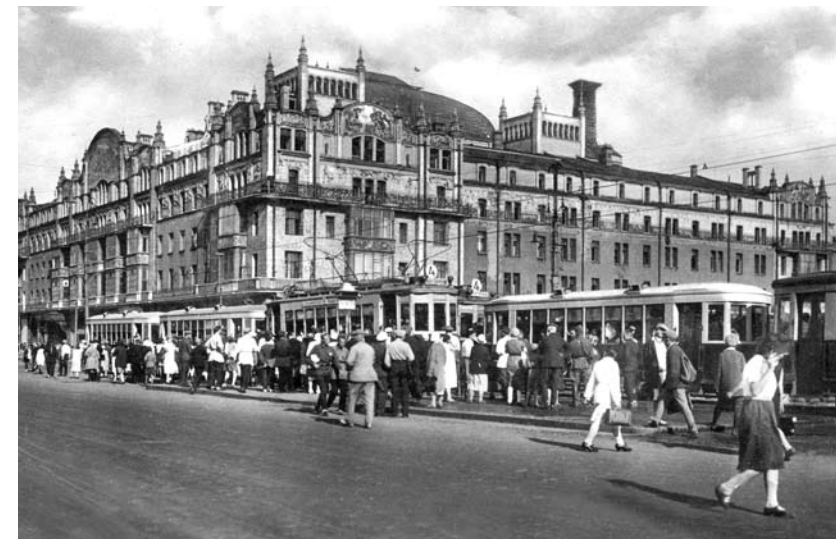
Своего дядю Ирина Леонидовна в разговоре называла просто по имени – Олег. И точно так же не «отец», а «Олег» постоянно звучало в рассказах Дмитрия Олеговича.

Несмотря на наличие на берегах Невы отца, мачехи, двух сводных сестер Ольга Леонидовна решила попытать счастья в Москве. Серебряная медалистка дореволюционной гимназии, прекрасно знавшая французский язык и способная декламировать стихи Пушкина наизусть на протяжении многих часов, она трудилась секретарем-машинисткой, ютясь у друзей. Как гласит семейное предание, один из ее поклонников, мужчина горячих болгарских кровей, ворвался с револьвером в руку в чиновничий кабинет и потребовал, чтобы гражданке Логофет дали жилплощадь. Являлся ли револьвер единственным аргументом, или же имелись иные доводы, факт оставался фактом: жилплощадь

действительно дали. Это была комната чуть больше десяти метров на втором этаже дома, построенного не то в XVI, не то в XVII веке. От Ипатьевского переулка, где находилось здание, рукой было подать и до Красной площади, и до фотохроники ТАСС на Никольской улице, куда Ольга Леонидовна устроилась на работу.

Опять-таки по семейному преданию, однажды она встретила Николая Павловича на улице. Тот объяснил, что в командировке заболел тифом, какая-то женщина его выходила, и он у нее остался. И тогда отец ее детей был просто вычеркнут – в прямом и переносном смысле, и из памяти, и из дневников. Все снимки, связанные с Драгославом-Надточинским, подлежали уничтожению, и хранился впоследствии только один – с его похорон в 1938 году.

К тому времени Олег успел с отличием окончить семилетку, получить первую зарплату в должности рабочего-упаковщика Роскультторга, отучиться на Московском рабфаке имени Октябрьской революции и поступить в военно-морское инженерное училище в Ленинграде. Возможно, если бы он носил фамилию отца, барьеры на его жизненном пути возникли бы гораздо раньше. Однако придрались и к Логофету: маршал Михаил Тухачевский, сам дворянский сын и некогда офицер царской гвардии, будучи заместителем наркома обороны, задался целью избавить ряды молодых вузовцев – и кораблестроителей в том числе – от лиц благородного происхождения.

Довоенная Москва. Гостиница «Метрополь»

Шел 1936 год, машина репрессий еще не запустилась на полную катушку, поэтому исключение из училища не имело далеко идущих последствий. В дальнейшем в анкетах Олег Николаевич об этом факте своей биографии благоразумно не упоминал. Благо путь к получению высшего образования не закрылся, только пролег он через военный факультет института физкультуры. Того самого ГЦОЛИФКа, где курсом младше и на другом факультете училась Нина Голендерова.

В ее семье были свои коллизии. Учительница начальных классов Екатерина Васильевна и железнодорожник Андрей Михеевич тоже расстались, но эту ветвь генеалогического древа спартаковского футболиста мы не будем рассматривать столь подробно. Просто потому, что Геннадий, по рассказам его родственников, характером пошел в отца.

До встречи с Ниной, которая была младше на три года, Олег уже имел опыт женитьбы. Его первую избранницу звали Анной. Но ни с ней, ни с дочерью Татьяной отношения в дальнейшем не поддерживались.

– Родители, наверное, замечали друг друга еще на младших курсах, – предположил Дмитрий Логофет. – Он специализировался на кафедре рукопашного боя и фехтования, она – на кафедре спортивной гимнастики. А познакомились поближе уже в 1940-м.

В 1939-м Олег получил звание лейтенанта, годом позже стал старшим лейтенантом и, окончив вуз с отличием, поступил в адъюнктуру. Великую Отечественную войну встретил уже капитаном. А в августе 1941-го они с Ниной поженились.

Капитан Логофет получил назначение в управление горной, лыжной и физической подготовки наркомата обороны, санинструктор Голендерова (паспорт с фамилией мужа она оформила почему-то только в 1944-м) записалась добровольцем в ОМСБОН. Отдельная мотострелковая бригада особого назначения предназначалась для диверсионной работы в тылу противника, и на известие о беременности Нина едва не отреагировала решительно и однозначно: ради защиты Родины она готовилась пожертвовать будущим ребенком.

Сейчас невозможно установить имя командира, который одним движением пера спас сразу две жизни: вычеркнул Нину из списков спортивного спецназа.

А Олег в должности командира отдельного горнолыжного батальона 32-й гвардейской стрелковой дивизии участвовал в боевых действиях против 1-й горнострелковой дивизии вермахта на Закавказском фронте. Той самой, о которой много лет спустя в своем стихотворении написал Владимир Высоцкий:

*Ты снова здесь, ты собран весь,
Ты ждешь заветного сигнала.
А парень тот, он тоже здесь.
Среди стрелков из «Эдельвейс».
Их надо сбросить с перевала!*

Устойчивой связи с домом не было, приходилось полагаться на простые арифметические расчеты, согласно которым ребенок должен был появиться на свет в июне 1942-го. Однако произошло это на два месяца раньше, 15 апреля. К счастью, по медицинской статистике, семимесячных новорожденных удавалось выхаживать и тогда.

И здесь произошло совпадение, которое можно объяснить разве что вмешательством providения.

Телеграмма гвардии капитана, посланная с Закавказского фронта жене, содержала конкретное распоряжение: «Сына назови Геннадием». О том, что родится мальчик, знать он не мог. Имя будущего младенца Олег и Нина заранее тоже не обсуждали. Договоренность вроде бы имела: если будет сын – нарекает отец, если дочь – то имя выбирает мать. Послание с фронта – по объективной причине – надолго запоздало. А молодой маме требовалось как можно быстрее оформить на малыша документы. И в них было записано: «Геннадий Логофет».

Олег Логофет, командир Красной Армии, и Нина Голендерова, санинструктор 1-го МСП ОМСБОН НКВД СССР

В январе 1943-го Олег был ранен в левое колено. Врачи полевого подвижного госпиталя решили провести ампутацию. И тогда он, договорившись с медсестрой, просто сбежал оттуда, захватив пригоршню стрептоцида для обработки раны.

Снова стоит обратиться к семейному преданию. Добраться до стационарного госпиталя, чтобы получить качественную медицинскую помощь, можно было только на самолете. Капитан Логофет каким-то образом пробрался на борт, груженный кавказским вином и фруктами. Когда обнаружился перевес, боевой офицер Логофет, имевший личное оружие, не дал себя высадить. И пилотам пришлось выгрузить сколько-то ящиков с деликатесами.

Добирался в Москву Олег через Астрахань, где по дешевке удалось прикупить десятикилограммового осетра. И по адресу «Ипатьевский переулок, 12, строение 1» он появился на костылях и с огромной рыбой за плечами. Наконец-то увидел сына, которому исполнилось одиннадцать месяцев, а потом долечивался в военном санатории «Архангельское» под Москвой. Вернулся в строй, в 1944-м получил майорское звание. А в 1945-м, еще до Дня Победы, был назначен начальником кафедры физической подготовки военной академии имени Фрунзе.

Что любопытно, воспоминания Геннадия начинались с Ипатьевского переулка. Но совершенно точно, что какое-то время семья обитала в подмосковном Нахабине, и только потом Ольга Леонидовна прописала всех у себя. Алла к тому времени создала свою семью и переехала к мужу в Замоскворечье.

Не удалось установить окончательную истину и в другом нюансе, связанном с квартирным вопросом. В давней публикации промелькнуло, будто Логофеты жили в общежитии ЦДКА, там же, где и футболисты армейской команды.

– *Что-то такое могло быть*, – задумался Дмитрий Олегович. – *Как-то проезжали с Олегом в районе Театра Советской армии, и он сказал, показывая на здание в глубине: «Мама тебя здесь рожала», – имея в виду, что находилась после родов.*

Младший брат Гени, как его называли домашние, родился в 1947-м. Так что в комнатке в Ипатьевском стало совсем тесно. В одной из стен имелась ниша, где размещалась двухъярусная кровать: родители спали внизу, братья – наверху. Ольга Леонидовна тоже как-то ухитрялась разместиться. Квартира располагалась на втором этаже, на кухне кашеварили три хозяйки. Одна из них – Таисия, супруга стоматолога Марка Гадасина, была подругой Нины Андреевны и помогала воспитывать детей.

Другая бабушка, Екатерина Васильевна, которая работала в Куйбышеве, тоже вносила вклад в воспитание внуков, периодически беря их на содержание – сначала одного, потом второго, и помогая таким образом молодым супругам. По словам Ирины Нестеровой, мальчишки даже больше находились под ее влиянием: богатый педагогический опыт сказывался. Захаживал к внукам дед – Андрей Михеевич.

Как раз в год рождения второго сына Олег в связи с упразднением кафедры физподготовки был направлен из академии Фрунзе на работу в Минвуз СССР – инспектором отдела военной и физической подготовки в управлении средних специальных учебных заведений. Министерство тогда базировалось на Трубной площади. В 1949-м получил очередное звание – подполковника. Нина же трудилась на кафедре гимнастики в институте физкультуры, а в 1948-м была назначена начальником отдела гимнастики Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров РСФСР. Комитет размещался в здании ГУМа, и времени на дорогу тратить было не нужно. Через три года она заняла аналогичную должность уже на всесоюзном уровне.

При этом оба оставались активными спортсменами. Олег добился мастерского звания в трех видах – фехтовании, конном спорте и пятиборье, причем в последнем из них стал чемпионом Москвы и вице-чемпионом СССР.

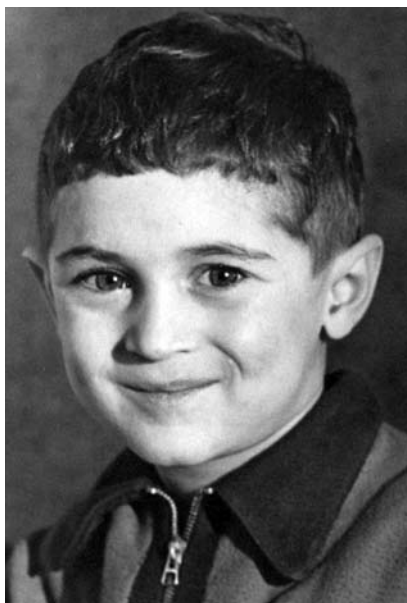

Олег Логофет и Нина Логофет – чемпионы РСФСР по фехтованию, Севастополь, 1951 год

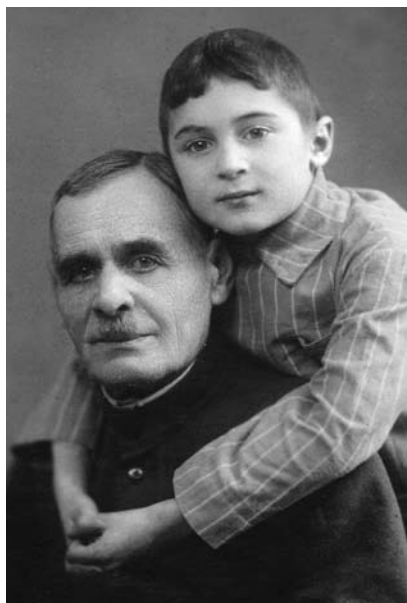
В 1951-м в Севастополе, который тогда находился в РСФСР, проходил чемпионат республики по фехтованию. То, что победителем оказался Олег, никого не удивило. Сенсация же заключалась в другом: Нина, по предложению мужа попробовавшая себя в новом жанре и получившая каких-то три урока, с ходу заняла на соревнованиях первое место! Так что игра слов напрашивалась сама собой: у Гены были спортивные гены.

Отец видел его пловцом, с восьми до двенадцати лет мальчик посещал бассейн на Автозаводской. Показывал неплохие результаты для своего возраста. Попробовали отдать в конный спорт – упал с лошади, она наступила ему копытом на бедро, и от дальнейших проб решили отказаться. Желание старших было понятно, ведь подполковник Логофет являлся одним из видных организаторов пятиборья: его избрали первым председателем всесоюзной секции, на Олимпиаде-1952 в Хельсинки поехал как судья, четыре года спустя в Мельбурн – в качестве руководителя сборной наших пятиборцев. Но душа мальчика лежала к футболу – особенно после того как отец сводил его на матч между армейцами и динамовцами.

– Олег говорил о сыне: «Тонкокостный, как Нина, а реактивный в меня», – поведала Ирина Леонидовна. – Дома не одобряли тягу к футболу, зато его поддерживал мой отец – Леонид Дмитриевич Нестеров. Он сам играл в футбол в молодости.

Гена с дедом Андреем

Геннадий же вспоминал в одном из интервью: «Прямо возле Красной площади мяч гоняли, где движения не было. Отец из Венгрии ниппельный мячик привез – чудо природы какое-то! Мужики меня в компанию из-за этого мяча и брали – как довесок». Действительно, по тем временам такое импортное изделие было редкостью, даже мастера играли с зашнурованной крышкой.

Возможно, родителям казалось, что увлечение мячом отрицательно сказывалось на успеваемости. Олег полагал, будто занятия индивидуальным спортом больше приучают к дисциплине, к учебе. Однако, по словам Ирины Нестеровой, причина плохих отметок была в ином: когда Геня пошел в школу, у него не сложились отношения с учительницей. Пришлось перевестись в другую школу, и дело пошло на лад.

В конце концов, Олег не стал так жестко давить на сына и даже давал ему советы: «Если хочешь играть в футбол, если хочешь стать футболистом, работай двумя ногами». И Геня начал индивидуальные тренировки: вставал у стенки и поочередно колотил в нее мячом то с правой, то с левой ноги.

Спортивную семью однажды в прессе привели в пример с гастрономической стороны: «На очередную неделю здесь составляется меню... каш. Каждый день новая. В понедельник, скажем, янтарная пшенная, во

Дворовый футбол

вторник – разваристая гречневая с русским маслом, в среду – запашистая овсяная на молоке, в четверг – рисовая с изюмом, вместе с которой, того и гляди, язык проглотить, а в пятницу – манная, с которой, оказывается, тоже должен дружить спортсмен».

– *Культ каши был, пусть и без абсолютизации*, – подтвердил Дмитрий Олегович. – *Олег насаждал, а у нас с Генкой это вызывало протест. Еще он варил макароны: с маслом, сыром, томатным соусом или же без оных – всего шесть вариантов. Шутка! Но уважение к каше как инструменту воспитания вошло в поколение моей семьи.*

Старший сын о такой «диете» тоже не забыл: «Отец все каши варил и меня ими закармливал. До сих пор кашу не признаю». Может, именно поэтому на контрасте ему врезалось в память мороженое – как подарок на семь лет: «Родители дали мне мелочь на мороженое. Я спустился на площадь Ногина и купил эскимо на палочке».

Случалось, родители уезжали в командировки, в том числе и за границу, с соревнований привозили значки, памятные медали и даже почтовые марки олимпийских серий – такие не продавали в киосках! Но эти новинки радовали только Диму, который занимался коллекционированием. А у Гены на первом плане был мяч, и все.

Дети подрастали, в комнатке в Ипатьевском уже просто было не повер-

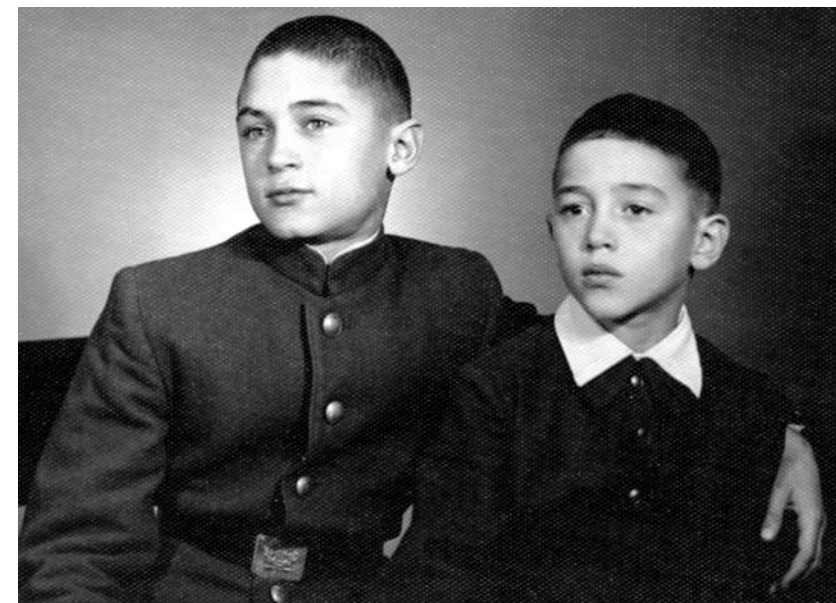
В кругу родственников. В нижнем ряду (слева направо): бабушка Екатерина Голендерова, младший брат Дмитрий, двоюродные сестры Катя и Наташа Голендеровы, дядя Валентин Голендеров, жена дяди Антонина Голендерова. В среднем ряду (слева направо): мама Нина Андреевна, Геннадий. В верхнем ряду (слева направо): отец Олег Николаевич, дед Андрей Голендеров

нуться. И в марте 1954-го глава семьи отправил письмо на имя депутата Верховного Совета СССР Вячеслава Молотова, чтобы как-то решить квартирный вопрос. Логофетам пошли навстречу: в октябре им вручили ордер на две комнаты на восьмом этаже в новостройке с лифтом на Бережковской набережной. Остановка общественного транспорта так и называлась: «Новые дома». Пусть им и не досталась отдельная квартира, еще две комнаты принадлежали другой семье, но прогресс был налицо.

– *Мяч дома не пинали*, – улыбнулся Дмитрий Олегович. – *Там был коридор, но как место общего пользования, а сосед – офицер-политработник, он бы это пресекал. Да и зачем, если во дворе был отличный пятак для футбола? Я, правда, вскоре это дело забросил, потому как был не очень резвым. А брат быстро нашел единомышленников в лице Славы Крылова, Димы Харина.*

В интервью Геннадия Олеговича можно отыскать такие строки: «Площадка большущая, каждый день мяч гоняли. И по ногам разрешалось бить, и к борту припечатывать. Как-то с Крыловым, который нынче администратор в «Спартаке», подрались. В хоккее играли. А он маленький, клюшкой ловко работает, всех обвел – ну и подрались. Брат за него, помню, вступился, но с тех пор дружим».

Братья в школьной форме, 1954 год

Геннадия Логофета

Причины и следствия

Подготовка к
Всесоюзному
физкультур-
ному параду.
В первом
ряду Геня,
1952 год

Рассказывал он также, что их со Славой стал приобщать к регулярным заработкам еще один соседский парень – Наиль Фатеков. Он организовывал матчи дворовых команд на деньги: каждый участник рисковал десятью кровными рублями. Поскольку у Логофета с Крыловым получалось хорошо, их команда постоянно была в плюсе. А «импресарио» брал на себя расходы на такси, соки и пирожные. Ездили ребята в турне не только по Москве, но и в область.

Родители отдали Геню, а следом и Диму в 56-ю школу, на Кутузовском проспекте. Туда можно было или добраться на троллейбусе, или пройти напрямик, через Киевский вокзал. В одной из недавних газетных заметок, рассказывающих о волейбольном турнире памяти преподавателя физкультуры Виктора Лифатова, прозвучали имена известных спортсменов – учеников школы. И рядом с именем олимпийской чемпионки в танцах на льду Людмилы Пахомовой стояло имя футболиста Геннадия Логофета. Так что спартаковца там помнят и по сей день.

Глава третья

Со двора в лучшую школу

Коробка на Бережковской набережной стала для Геннадия центром притяжения. Три борта ее были деревянными, роль четвертого выполняла бетонная стена, и требовалась осторожность: однажды брат Дима здорово ударился об нее головой. Летом сражались в футбол, зимой в хоккей.

– Благодаря родителям Генка всегда был хорошо экипирован, – окупился в события середины прошлого века Вячеслав Крылов. – Но в принципе мы играли чем придется и во что придется. Например, в нашей школе хранился целый мешок небольших тряпичных мячиков, и мы набивали ими карманы. Когда родители посылали куда-нибудь за покупками или просили отнести обувь в ремонт, шли и перебрасывались этими мячиками, шлифуя технику. Очень популярен был футбол по хоккейным правилам – «четыре на четыре» на льду, а опоры для баскетбольных щитов считались воротами. Требовалось грамотно рассчитывать силу паса, ведь покрытие-то скользкое, резко не затормозишь...

Друзья не то чтобы переросли дворовый футбол, но мысли о более высоком уровне игры их тоже посещали. В то время ведущей школой в Москве считалась ФШМ, там все было качественней – и поля, и мячи, и форма. А потому Геннадий решился однажды записаться именно в Футбольную школу молодежи: «Услышал о ФШМ и осенью 1956 года набрался нахальства и поехал на смотрины. Тренер команды моего возраста Виктор Александрович Маслов уже набрал ребят. Тем не менее, и мне не отказал – приходи, мол, будешь в запасе. Всю зиму я тренировался в ФШМ, а весной новый тренер Николай Тимофеевич Дементьев включил меня в основной состав. При поступлении в ФШМ я заполнил анкету, в которой был вопрос, кем хочу играть. Я написал, что предпочитаю нападение и надеюсь, что из меня вырастет новый Сергей Сальников, который с детских лет был моим кумиром. Но Дементьев поставил меня в защиту».

– Генка действительно начинал левым защитником, я ходил на игры за него болеть – подтвердил Крылов. – Команда его года была ровной, неяркой, из сверстников могу выделить разве только Володю Быстрову. Был еще Юра Севидов, но он приезжал из Ступина лишь на игры, вместе с остальными не тренировался. А, например, у 1940 года рождения был явный лидер – Слава Амбарцумян, в 1943-м выделялись Володя Федотов, Володя Фомичев, Саша Григорьев, Сережа Рожков.

Будущий партнер Логофета по «Спартаку» был на год младше, но тоже занимался у Дементьева. У ребят двух возрастов бывали и совместные занятия.

– Как сейчас помню, тренировалась наша команда на стадионе «Трех-

горка». На том месте сейчас находится редакционно-издательский комплекс – с «Московским комсомольцем», «Московской правдой» и другими газетами, – поведал Рожков. – Пришел на тренировку аккуратно одетый пацан – в темных брюках, кожаной куртке и майке сборной команды РСФСР, которая мне почему-то особенно запомнилась. Наш тренер, Николай Тимофеевич Дементьев, разрешил ему присоединиться к занятию. Логофет тогда не показался мне обученным, хотя в ФШМ зачислялись ребята, прошедшие начальную школу в различных детских клубных командах. Геннадий явно пришел из дворового футбола, но оказался хорошо обучаемым, а потому практически сразу стал основным в команде ФШМ-42. Кстати, Николай Тимофеевич почему-то называл его Генькой. Мне казалось, в этом была петроградская манера Тимофеича.

По словам Рожкова, очень нравилась Геннадию игра еще одного его будущего одноклубника – Владимира Петрова. Есть тому и другое подтверждение – слова самого Логофета, с которым мы как-то разговаривали о Петрове:

– Начальное и среднее футбольное образование мы с Володей получали в ФШМ. Петров старше меня на два года, и в дни календарных матчей

В команде Николая Дементьева. Геннадий второй справа в верхнем ряду

на первенство Москвы среди футбольных школ наша команда 1942 года рождения обязательно оставалась на игры старших, которые выходили на поле позднее. Он, как и я, играл на позиции крайнего защитника, и его нельзя было не отличить – по-футбольному злой, неуступчивый, грамотно действующий позиционно. После окончания ФШМ Владимира пригласили в «Спартак», и я искренне завидовал ему. В то время попасть в команду олимпийских чемпионов для молодых было равноценно получению аттестата футбольной зрелости с отличием.

Когда Логофет записался в ФШМ, чемпионат Москвы проходил в пяти возрастах, а самых старших, 1939 года рождения, тренировал тогда Константин Иванович Бесков. В той команде, например, выступал Виктор Шустиков.

Поступил в Футбольную школу молодежи и Вячеслав Крылов, который был на два года моложе Геннадия. Но на тренировки в Лужники отправлялись вместе, обычно через железнодорожный мост. Правда, для пешеходов удобства там не были предусмотрены, двигаться надо было по каким-то хлипким доскам, и если в это время шел тяжелый состав, становилось немного жутковато. Зато от дома до поля путь укладывался в какие-то четверть часа.

В 1957-м Москва принимала международный фестиваль молодежи.

Перед началом матча. Геннадий третий слева

Опять-таки благодаря Олегу Николаевичу и Нине Андреевне ребятам перепали билеты на различные мероприятия. Геннадий вспоминал потом, что, побывав на одном из них, он впервые узнал, как может пахнуть настоящий мужской парфюм – советский народ был знаком в лучшем случае с одеколоном типа «Тройной» или «Шипр»... В один из фестивальных дней, возвращаясь с улицы Горького через Арбат и Бородинский мост, он пообещал Крылову: «Слава, чего бы мне это ни стоило, я стану футболистом! Хотя бы даже для того, чтобы купить вот этот парфюм, этот одеколон иностранный. Ты увидишь! Я даю тебе клятву: ни одной сигареты, ни грамма вина. Буду только работать: футбол, футбол, футбол».

У Крылова отложилась в памяти похожая ситуация, и скорее всего, это не интерпретация одного и того же сюжета:

– Во время фестиваля была обширная спортивная программа, родители Генки доставали нам пропуска. Именно тогда мы впервые увидели показательные выступления по регби. В Парке Горького проходил «Праздник воды», мы тоже на него попали, задержались там допоздна, а домой пошли почему-то через Ленинские горы. И Генка, стоя на смотровой площадке, сказал мне: «Хочешь, верь, хочешь, не верь, а меня будут ноги кормить!» Я эти слова запомнил, хотя и сомневался: все-таки в пятнадцать лет он ничем особенным не выделялся среди сверстников-футболистов. Домой вернулись в четыре утра, уже светало, наши мамы сидели у подъезда. В принципе они знали, где мы, да и по Москве в те времена гулять было нестрашно, но никаких телефонов не было, предупредить о том, что задерживаемся, мы не могли. В итоге по подзатыльнику заработали.

Полное несовпадение деталей говорит о том, что разговоров таких было как минимум два. Но главное, что они подтверждали целеустремленность Геннадия. Сам он говорил потом: «Вот какая сильная была у меня мотивация! Три тренировки в неделю по полтора часа, летом тренировка в пять часов, а с десяти до двух чем, думаете, мы занимались? Тоже в футбол гоняли!» То есть работал с мячом по пять-шесть часов в день, а бывало и по восемь.

– Может быть, сказывались спортивные родительские гены, – дополнил Крылов. – Или он такой упертый был, недаром по гороскопу овен. Или двор воспитал в нем неуступчивость. Но когда Генка перешел в первую команду юношей, он, что называется, выстрелил.

Логофет не только много играл и тренировался, он еще стал смотреть на футбол другими глазами, подмечая всякие финты и приемы. Конечно же, событием стал чемпионат мира 1958 года: «Мне было всего шест-

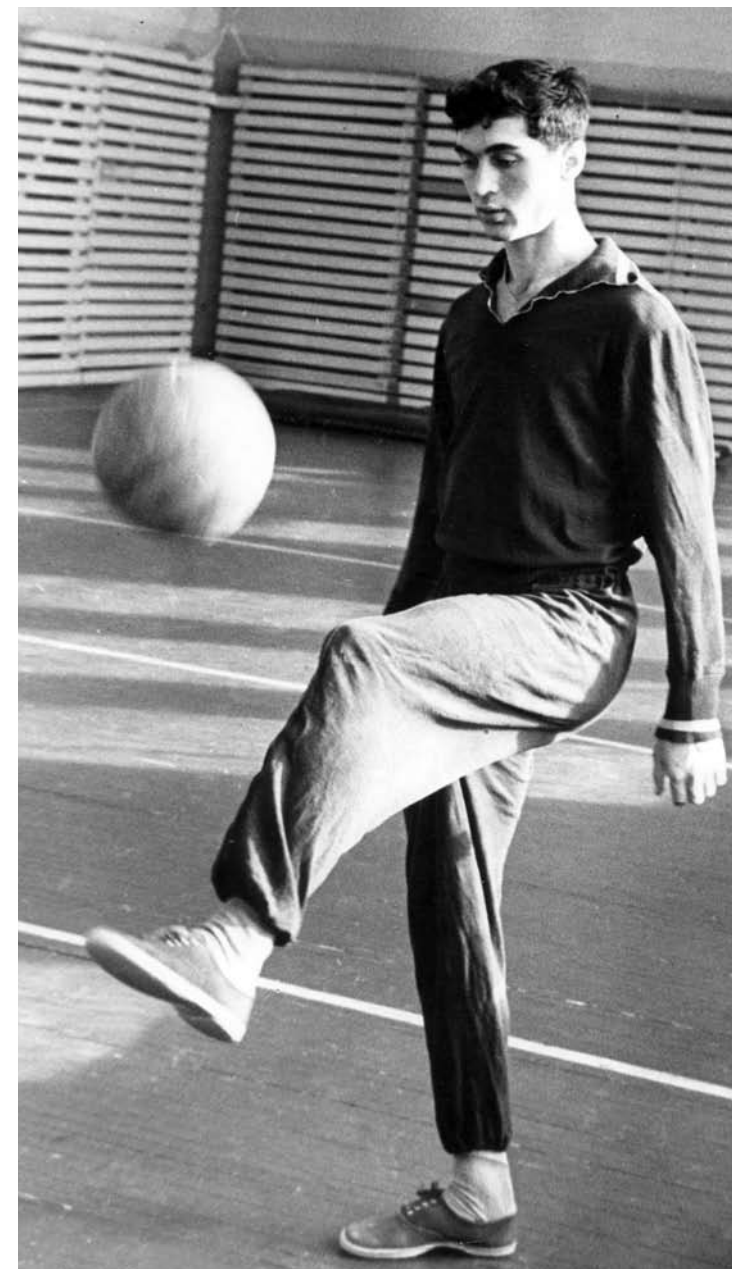
надцать, а турнир показывали только в одном месте – кинотеатре «Новости дня», да и то нарезками. Мы с приятелями частенько убегал с уроков, чтобы посмотреть на мастерство лучших игроков мира. И самое сильное впечатление – гол Пеле в ворота шведов в финале. Принял мяч спиной к воротам, развернулся, подбросив мяч над защитником, потом перекинул еще одного и, не давая мячу приземлиться, катнул его в ворота. Красота!»

Дементьев, из чьих уст Геннадий однажды услышал замечательный футбольный афоризм «Класс – в простоте», перешел на работу в «Спартак». Логофет остался в ФШМ тренироваться у Бескова. И для его становления это был очень важный период. В интервью www.sports.ru можно отыскать такой фрагмент:

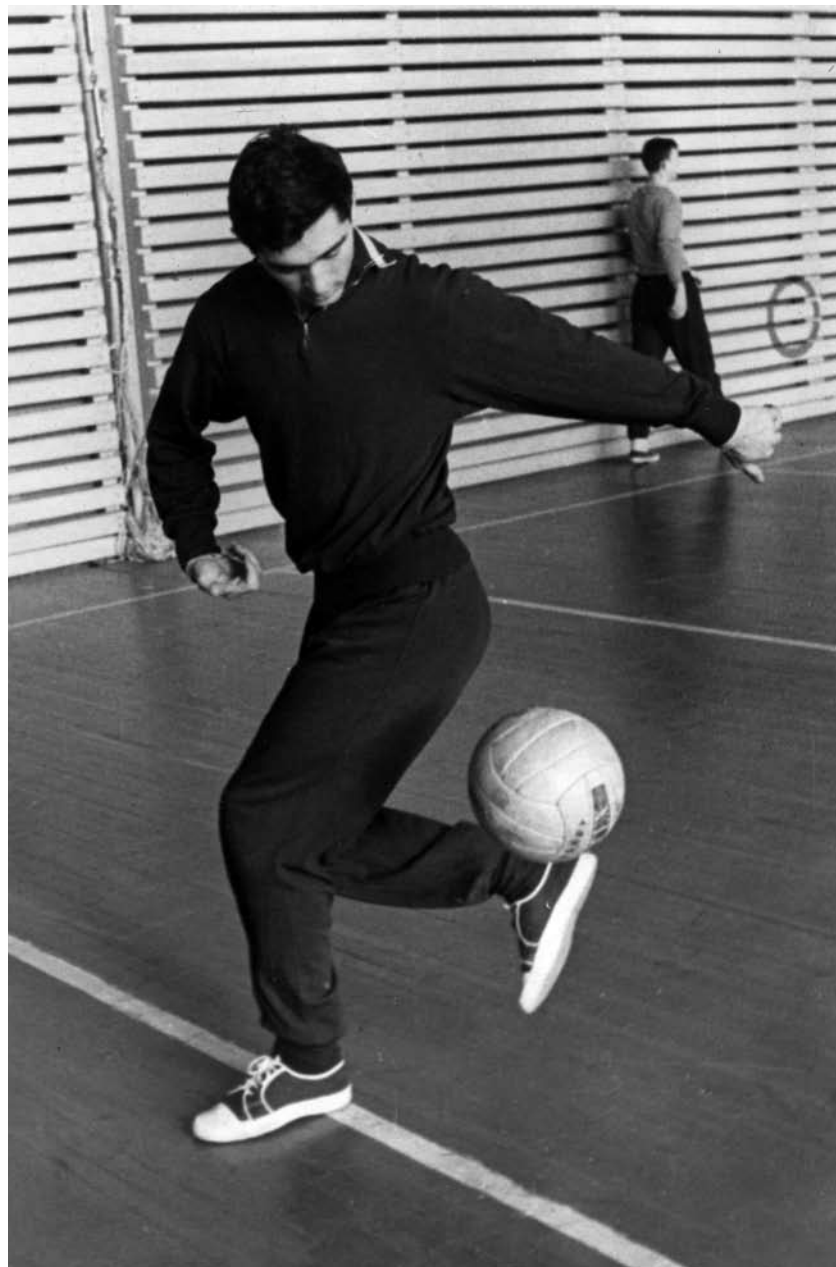
«Вот у меня, к примеру, не было ни одной игры, чтобы я на поле не умирал за Бескова. Знаю, что во всех его командах девять из десяти человек испытывали к нему такие же чувства. Да, мы играли за результат, за деньги, но еще и за тренера. Он как никто умел раскрывать внутренние резервы ребят. Мог при всех отчитать по делу, но так, чтобы это шло на пользу. Как-то, еще в ФШМ, я полез в обводку, потерял мяч, и нам забили. На разборе Бесков, глядя мне в глаза, сказал: «Более бездарного игрока в своей жизни я не видел». С тех пор в сложных ситуациях я всегда бил «в правительство», как говаривал наш Толя Крутиков, то есть на трибуну. Плюс тренировки у Бескова были интереснейшие. Или вот еще случай. В 1958 году Константин Иванович привез с чемпионата мира в Швеции бутсы «Адидас». Для нас, мальчишек, это было в то время что-то космическое. И говорит: «Кто сегодня лучше всех сыграет, завтра дам в них потренироваться». Несколько раз и мне выдавал. Еще один потрясающий ход».

Благодаря Константину Ивановичу лучшие игроки ФШМ стали получать стипендию – 800 дореформенных рублей. Позднее, рассказывал Логофет, сумму несколько срезали, но деньги в семье все равно были не лишними.

Дополнительный доход стал особенно актуальным потому, что в 1955-м руководство страны в лице Никиты Хрущева инициировало массовое сокращение Вооруженных Сил. Как и многих офицеров, подполковника Логофета такая реформа застала врасплох: ему не хватило полгода, чтобы получить военную пенсию за выслугу лет. И места работы у Олега Николаевича менялись часто – от спорткомитета РСФСР до балетного училища Большого театра. А были еще вечернее отделение журфака МГУ, Московский физико-технический институт... Позднее отец пере-

Жонглирование мячом – неперменный атрибут тренировки

А это уже более сложный трюк

ключился на научную работу в ЦНИИФКе, исследования были ему в радость, он даже изобрел прибор под названием ПОНИ (плунжерный отметчик нейромышечной информации). Вот только ставка младшего научного сотрудника тогда равнялась 900 рублям.

Обратимся снова к рассказам Геннадия: «После дела Эдуарда Стрельцова в ФШМ стипендии посрезали наполовину. Получали мы до этого 800 рублей – а зарплата квалифицированного рабочего 1100 была. Продащице 100 рублей протягиваю, у нее сдачи нет: «Откуда такие деньги?!» – «Не украл...» Нам, пацанам, интересно было читать статьи, где писалось, какие салаты Эдуард в «Метрополе» заказывал. Думали – вот как настоящие-то футболисты живут! А Бесков нас собрал и сказал: «Чем лучше играешь, тем дороже стоишь».

Но благодарен он Константину Ивановичу отнюдь не только за эти наставления. О продолжении учебы после школы Генка тогда не задумывался, да и в аттестате у него были в основном «тройки», а «пятерки» значились только по английскому и химии. Физкультура, разумеется, была не в счет. В институте иностранных языков даже не стали принимать документы – мол, куда с такими низкими оценками. В институт физкультуры он уже сам не захотел, упирая в разговорах с родителями на то, что занятия будут мешать футбольной карьере. И тут сказал свое слово Бесков – возможно, с подачи Олега Николаевича и Нины Андреевны: «Не поступишь в институт – не буду допускать к тренировкам». Константин Иванович руководил в то время еще и сборной Москвы, в которую Логофет тоже проходил.

Шел 1959 год, когда один из партнеров по фэшээмовской команде сообщил Геннадию: «Тобой ЦСК МО заинтересовался. Поезжай завтра на Ленинградский проспект». В армейском клубе пообещали: «Знаем, что ты в Москомспорте получаешь 400 рублей. Так вот, мы тебе сверху еще 800 будем платить каждый месяц, но ты больше ни с кем дел не имей. Закончишь ФШМ – и к нам». Ну как было не согласиться?

Но через пару дней на связь вдруг вышел начальник «Спартака» Николай Старостин: «Тебя же мы хотели взять. Твой тренер Дементьев у нас с дублем работает, рекомендовал». Логофет такому повороту дел только обрадовался: «Я с удовольствием пошел бы к вам, но меня никто не приглашал». Николай Петрович удостоверился, что у армейцев никаких живых денег юноша не получал, и пообещал зарплату побольше – 1100 рублей. На это Геннадий ответил: «Дело не в деньгах, Николай Петрович. Я сам за «Спартак», я болел за него всю жизнь. Мечта моя – играть в «Спартак!»

Геннадия Логофета

Причины и следствия

Чемоданное настроение

Кто знает, если бы уже тогда, в 1959-м, Бескову предложили возглавить армейскую команду, для Геннадия это стало бы более сильным аргументом. Но Константин Иванович перешел на новую работу только в 1961-м и действительно привел из ФШМ сильных ребят – Владимира Федотова, Владимира Фомичева.

А «Спартак», что было немаловажно, пригласил еще и Сергея Рожкова, и Юрия Севидова, и Вячеслава Амбарцумяна – тоже фэшэмовца, только на два года старше. Со знакомыми ребятами на новом месте обживаться было легче.

Глава четвертая

«Спартак» per sempre*

* навсегда (итал.)

Встретился Логофет в «Спартаке» и с еще одним старым знакомым – своим одноклассником Валерием Рейнгольдом. Только до сей поры они противостояли друг другу, представляя разные футбольные школы, а теперь стали партнерами.

– Сначала вместе играли за юношескую команду, потом за дубль, – перешел Валерий Леонидович. – Генка мог закрыть разные позиции – и в защите, и в полузащите.

На первом же тестировании Геннадий сразил спартаковское руководство, опередив в забеге остальных игроков дубля на целый круг. А вообще лучшее время в тот день показал только Анатолий Масленкин – самый быстрый игрок основного состава «Спартака». И Старостин, обсуждая с тренерами новичка, не скрывал эмоций: «Феномен!» Сам же Логофет полагал, что в такой потрясающей форме он был благодаря... лыжной подготовке в институте.

В команде новичок получил прозвище Киса. На этот счет существовало две версии. Первая – поскольку не отличался атлетическим телосложением, то партнеры оттакивались от слова «кислый», то есть худой. Вторая – так была отмечена его кошачья пластика при работе с мячом.

– Все-таки правильнее иметь в виду слово «кислый», – внес решающий аргумент Вячеслав Крылов. – Но в другой трактовке – слишком серьезный, задумчивый. Именно таким он выглядел поначалу.

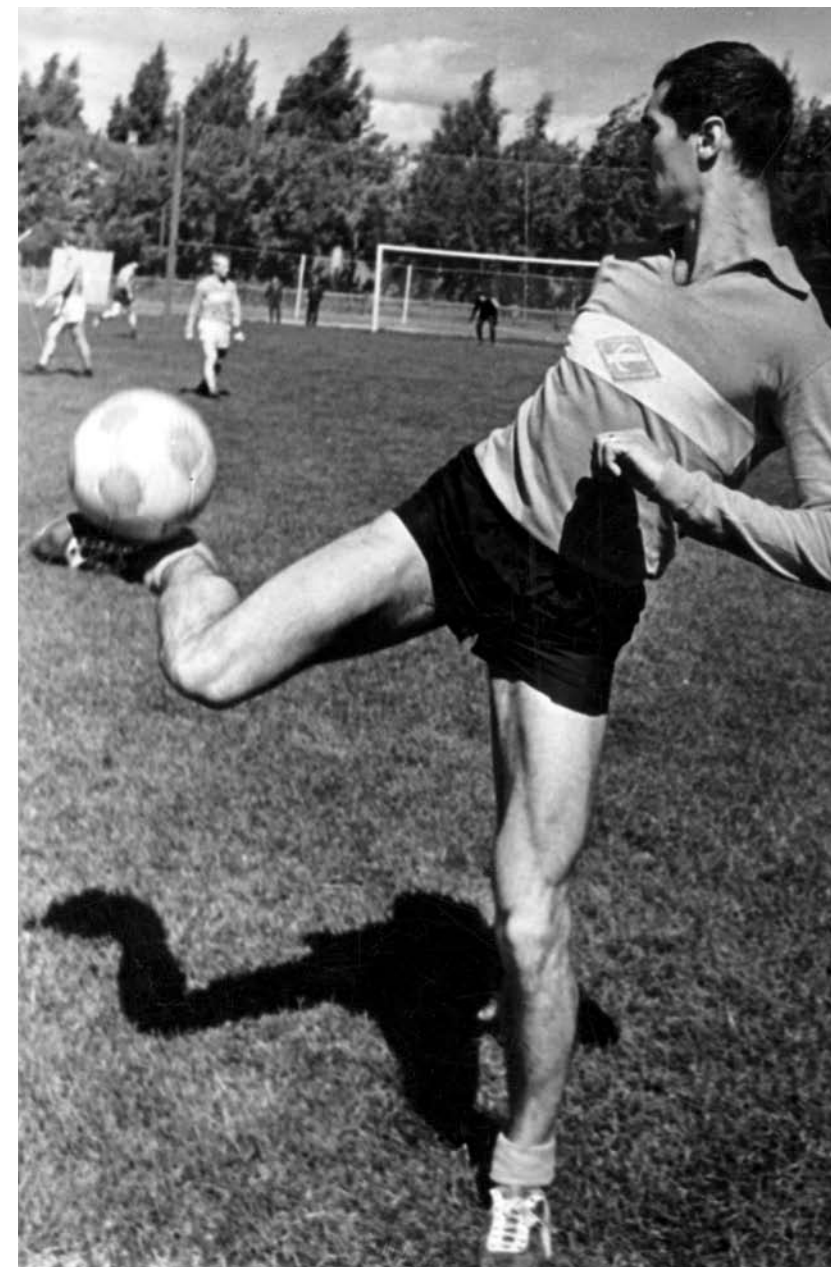
Между тем в «Спартаке» произошла смена старшего тренера: им был назначен только-только завершивший карьеру игрок Никита Симонян.

– Я принял команду в 1960-м, год был тяжелый, надо было втягиваться, – говорил Никита Павлович. – Немало наслушался в свой адрес: «Не умеешь – не берись за дело». В 1961-м взяли бронзу. Но для того, чтобы подняться выше, требовалась подводка молодых игроков.

– Логофет не сразу попал в основу, – подчеркнул Сергей Рожков. – Он конкурировал за место в основе с Владимиром Петровым и Анатолием Солдатовым. Будучи игроками дубля, мы в 1960-м смотрели вместе матч «Спартака» с «Жальгирисом», и Геннадий восхищался игрой Петрова. Владимир стал его кумиром, и в дальнейшем Логофет много чего позаимствовал из его игры на месте правого защитника.

Алексей Холчев, большой друг Никиты Симоняна и поклонник «Спартака», весной 1961 года оказался в Тбилиси, где красно-белые проводили тренировочный матч с местными динамовцами. И вот какая картина предстала его глазам:

«Поднимаюсь в номер тренеров спартаковцев и застаю там разбор поведения молодого игрока – Геннадия Логофета. Руководители команды – Старостин, Симонян, Дементьев – сидели со строгими лицами, а напротив, понурился словно школьник, стоял сам провинившийся.

Отработка
финта

До сих пор испытываю чувство неловкости, что стал невольным свидетелем пусть и благожелательной, но все же экзекуции. Помню, что, поразмыслив, воспринял ее как следствие конфликта необузданных порывов задиристой юности с нерушимым распорядком жизни команды.

– А он интересный игрок? – спросил я у Дементьева.

– Очень, – ответил Николай Тимофеевич, – просто талант».

В 1961-м дублиеры «Спартака» с отрывом в одиннадцать очков от второго призера стали победителями в своем первенстве. Еще по ходу сезона в еженедельнике «Футбол» была опубликована заметка «Думая о завтрашнем дне», где говорилось: «В нынешнем резервном составе «Спартака» можно было видеть хороших молодых футболистов. Защитник Ю. Купчик и Г. Логофет, выступавший в линии полузащиты и в среде защитников, нападающие Э. Малофеев, В. Рейнгольд, С. Рожков – вот лучшие игроки дублирующего состава «Спартака». Не сегодня-завтра мы их, несомненно, увидим в основном составе». В итоговой комментарии на страницах этого же издания Владимир Пахомов писал: «Помимо Л. Адамова и В. Рейнгольда, спартаковский дубль вполне может делегировать в основной состав защитников Г. Логофета, Ю. Купчика, полузащитника А. Григорьева, нападающих С. Рожкова, В. Костикова».

Между тем Геннадий в тот год уже дебютировал в команде мастеров – 17 октября вышел в «Лужниках» против ростовского СКА, заменив левого

С Валерием Рейнгольдом и Александром Голодубовым

полузащитника Юрия Иванова. Но для получения бронзовой награды одного матча, разумеется, было недостаточно.

Зато в 1962-м на золотую медаль он наиграл без всяких вопросов. И Никита Павлович пояснил свой выбор:

– Логофет по тому времени обладал высокой технической оснащенностью, жесткостью в отборе, но был умел и в организации игры, что на месте крайнего защитника, что полузащитника. Закрепился в основном составе и никому место не отдавал.

– Надо пояснить, почему Генка перешел с левого на правый фланг, – дополнил Крылов, которого из ФШМ взяли в дубль ЦСКА. – На краях обороны действовало два Анатолия – Крутиков и Солдатов. Первый, несомненно, был выше классом, в 1960-м выиграл Кубок Европы, и вытеснить его из состава новичку было сложно. А второй как раз получил травму.

Одним из ключевых моментов турнирной гонки стала игра в гостях у «Пахтакора», о которой Логофет отзывался так: «Выносливость в Ташкенте пригодилась, когда играли при 45 градусах жары. «Пахтакор» вел 2:0, но мы подряд три гола им забили, и Симонян меня выпустил счет удерживать». А 1 ноября Геннадий открыл счет забитым мячам в чемпионатах страны, решив судьбу матча с ЦСКА. В «Советском спорте» описали подробности: «Развязка наступает неожиданно, за четыре минуты

Спартаковское братство

до финального свистка. Журавлев сбивает с ног Корнеева. Назначается штрафной, мяч откатывается Логофету, и он сильным ударом под планку издали забивает гол.

Одним из тех, кто в тот день находился по другую сторону баррикад, был полузащитник Владимир Фомичев, кстати, тоже воспитанник ФШМ:

– Это была равная игра. Осенний туман, вероятно, осложнил видимость нашему вратарю Бауже. С места правого полусреднего, метров с 25-30, Гена выстрелил, и Баужа пропустил обидный, на мой взгляд, гол. Хотя на удар он среагировал, но «пушка» была великолепна. В нашей раздевалке после игры царил тишина...

В заключительном туре захвативший лидерство «Спартак» отправился в столицу Украины. Обратимся опять к воспоминаниям Холчева:

«Я разговаривал с Логофетом накануне матча с киевским «Динамо», который должен был ответить на главный вопрос – кто станет чемпионом?

– Тебе предстоит играть против Лобановского, – рассуждал я, – а он их главная сила. От тебя будет зависеть очень многое.

– Справлюсь, – сдержанно ответил Геннадий и, чуть помедлив, посмотрев на меня твердым взглядом, добавил: – Уверен, что справлюсь.

Правый защитник Логофет наглухо закрыл Лобановского в той игре, и «Спартак» стал чемпионом».

Команда выходит на очередной матч

– В нашем дворе почему-то Лобана особенно не любили, – внес штрих Крылов. – Во-первых, нескладный, семенил на поле. Во-вторых, все время апеллировал к судьям, жаловался, что его бьют. И в московском матче Генка ему жизни не дал, тот грозился: «Вот в Киев приедешь...» И мужики во дворе дали наказ: «Рыжего не прибудешь, домой не возвращайся!» И Генка где-то в начале игры его выкинул на беговую дорожку, окружавшую поле. Сделать такое в Киеве, на глазах местных болельщиков – это был поступок. Потом-то они с Лобаном подружились, за олимпийскую сборную вместе играли.

Между тем получилось так, что из-за потерь конкурентов спартаковцы обеспечили себе первое место независимо от результата киевского матча. И Логофет вроде бы мог не усердствовать. Однако и он, и его партнеры считали взять два очка делом принципа.

– Для нас с Логофетом и Севидовым и в двадцать лет не было авторитетов, – подчеркнул Рейнгольд. – Это уже годы спустя мы удивлялись: надо же, какие мастера нам противостояли. А тогда было только одно желание доказать, что мы не хуже.

Сам же Геннадий одним из главных творцов успеха видел вратаря Владимира Маслаченко: «Я брал ближнюю штангу и тем самым развязывал Володе руки – он уверенно действовал на выходах благодаря своей прыгучести, самоотверженности, был настоящим хозяином в собствен-

Логофет никогда не боялся стыков

Дежурство
у штанги...... и в середине
поля

ной штрафной. Мы никогда не пропускали после навесов и угловых. Вообще в игре на выходах Володе не было равных».

Отвечая на вопросы читателей «Футбола», одной из составляющих чемпионата Симонян назвал переход на прогрессивную систему «1+4+2+4»: «Перестроил защиту, мы сразу почувствовали прочность. Забить мяч в наши ворота стало труднее. В моменты наших атак развязываются руки у А. Крутикова и Г. Логофета. Они подключаются к нападению, нередко бьют по воротам или совершают острые передачи».

В том же номере еженедельника Алексей Арбузов писал: «На заключительном этапе чемпионата вся команда играла хорошо, я бы сказал, вдохновенно. Однако мне все же хочется отметить две тройки игроков, ибо именно они, на мой взгляд, определяют игру сегодняшнего «Спартака».

Первая тройка – А. Крутиков – И. Нетто – Г. Хусаинов... Вторая тройка – Г. Логофет – Ю. Севидов – Б. Петров. Из этой тройки наиболее сложился футбольный характер Логофета. Он показал не только надежную, но и изящную игру, что не всегда встретишь у наших футболистов».

В умах болельщиков, правда, сложилось другое трио: Логофет – Севидов – Рейнгольд. Это отмечал и Илья Ивиницкий, в то время воспитанник школы «Спартака»:

– В двенадцать-тринадцать лет нас часто привозили на базу в Тарасовку, где мы подавали мячи, смотрели, как Никита Павлович проводит

тренировки. Такие поездки были нам в удовольствие, мы прогуливались по базе, садились на лавочки, слушали разговоры мастеров. И самые молодые в команде – Логофет, Рейнгольд, Севидов – пользовались у мальчишек особой популярностью, всегда здоровались с нами за руку. Когда Симонян заканчивал занятия, я вставал в ворота, а они били с разных дистанций. Мои сверстники им ассистировали, помогали отработать обводку, создавая помехи.

К слову, на базе Геннадий, Валерий и Юрий жили в одной комнате, а четвертым соседом был Рожков.

– В чемпионском сезоне Юрка был лучшим бомбардиром, – говорил Рейнгольд. – Я забивал поменьше, а Генка, что называется, выжигал сзади. Симонян ставил нас в состав, и все его требования мы выполняли с охотой. Ведь тренер не враг себе и не будет рисковать, если игрок его не устраивает. Да и Игорь Нетто отзывался о нас: «Ребята хорошие».

Как студент дневного отделения Института физкультуры новоявленный чемпион СССР имел право на отсрочку от армии, но в ЦСКА все равно чуть было не попал: «В 1962-м поехал с олимпийской сборной в Бразилию. В Рио-де-Жанейро заходит ко мне в комнату Вячеслав Дмитриевич Соловьев. «Слушай, – говорит, – я ЦСКА принимаю, и мне нужен такой, как ты, правый защитник. Квартира, поганы – все будет».

С Владимиром
Маслаченко

Я ему в ответ: «Если надо, отслужу, но биться за ЦСКА так же, как за «Спартак», не смогу». – «Хорошо, хоть честно сказал – я твою фамилию из маршальского набора вычеркну». А набор этот означал, что в армию могли забрать кого угодно».

В 1963-м пресса нередко рассматривала игру молодого футболиста под критическим углом. Так, после поражения от «Торпедо» заслуженный мастер спорта Василий Трофимов повесил на Логофета вину за оба пропущенных мяча. Неудача во встрече с земляками-динамовцами тоже нашла отражение на страницах «Советского спорта»: «Неожиданный прорыв левого крайнего Фадеева. Вблизи штрафной площади Логофет нарушает правила. Штрафной удар. Поддача на 11-метровую отметку, несколько ударов, и наконец, Вшивцев вколачивает мяч в сетку ворот». И далее: «Фадеев нередко уходил от Логофета... Слабо провел игру Логофет...» В итоге, отвечая на вопросы читателей «Комсомольской правды», Старостин и Симонян признавались: «Нас самих очень огорчает нетактичное поведение на поле некоторых футболистов. Причина – в плохой подготовленности. Ведь грубость – признак слабости. Особенно показателен в этом отношении Геннадий Логофет. В прошлом сезоне он играл отлично и не имел замечаний от судей. В нынешнем долго выглядел намного хуже и, чувствуя свою слабость, пытался грубыми приемами бороться с подопечными форвардами. Его ошибки, как известно, уже дорого обошлись команде».

Чемпионы
1962 года

В процессе работы над книгой мы напомнили Никите Павловичу об этом периоде, и он пояснил:

– В 1963-м звездной болезни у Логофета точно не было. В команде вел себя нормально, уравновешенно со всеми, и с руководством в том числе. Но в 21 год трудно ожидать от игрока стабильности, спады неизбежны. – О звездняке не могло быть и речи, – подтвердил Рейнгольд. – Мы все ошибались в тот год, живой человек не может действовать, как автомат. Да, случалось, Симонян не ставил Генку в состав. Но и меня, и Юрку, и других тоже не ставил. В футболе как – только с бездарных мало спроса...

Понемногу все пришло в норму, и лучшим доказательством полезности Логофета стало то, что в конце 1963-го «Спартак» дал ему квартиру.

К слову, в шестидесятые-семидесятые годы во время телевизионных трансляций матчей с участием Геннадия комментаторы не раз отмечали его как продолжателя спортивной династии, но почему-то упоминали обычно только Нину Андреевну. Объяснить это можно тем, что гимнастика была на виду, победы на Олимпиадах, чемпионатах мира и Европы приходили постоянно, и не одно поколение звездных имен из сборной СССР с теплотой вспоминало о Нине Логофет, отмечая ее чуткую заботу и участие в их судьбах. Однако и Олег Николаевич не порывал со спортом: в статусе судьи всесоюзной категории работал на междуна-

У музея
Народного
художника
Армении
Мартirosa
Сарьяна

Минута передышки на тренировке

родных соревнованиях по современному пятиборью, будучи заместителем председателя московского Спорткомитета занимался подготовкой и проведением в столице V летней Спартакиады народов СССР. В общем, оба были уважаемыми людьми в своих кругах, но добиться улучшения жилищных условий им оказалось куда труднее, чем старшему сыну.

– Это была трехкомнатная квартира в 56 квадратных метров, на шестом этаже дома в начале Вятской улицы, – дал справку Дмитрий Олегович. – В соседнем доме жил другой игрок «Спартака» – Алексей Корнеев. Раньше родители ставили брату в пример меня, уважительнее стали относиться к нему во времена ФШМ. Чемпионское звание, выигрыш Кубка СССР и переезд в новую квартиру еще больше подняли молодого футболиста в их глазах.

В феврале 1964-го Геннадий получил диплом в ГЦОЛИФКе, стал тренером-методистом по футболу и хоккею. Но после этого уже не имел отсрочки от армии, и проблему решал Николай Петрович. В описании «призывника» это выглядело так: «Когда институт закончил, начали повестки слать. Я – к Старостину. В первый раз по его совету в военкомат не пошел. Через месяц – вторая повестка. «Бери паспорт, приписное свидетельство – и ничего не бойся». Выдали мне военный билет – и никаких разговоров про армию больше не было».

Через год Геннадий женился. Ирина жила в доме рядом – то ли во дворе столкнулись, то ли из окна высмотрел. Рассказывали, что ее родители поначалу были против встреч с футболистом. После того как состоялась свадьба, молодые переехали в отдельную квартиру – двушку на улице Зацепа, тоже выделенную с помощью Старостина. А в 1966-м у них родилась дочь Кира.

– Когда папа был дома, всегда была атмосфера праздника, радости, подарков – такой бесконечный Новый год, – рассказывала потом Кира. – Помню, как я любила ездить в Тарасовку, а папа выходил с поля после тренировки и выжимал передо мной из майки столько воды, будто она была только что постирана. Помню, как к нам в гости любил приходить Савелий Крамаров и всегда меня смешил. И еще приходил другой артист – Виктор Косых из «Неуловимых мстителей», с детства люблю смотреть этот фильм.

Но не только радостными событиями был наполнен тот период. В 1965 году случилось несчастье с Юрием Севидовым – на машине сбил видного академика. В рассказе Логофета журналисту Юрию Голышаку дело выглядело так: «Со мной в доме Корнеев жил, спартаковец, его жена прибегает: «Севидов человека сбил на набережной...» «Да ладно», – отвечаю. «Да нет, люди видели, его в милицию увезли!» Помчался я в ГАИ на проспекте Мира. Из дверей выхожу, вижу – ведут... Самое интересное,

Севидова поначалу отпустили, он на сбор приехал – потом «воронок» в Тарасовку прилетел, забрали...» Печальная история стоила должностей и Симоняну, и Старостину.

А в 1966-м у Геннадия начались трения с новым старшим тренером Николаем Гуляевым, и игрока тут же начал обхаживать донецкий «Шахтер». Горняки обещали устроить на ставку заместителя начальника шахты, доплаты могли составлять 800-1000 рублей в месяц – раз в пять больше, чем в «Спартаке». В ответ прозвучало: «Если Гуляев останется – уйду, если его не будет – «Спартак» ни на какие деньги не променяю!» Николай Алексеевич собирался расставаться не только с Логофетом, а с целой группой опытных мастеров, и руководство решило, что все же проще отправить в отставку тренера.

Порядок цифр в столичной команде был таким: 160 рублей оклад и 80 – за победу. За чемпионство 1969 года выписали премию в 100 целковых. Потом ставку повысили до 180, в семидесятые – до 250. В целом царил уравниловка, только игрокам сборной полагалось по 300 рублей. Выигрыш одного матча стал стоить полторы сотни грязными. Машинами никого не премировали, футболисты покупали авто за свои.

Дмитрий Лекух, автор нескольких книг на фанатскую тему, отозвался на одной из гостевых в интернете: «Геннадий Олегович Логофет, легендарный советский защитник, всю свою игровую карьеру проведший в одном клубе, вовсе не потому, что у него не было возможности присмотреть себе какое-нибудь, куда более «тепленькое местечко». А просто потому, что это – нормально, когда какие-то правильные, пусть даже и, вроде, совсем себе не героические ценности не имеют и не могут иметь своих материальных компонентов. И сейчас, когда спартаковская терраса начинает петь «Наше имя выше денег!» – в этом есть и его несомненная заслуга. Это – то, что он нам, несомненно, оставил. И это, просто поверьте, – очень и очень много».

Отказ от предложения «Шахтера» был вызван еще и тем, что «Спартак» гораздо чаще выезжал за границу. В этом заключался плюс не только в плане того, что появлялась возможность приобрести дефицитные товары, просто Геннадию было очень интересно посмотреть мир.

В чемпионате страны началась гегемония киевского «Динамо», и хотя в 1968-м спартаковцы финишировали вторыми, свергнуть чемпиона они все же еще не были готовы. Но годом позже вернувшемуся тандему Симонян – Старостин удалось создать прекрасный ансамбль. Логофет тогда забил победный мяч киевлянам в московском матче, а в ключевой игре на берегах Днепра бесподобно защищал ворота голкипер Анзор Кавазашвили, позволивший отстоять минимальное преимущество. Геннадий тоже отдал ему должное: «Анзор Кавазашвили, помню, в Киеве

С малышкой
Кирой

«Динамо» похоронил. Там Серебряников штрафные бил по заказу в любой угол. Мы накануне голову сломали, а потом Анзор говорит: «Если момент удара увижу, из любой девятки вытащу». Решили – только Серебряников разбежаться начинает, стенка расходится. Симонян одобрил. Играем, счет 1:0 в нашу пользу. Штрафной. Делаем, как договорились, и Анзор из правой девятки вытаскивает. Судья перебить просит – «Без свистка!» Опять встаем-расходимся – Анзор из левой девятки берет! «Динамо» тот момент морально прибил...»

Комфортно Логофету было рядом с Николаем Абрамовым: «Играл в центре обороны «Спартака» такой люберецкий парень, который при своем довольно высоком росте ни бежать, ни прыгнуть как следует не мог. Но игру читал бесподобно! Безошибочно знал, когда меня, крайнего защитника, надо подстраховать. Каким-то необъяснимым образом чувствовал, когда я потеряю мяч, когда смогу довести атаку до прострела в центр...»

Золотые медали спартаковцы оформили победой над земляками-армейцами. Капитан ЦСКА Альберт Шестернев, партнер Геннадия по сборной СССР, предупредил: «Играть будем как всегда, по-настоящему». Нужный для победы мяч спартаковцы провели, но от ответного гола их спасло только чудо...

Анализируя чемпионский год в статье «Златоносцы», написанной для лужниковского справочника-календаря «Футбол-1970», Николай Старо-

Логофет
(первый справа)
в контрольном
матче с
«Локомотивом»

стин дал такую характеристику: «Правый защитник Геннадий Логофет – из той славной стаи спартаковских орлов, что добывали золотые медали в 1962 г. За прошедшие семь лет возмужало не только его мастерство, но и характер. К прежней непреклонности прибавились трезвый расчет и взгляд на вещи. Взамен молодого задиры на поле теперь выходит суровый, знающий себе цену мужчина. Грозная репутация спасает Г. Логофета от желающих применить к нему силовой прием, а собственная маститость не позволяет возвращаться к таким грехам молодости, как перебранка с судьями или откровенные стычки с противниками.

Геннадий не пропустил ни одной календарной игры в «золотом» чемпионате и почти все отработал на отлично, забив решающие голы таким противникам, как динамовцы Москвы и Киева».

Что касается встречи с земляками, Николай Петрович был не совсем точен: красно-белые тогда уступили. Но сольный номер второго номера «Спартака» был действительно хорош, что отметили и авторы книги «Великое противостояние»: «Активно игравший Калинов подхватил мяч неподалеку от боковой линии и отдал его появившемуся рядом с ним Логофету. Защитник, недолго думая, метров с 25 сильно пробил верхом в правый угол ворот. Удар, по-видимому, не был для Яшина неожиданным: позицию он выбрал верно, но, тем не менее, все его попытки достать летящий над ним мяч оказались безуспешными...»

Чемпионский
состав
«Спартака»
в 1969-м

Огорчил Геннадий знаменитого вратаря и в следующем сезоне, на этот раз поучаствовав в крупной победе над бело-голубыми. Вот описание из того же источника: «Подключившийся к атаке Логофет, сыграв в одно касание с Хусаиновым, нанес сильный и точный удар в левый нижний угол метров с десяти. Яшин бросился, но мяча не достал». Сделать акцент уместно хотя бы потому, что неудержимый форвард Эдуард Стрельцов за все время соперничества поразил ворота Льва Ивановича только однажды, а Геннадия, штатному защитнику, это удавалось чаще.

Пополнилась его коллекция и бронзой в 1970-м, и серебром в 1974-м, но «Спартак» все же был уже немного не тот. Хотя Александр Старостин, второй по старшинству из братьев, называя в разговоре с Константином Есениным тех, кто ему нравится в команде, завершил перечисление так: «...и конечно, Логофет». Ключевое слово здесь «конечно». Вот только уход Симоняна в ереванский «Арарат» и очередной приход Гуляева не сделали положения Геннадия в команде устойчивее, хотя он и выходил с капитанской повязкой.

– Наверное, это был единственный случай, когда у Генки с кем-то не сложились отношения, – рассуждал Виктор Папаев. – Врагов не было, все друзья, только кто-то ближе, а кто-то дальше. Он сам выбирал, с кем быть. Когда Гуляев оставлял в запасе, Генку это раздражало. Но не хотел уезжать на периферию, хотел играть в команде интеллектуаль-

Гол Логофета
в ворота
киевлян

ной, где можно подключаться в атаку и забивать.

– Гешка столько отыграл за «Спартак», конечно, ему хотелось уважительного отношения к себе, – подтвердил Ловчев. – Он не считал, что в 33 года хуже других защитников, что не годится для основы. А его отправляли играть за дубль. Помню, как Логофет с Гуляевым спорили в Тарасовке. Когда в разговоре игрока и тренера звучит фраза «Вы вообще не понимаете в футболе», кто-то должен уйти. Вот Гешка и ушел.

В чемпионате СССР-1975, неудачном для «Спартака», Логофет сыграл только семь матчей. Но и этого хватило, чтобы в истории клуба стать вторым по количеству игр, после Игоря Нетто. И лишь позднее старшего одноклубника отодвинул на третью строчку Федор Черенков.

В разговорах с нами партнеры Логофета, пришедшие в команду позже его, не сговариваясь, отмечали его коммуникабельность и стремление помочь новичку освоиться в коллективе.

– Очень ему благодарен, – признался Юрий Сёмин. – Когда я попал в «Спартак», он был ярким представителем молодого поколения и оказал влияние на мое становление. Можно сказать, я приехал из деревни, а он уже вызывался в сборную – и в первую, и в олимпийскую. После моего дебютного матча сказал одну умную фразу: «Вот тебя предпочли другим и поставили, теперь надо закрепиться, играй всегда как в последний раз». Я жил на базе, и если нужно было рано

Чаще всего
в чемпионатах
СССР
Логофет
играл против
«Торпедо»

куда-то улетать, то ночевал в квартире его родителей.

– Я тоже появился в «Спартаке», когда Логофет уже относился к плеяде звезд, – принял эстафету Владимир Янкин. – В Алма-Ате мы как-то поругались во время игры, причем не прав был он. Ну, схлестнулись и схлестнулись, такое часто бывает, но после свистка Гена подошел и извинился. Он умел трезво оценивать ситуацию. Футболу отдавался полностью, даже на тренировках: попытаешься обвести его один в один, потом все ноги в крови. Потом у меня была проблема с мениском, лежал в диспансере у Курского вокзала, восстанавливался, а Гена привез лекарство, которое было трудно достать.

– Как и другие, приехавшие с периферии, на Логофета с Амбарцумяном я смотрел, как на игроков с московской родословной, которые быстро смогли заявить о себе, перебравшись из юношей в команду мастеров и отвоевав в ней место, – вспомнил бывшее Папаев. – Со стороны могло показаться, что им давалось все легко и просто. Многие вызывало в нем уважение. В команде Гешка был ориентиром – продвинутым, как сейчас бы сказали. Поражало его умение учиться, и не только футболу. Он понимал, что и английский, и итальянский это не для кого-то, а для себя. И вне футбола он был модный, интересный – со всех сторон колоритная личность, негласный лидер, образец поведения не только для провинциалов, но и для москвичей. В команде его воспринимали как цельную личность, выходящую за рамки наших представлений о том, каким должен был футболист. Жалко, что он остался для нас ориентиром только в мыслях, в реальности же до нас не дошло, что надо расширять кругозор, у нас только футбол был на уме. Но он-то и на поле был заводила! Мы жили в Тарасовке на базе, а он индивидуально приезжал из Москвы поработать над скоростью, какими-то приемами. Нас, молодых, привлекал, заставлял обыгрывать...

Конечно, наиболее объективную характеристику футболисту может дать только старший тренер. Тем паче, если это Никита Симонян, умеющий формулировать мысли емко и четко:

– Логофет отличался высокой технической оснащенностью, жесткостью в отборе, в то же время был умелым и в организации игры на месте как крайнего защитника, так и хавбека. Когда мы играли в три полузащитника, мог выйти на месте опорного. Завершать атаки тоже умел – 27 мячей за карьеру говорят сами за себя. Не вспомню, чтобы я ставил ему «двойки» за игру, чаще всего – стабильные «четверки». Геннадий был бойцом без страха и упрека, но не верьте, если кто-то назовет его грубым футболистом. Грубияны – это Rogov, Golubev, Zarembo...

Любопытно было послушать и мнения людей, вышедших против Логофета на поле.

Тренировка начинается с растяжки

– Моя «Алга» выступала классом ниже, поэтому соперничать доводилось только на сборах на юге, – рассказал Петр Шубин. – Пару раз мне удалось пройти его на краю, и он больше в шутку предупредил: «Чувствую, ты парень неплохой, переходи на другой фланг». После игры вместе посмеялись. Он был не грубым, но жестким, хорошо пользовался подкатами, поэтому обыграть его было сложно.

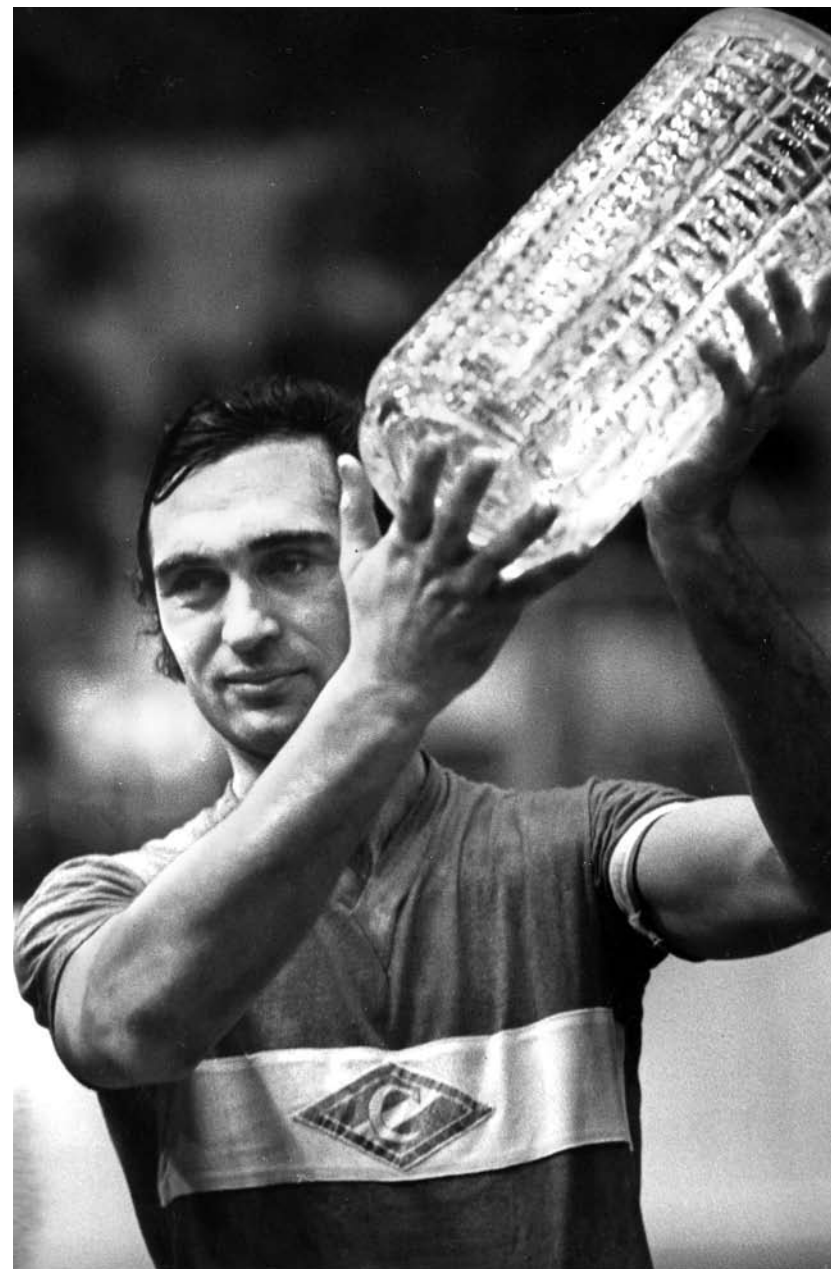
– После ухода из «Спартака» не раз встречался с ним в форме «Динамо», а потом «Кайрата», – дополнил Юрий Сёмин. – Как-то в матче «Кайрата» со «Спартаком» он пошел в жесткий подкат и попал по ноге, под колено. Слава Богу, сбоку. Потом пришел в раздевалку, извинился. Мы симпатизировали друг другу, но на поле не было друзей.

– И у меня на ноге осталась отметина от Логофета, – не скрывал Вадим Никонов, много лет отдавший «Торпедо». – Но об умышленной грубости и речи не было, он просто чуть-чуть опоздал в борьбу.

Сам же Геннадий однажды признался, что Симонян предлагал ему персонально закрыть другого торпедовца, Валерия Воронина, а он отказался: «Просто не смогу против него жестко играть – мы дружим. Ведь если он случайно в моей зоне появится, придется и по ногам двинуть». Никита Павлович оценил искренность своего подопечного и не стал настаивать на выполнении установки.

«Спартак»
на турнире по
мини-футболу

Главный
приз в руках
капитана

Логофет обычно отзывался о соперниках очень корректно. Например, своего тезку Красницкого из «Пахтакора» уважал за сильнейший удар, армейца Альберта Шестернева – за умение нейтрализовать любого форварда, Давида Кипиани из тбилисского «Динамо» – за светлую голову и неординарную технику, и так далее. Мог объективно оценить уровень всей команды. В частности, когда на старте чемпионата СССР 1972 года красно-белые уступили в Ворошиловграде «Заре», он сделал прогноз: «По той игре, которую показала «Заря» с нами, я почувствовал: если она и дальше будет так играть, то обязательно станет чемпионом». И прогноз этот сбылся.

А еще статистика показывала, что Геннадий редко пропускал матчи из-за травм, хотя и не щадил себя.

– Действительно, он счастливо избежал серьезных повреждений, – попытался найти объяснение Папаев. – Мышечных травм не помню, переломов – тем более, разве что одни ушибы. Возможно, такая кость была, как сталь бывает разного качества. И болевой порог терпимый, в стыках только обжигало.

Правда, Виктор пришел в «Спартак» в 1968-м и просто не застал те времена, когда Логофет выбывал из строя. В играх чемпионата СССР самым серьезным повреждением был перелом ключицы, полученный весной 1964-го в Ростове-на-Дону. Что любопытно, в тот день постра-

Последний сезон в карьере

давший забил решающий мяч ударом под перекладину. А потом лечился полтора месяца.

Логофет же уверял, что специфический стиль выработался еще с ранних времен: «Биться на поле суровый дворовый футбол научил. Мы со Славкой Крыловым с мужиками играли. Те портвейна накачат – и понять не могут, как мы их стеночками в дураках оставляем. И давай нас лупить по ногам почем зря. А мы терпим».

Впрочем, Кире с детской колокольни увиделась совсем другая картинка: – Мне, наверно, было лет шесть, мы смотрели дома матч по телевизору, болели, переживали. И вдруг один игрок получил серьезную травму: ему поранили голову и отнесли на носилках с кровотечением. Я очень испугалась и подумала, что это папа, а мама меня успокоила и уложила спать. Но я не спала, дождалась папиного приезда, выбежала его обнять. И когда он ко мне наклонился, увидела в волосах замазанную зеленкой рану. Потом очень долго его жалела и гладила по голове.

В упоминавшейся уже книге «Великое противостояние» есть отчет об одном из матчей с «Динамо», в котором отмечалось, что Логофета постоянно переигрывал Анатолий Кожемякин. И показалось любопытным выяснить: а с кем из нападающих Геннадию приходилось труднее всего.

– С Кожемякиным многие не могли справиться, его тяжело было удерживать, – засвидетельствовал Семин. – Однако лично я не видел форварда, против которого Логофету было бы сложно действовать. Он не был персональщиком в чистом виде, но именно за счет своей разносторонности выигрывал дуэли.

– Гена никого не боялся, это точно, – не сомневался Крылов. – Скорее, это его боялись. Когда играли с киевлянами, Виталик Хмельницкий сразу старался уходить на другой фланг, к Ловчеву.

– Да-да, а Геннадий Еврюжихин из московского «Динамо» вообще обегал Логофета по беговой дорожке, старался быстро избавляться от мяча, – подхватил тему Папаев. – В те времена крайними форвардами играли быстрые ребята, а он был чуточку тягучим, в стартовой скорости мог уступить. Поэтому, как учили тренеры, атаковал в момент приема мяча. Как говорили, дал получить – смотри потом номер на спине. Здесь шла психологическая борьба, а Генке был присущ элемент предвидения. Но не припомню, чтобы Генка кому-то явно проигрывал, или у нас правый фланг рвали. На миг его могли опередить, но чтобы он оставался за спиной – такого не случалось. Даже когда был в возрасте, и Гуляев на нем крест ставил.

– Я бы, пожалуй, назвал тбилисского динамовца Мишу Месхи, – предположил Рейнгольд. – Вот он доставлял хлопот. В меньшей степени

– Олег Сергеев, Валерий Фадеев. Все эти нападающие имели приличную скорость.

Мнение друга отчасти разделил и сам Геннадий: «В Тбилиси Месхи опекал, проиграли... Но за тот матч я один от Симоняна «пятерку» получил: Месхи каждого из наших по десять раз накрутил, а меня только два. Клоуном не сделал...»

О технической оснащенности Логофета тоже стоит сказать несколько слов. По словам Рейнгольда, он одинаково хорошо работал с мячом обеими ногами, и именно поэтому не было проблем при переходе с фланга на фланг. А Семен Андреев, автор учебника для детей «Футбол – твоя игра», как раз обратился к Геннадию с просьбой рассказать, как правильно делать подкаты. Тот с удовольствием откликнулся: «Отбор подкатом можно выполнять, находясь в различной ситуации – спереди, сбоку, сзади соперника, владеющего мячом. Делается это следующим образом. Определив, что еще есть возможность выбить мяч из-под ноги игрока, необходимо сделать шаг дальше от соперника ногой, сгибая ее в колене. После этого скользящим движением нога вытягивается перед соперником, выталкивая мяч подошвой или внутренней стороной стопы. Помните, что при выполнении подката поверхности поля касается внешняя часть вытянутой ноги, затем бедро и, наконец, туловище. Падение постарайтесь смягчить рукой, опираясь ею о землю со стороны бьющей ноги. Оставшаяся позади опорная нога сгибается в колене».

Но научить он мог отнюдь не только разрушению. Вот что отмечал Федор Черенков: «В исполнении Логофета я увидел потрясающий финт, когда он обводил соперника, цепляя мяч ногами и перебрасывая его со спины через себя. У него это здорово получалось».

– Сейчас почему-то вошел в обиход термин «финт Зидана», – недоумевал Никонов. – Так Гена его исполнял еще тогда, когда Зидан не родился!

– На предматчевых разминках мы с ним часто становились в пару и переводили друг другу мячи от одной боковой линии до другой, с подкруткой, – вспомнил деталь Ловчев. – Получалось очень точно, а он еще шутил, что раньше разминался с Крутиковым, и у того все мячи «в правительство» улетали, то есть в ложу на трибуне.

Нельзя не поговорить и о том, как относился Логофет к спортивному режиму. По его собственному признанию, «если не считать сигарет, режимил на двести процентов – сон по часам, ни о чем постороннем даже не думал». Причем курением «заразился» от соседа по комнате – Рейнгольда. Тема не раз поднималась в разговорах тренерского штаба, пока Николай Петрович не оправдал вредную привычку: «За правый край спокоен, там Логофет кашляет – два кубометра дыма, не сунется ни-

кто!» В другой раз Старостин привел более серьезный аргумент: «Мой брат Андрей дымил, как паровоз, и бегал, как лошадь!»

Кавазашвили, описывая в своих мемуарах «Исповедь футбольного маэстро» ход чемпионской гонки 1969 года, сделал отступление: «Мы дали себе поблажку лишь однажды, в перерыве между кругами. «А не выпить ли нам пива?» – предложил один из лидеров команды Геннадий Логофет. Компанию нам составили Гиля Хусаинов, Вадик Иванов, Женя Ловчев, Коля Абрамов и Витя Папаев. Сначала зашли в парную на Садовом кольце. Потом отправились на Бадаевский завод, там нас ждал друг – главный инженер предприятия. Он провел ребят в цех, где свежее пиво готовилось в огромных таких соблазнительных бочках. Стол завалили всякой всячиной – и понеслось».

– Анзор что-то напутал, – откестился от мероприятия Папаев. – На Бадаевский я точно не ездил, я это пиво не переваривал. Оно для меня не существовало. А Олегыч мог. Неудобно было отказываться от приглашения хорошей компании.

– Был такой поход, – высказался с противоположной позиции Ловчев. – Я-то сам пиво не потреблял, но для сплочения команды поехал с ребятами. Витьки там, скорее всего, и впрямь не было, а остальные дегустировали вволю.

Многое из того, что рассказано выше, свидетельствовало о неординарности Логофета, но ее действительно нельзя передать только через чисто футбольную призму. Своим поведением вне зеленого поля он выделялся среди общей массы. И прежде всего тем, что серьезно взялся за иностранные языки.

Началось это в 1968-м, когда одна женщина рассказала о комсомольском институте при инязе. Геннадий вспоминал: «Вот я и стал два-три раза в неделю по вечерам ходить на занятия. Ведь уже в основе играл. Но у нас тогда двухразовые тренировки только на сборах проводили, да и то редко, так что время выкроить можно было. Начал с уже знакомого английского, потом предложили на выбор второй язык. Поскольку «Спартак» часто в Италию ездил, да и песни итальянские мне нравились, выбрал итальянский. Кассеты Челентано привозил, мы на занятиях их включали и переводили. На базе у меня тогда всегда на тумбочке учебники лежали. Партнеры говорили: «Что корпимся? Пойдем в карточки поиграем, прогуляемся». А я в ответ: «Закладываю личный капитал».

Тот же Евгений Ловчев частенько цитировал своего партнера по обороне: «От всех глупостей тренера нужно иметь материальный щит». И привел некоторые подробности:

– В команде у Гешки была репутация человека зажиточного. Миша Булгаков с Валерой Гладилиным его часто подначивали. Логофет вздыхал: «Глаша, мне бы твое здоровье...» А тот отвечал: «Геша, мне бы твои деньги...»

Когда мы стали чемпионами, Логофет и Кавазашвили приобрели ино-марки: подержанные, в Южном порту был специальный отдел, где торговали машинами из дипломатического корпуса. Я тоже хотел, но денег не хватило. И Гешка ездил на «форде», ему Симонян даже разрешал от базы до «Лужников» добираться, хотя в принципе это не поощрялось: на Ярославском шоссе тогда был железнодорожный переезд, и застрять у закрытого шлагбаума рисковали надолго.

В «Спартак» Логофет пришел комсомольцем, и руководство неоднократно предлагало ему вступить в партию. Он отказывался под благовидным предлогом, а на самом деле потому, что не разделял идеологию. Членом КПСС все же стал, но уже в 1989-м, работая в Госкомспорте.

Алексей Холчев писал: «В те годы мне частенько приходилось слышать от пожилых болельщиков слова осуждения в адрес Логофета за, как им казалось, развязное поведение, экстравагантность одежды, его пестрое богемное окружение. Они недопонимали, что перед ними человек новой формации, который резко отошел от окостеневших стереотипов социалистического быта, который стремился к раскованности в общении, свободному и независимому образу мыслей, что, несомненно, наложило отпечаток на его игру. Он стал одним из тех, кто предвосхитил свободу-мыслие нашего времени...»

А завершить эту главу хочется формулировкой Рафика Али-Заде, игрока атаки бакинского «Нефтчи» и одесского «Черноморца»:

– Логофет в нашем футболе был аристократом. И когда я слышу его фамилию, сразу же возникает ассоциация с такими словами: преданность, порядочность, гордость.

Глава пятая

Три ПРОТИВ ОДНОГО

Точное количество матчей, сыгранное Логофетом в Кубке СССР, не установлено: не все протоколы этого турнира сохранились. Однако, по данным книги «Спартак Москва. Официальная история. 1922–2002», считающейся клубной энциклопедией, у Геннадия было, по крайней мере, 50 игр. И на момент выхода издания в свет в 2002 году он был клубным рекордсменом по данному показателю.

С большой долей уверенности можно предположить, что таковым он и останется навсегда. Во-первых, в двадцать первом веке практически нет однолюбков, защищающих одни и те же цвета на протяжении всей карьеры. Во-вторых, теперь соперники встречаются на каждой стадии по одному разу, а не по два, как предписывалось регламентом ранее, переигровки при ничейном исходе также не предусмотрены. В-третьих, для футболистов нынешнего поколения Кубок страны стал менее престижным, чем для их предшественников, тренеры зачастую выставляют резервистов, давая отдохнуть игрокам основы.

Рекорд удивительнее тем, что в 1961-м Логофет еще не проходил в основной состав, в кубковых встречах 1962-го участия не принимал. И приобрелся к этим соревнованиям только в победном цикле 1963-го, в котором отыграл все пять матчей и забил два гола.

Почин результативным ударам был дан в четвертьфинале, когда «Спартак» принимал ленинградское «Динамо». В газетном отчете за подписью заслуженного мастера спорта Сергея Сальникова были строки и о Геннадии: «В конце первой половины, остроумно разыграв штрафной в компании с Севидовым и Фалиным, Логофет отличным ударом забивает второй мяч». И дальше: «Севидов своевременно «подсмотрел» открывающегося впереди Логофета и незамедлительно отправил ему мяч. Логофет на большой скорости выскочил один на один с Сорокиным и обвел его, но сам перелетел через выбросившегося навстречу вратаря. Бесспорный пенальти. Его четко реализует Севидов».

А в полуфинале спартаковцев ждало уже «Динамо» московское со Львом Яшиным в воротах. И в той встрече произошел эпизод, описанный во многих сборниках футбольных баек. К примеру, упоминал о нем известный журналист Владимир Дворцов, но здесь уместнее говорить не о чьем-то авторстве, а о народном фольклоре.

Но сначала – строки из репортажа того же Сальникова в еженедельнике «Футбол»: «В один из моментов мяч, отбитый Крутиковым, случайно попал к Рейнгольду, находившемуся в одиночестве у средней линии, и он на всех парах устремился к воротам «Динамо». Вышедший вперед Яшин сориентировался не лучшим образом и заблокировал Рейнгольда, за что был

наказан 11-метровым. Логофет хладнокровно увеличил счет до 2:0».

Вот как выглядели события в описании Валерия Рейнгольда:

– Я вышел один на один слевой, и меня сбили еще до входа в штрафную. Даже сознание потерял. Открыл глаза – судья назначил пенальти. И Геша перед ударом с «точки» крикнул Яшину: «Тащи, Вася!»

Сам Логофет воспроизводил фразу по-другому: «В той игре судья по ошибке пенальти назначил. А Лева встал не точно по центру, а примерно на полшага в сторону. Решил бить ему под правую руку. Возьмет – так на то он и великий. Я всегда сначала показывал, а в последний момент резко «крутил». И Яшин попался. Думал, я ему в свободный угол катить буду. Как кинется туда, а мяч в другую сторону полетел. Яшин летит в другой угол, и у меня вырывается: «Куда ж ты, Вася?!» Лева мяч схватил – и в меня запустил».

С Яшиным Логофет к тому времени уже пересекался в сборной, на тренировках бил ему 11-метровые, причем на заказ: пять раз в левый нижний угол, потом пять раз в правый верхний, и так далее. Так что легкое панибратство по отношению к ведущему голкиперу мирового футбола (а в тот год Яшин получил «Золотой мяч») было не то чтобы допустимо, но хотя бы объяснимо.

Существовала легенда, что после этого случая Геннадия в команде стали в шутку называть Васей. У него же была иная версия, удивившая еще в 1962-й: «Когда Маслаченко оказался в «Спартаке», у меня вдруг возникла ассоциация: да это же Шура Балаганов натуральный! И стал называть Володю... Шурой. Он не остался в долгу. И стал окликать меня Васей. В честь Васисуалия Лоханкина. Как вы догадываетесь, в то время мы оба зачитывались произведениями Ильфа и Петрова, книги ходили от одного спартаковца к другому. «Вася, – обращался ко мне «Шура» перед розыгрышем углового, – если залетит в ближний угол, виноват только ты».

Вообще-то штатным пенальтистом «Спартака» был Юрий Севидов, но ту игру он пропускал из-за дисквалификации. Но и Логофет взялся за исполнение 11-метрового не просто так: «В «Спартаке» поверье существовало: пенальти обязательно должны бить холостые – они спокойнее, у них психика еще не расшатана. Холостой, подходя к мячу, не думает, что, если не забьет, жена будет ругаться. Проиграл – значит, деньги не принесет».

Финал с «Шахтером» проходил в День физкультурника, то есть был приурочен к большому спортивному празднику. «Спартак» победил – 2:1, и в 1963-м Геннадий впервые стал обладателем Кубка СССР.

На следующий год титул отстоять не удалось. Снова играя в полузащите, Логофет внес вклад в продвижение по турнирной дистанции: благодаря его удару в 1/8 финала удалось выбить «Кайрат». Заслуженный тренер СССР Олег Ошенков писал: «Гол был забит на 74-й минуте. «Спартак» получил право на штрафной. Севидов, сделав вид, что собирается сильно пробить, передал мяч в штрафную площадь открытому Логофету. Его удар оказался точным. Он и решил исход состязания в пользу обладателя Кубка. Следует отметить, что вратарь Косенков сыграл в момент удара Логофета по воротам далеко не лучшим образом».

Путь к новому титулу преградило в полуфинале киевское «Динамо», причем потребовалась переигровка. В первый день Геннадий играл правого защитника, но при этом постоянно подключался к атакам. В протоколе осталась запись о предупреждении за несогласие с решением арбитра. В повторном матче Логофет по решению тренеров действовал уже на левом фланге обороны, поучаствовал в результативной комбинации «Спартака», однако москвичи уступили.

Зато в 1965-м красно-белые уже не споткнулись. Причем Геннадий стал капитаном команды, что налагало на него дополнительную ответственность. А двухдневный финал с минским «Динамо» стал очень тяжелым.

«Спартак» – обладатель Кубка СССР 1963 года

– Мы минчан обыграли на характере, – выразил уверенность Рейнгольд. – Там же сплошные реваншисты были: Малофеев, Мустыгин, Адамов раньше в «Спартаке» играли. Конечно, они вышли доказать, что напрасно тренеры «Спартака» их освободили. К тому же «Динамо» было на ходу, в чемпионате шло на втором месте, а мы где-то шестыми. В первой игре – нулевая ничья, а народу пришло сто тысяч. На следующий день, конечно, на трибунах прогалины были...

Минчане у нас почти полкоманды сломали, ребята были в крови, мне тоже по голеностопу досталось. А Гешка – словно железный солдат! Сказал: «Мы их сделаем!» Я возразил: «Чем сделаем, бутсы натянуть не могу». А он: «Поднимешься!»

Вышли на переигровку, Арзамасцев уже на третьей минуте засадил в девятку, и Маслаченко ничего не мог поделать. Рассказывали, им за победу обещали по «Волге», а нам, кстати, потом только фотоаппараты вручили. Но все эти стимулы были по фигу, хватило бы мастерства. И ведь хватило! Гена начал соперников в момент приема мяча прихватывать, подавая пример: «Делай, как я».

Благодаря двум голам Галимзяна Хусаинова (Логофет и Рейнгольд приняли участие в решающей атаке в дополнительное время) «Спартак» оставил приз у себя. Вот какими запомнились эти битвы тогда еще юному болельщику красно-белых Евгению Устинову, чье имя еще не раз встретится на страницах книги:

– Имена и фамилии всех спартаковцев шестидесятых я знал, как «Отче наш...», так как мой отец и вся семья тогда просто болели футболом и, в частности, «Спартаком». Частенько посещая матчи любимой команды, мы с друзьями приходили за два часа до игры, чтобы у таблицы чемпионата СССР послушать сплетни бывалых «болел» и узнать новости команды. Очень хорошо помню два финальных матча на Кубок СССР 1965 года, так как во второй игровой день мне удалось пройти вместе с моим приятелем, который подавал мячи, почти к бровке Западной трибуны. Весь матч с минчанами лил сильнейший августовский дождь. Смотря игру, я очень сильно дрожал. Но то не была дрожь от холода. Дрожь пронизывала все тело от макушки до пяток от той атмосферы, от того накала и градуса кипения в громадной чаше «Лужников», свидетелем которой я оказался. На моих глазах, вот так близко, ковалась победа и писалась история. Два блестящих гола Галимзяна Хусаинова склонили чашу весов в сторону «Спартака». После вручения Кубка отчетливо помню круг почета, и первым с Кубком шел Геннадий Логофет, заметно прихрамывая.

Эти детские воспоминания очень сильно запали мне в душу и сердце. С этими воспоминаниями было легче мужать и познавать жизнь, отчетливо понимая, что все мы одной крови.

Ту же картину воссоздавал в своей книге «Звезды большого футбола» и Николай Старостин: «Кубок Советского Союза капитан Логофет нес по кругу почета, сильно прихрамывая. В игре он получил серьезную травму, но, как настоящий боец, не покинул поля. Впрочем, команда фактически играла вдесятером, потому что Геннадий стоял на правом фланге больше для счета, чем для пользы.

На другой день после финала Кубка была назначена свадьба Геннадия Логофета. Совершить обряд предполагалось в три часа дня во Дворце бракосочетаний. Отсюда родственники и вся команда должны были направиться в ресторан на свадебное пиршество. Все это пришлось внезапно отменить, так как финальная игра даже после добавочного времени закончилась со счетом 0:0, переигровка на следующий день совпадала со свадьбой. Так еще невестой избранница Геннадия почувствовала, что футбол требует жертв».

Если Николай Петрович сделал ссылку на личную жизнь в корректном нейтральном стиле, то Логофет много лет спустя журналисту Юрию Голышаку описывал происходившее с юмором: «Как два дня кубковый

Команда совершает круг почета

финал с Минском играли – случай особый. В тех играх нам 12 человек переломали. Меня, капитана, тоже. Малофеев приложился, я на два месяца выбыл – а товарищами считались, вместе в ФШМ играли, в дубле... Гиля Хусаинов нас своими двумя мячами спас. А на следующий день после первого матча я жениться должен был. Сам Никита Палыч благословил: «Давай, Геш, выходные как раз будут, ты не запойный...» В день игры просыпаюсь в Тарасовке – мысль: «Если Бог против свадьбы, вничью сыграем». И точно – такие моменты мы упустили, фантастика! Свадьбу вообще отменять надо было, как сейчас понимаю: через 11 лет развелся....»

– Я у Генки на свадьбе был свидетелем, а потом он у меня, – провел параллель Вячеслав Крылов. – И у обоих потом семьи распались. Так что когда собрались жениться по второму разу, решили, что в свидетели позовем кого-нибудь другого.

После победы над минчанами одна из газет не придумала ничего лучше, как опубликовать рисунок: капитан «Спартака» на костылях и с хрустальной чашей в руках. Поскольку из-за травмы колена Логофет ничем не мог помочь партнерам, старший тренер отпустил его с женой на море. И это дало повод для новой карикатуры на тему: капитан покидает корабль. По словам Геннадия, он даже ездил в

«Спартак» – обладатель Кубка СССР 1965 года

редакцию «Комсомольской правды» разбираться.

Потом на протяжении нескольких лет кубковая эпопея «Спартака» не ладилась. Он выбывал на ранних стадиях, причем порой после поражений от далеко не именитых соперников – таких, как саратовский «Сokol» или воронежский «Труд». Впрочем, на последнем примере стоит остановиться подробнее. Ведь огорчил своих бывших одноклубников старый друг Геннадия – Валерий Рейнгольд, у которого два матча в Воронеже тоже оставили след в душе:

– В 1967-м меня вместе с другими игроками из «Спартака» отчислили, попал в «Труд». После нулевой ничьи потребовалась переигровка, «Спартаку» пришлось билеты в Донецк поменять, он потом должен был с «Шахтером» в чемпионате играть. Я как раз действовал против Генки. Он меня полущутя, полусерьезно предупредил: «Все ноги тебе поотрываю!» Я ответил: «Попробуй, если поймаешь!» И во второй игре как дал с 35 метров... Стоял и плакал: кому забил-то – «Спартаку»! Двойственные чувства охватывали, в общем – и радость за то, что сделал, и горечь из-за того, что родная команда попала под горячую руку. Потом провожал ребят на вокзал, минут сорок с Генкой разговаривали «за жизнь». Он советовал: «Не хочешь вернуться? Ты бы сходил к Симоняну, попросил прощения...» А у меня свой гонор был, мол, за что просить-то?

И вот знаменитый 1971-й, двухдневная битва с ростовским СКА. В полуфинале, кстати, Логофет пополнил счет своим кубковым голам, усугубив разгром бакинского «Нефтчи». Однако в финале, казалось, все шло прахом. За двадцать секунд до конца армейцы вели 2:1, а в ту пору компенсированное время судьи не прибавляли. Даже Симоняну на скамейке не верилось, что матч можно спасти.

– Логофет пошел вбрасывать мяч из аута на Силагадзе, тот ему вернул, – воссоздал картину Никита Павлович. – Вся наша скамейка недоумевала: что они делают, навешивать надо! А Геннадий взял и ударил – вопреки логике. Но недаром говорится: если забил, значит, все делал правильно.

На самом деле произошло настоящее чудо. И угол был острым, и дистанция приличная, но мяч каким-то чудом проскочил между вратарем и ближней штангой. Даже эксперты не могли потом объяснить, как такое могло случиться. Мнения сходились к тому, что голкипер ждал передачи и уже дернулся вперед на перехват.

По признанию Геннадия, в тот день у него было предчувствие: удастся сделать нечто важное. И вот ведь удивительно: забитый им мяч еще не

решил исход борьбы, он лишь продлил выяснение отношений между двумя финалистами. Но по воздействию на аудиторию оказался намного выше, чем гол Николая Киселева днем позже, означавший выигрыш трофея.

Рассказывали, потом один из болельщиков подошел к нему, подарил серебряную ложку с гравировкой «Геннадию Логофету – за мужество» и произнес: «Гена, ты в тот удар вложил всю злость еврейского народа». Но событие стало зарубкой в памяти не только для безымянных любителей футбола. Федор Черенков говорил как-то: «Вот вспомнил знаменитый финальный матч на Кубок СССР против ростовского СКА. Смотрел его еще мальчишкой вместе с отцом на заполненном до отказа стадионе. Когда Логофет невероятным образом забил на последних секундах решающий мяч в ближний угол ворот Кудасова. Этот гол – память на всю жизнь».

– Прекрасно помню день финала, потому что тогда впервые обратил внимание на фамилию Логофет, – добавил штрих режиссер Владимир Краснопольский. – Под Свердловском есть очень красивое, хоть и глухое место – озеро километрах в 35 от города. И вот в выходной я туда отправился – с девушкой, в компании. Работал радиоприемник, как раз транслировали матч, вел репортаж, по-моему, Вадим Синявский. И я так увлекся, что даже опустил рюмку, на меня окружающие косо смотрели. И комментатор раз десять повторил в конце, что мяч в ворота ростовчан забил защитник Логофет. Мог ли я подумать тогда, что мы с ним станем друзьями...

Но с другой стороны, не случись гола Киселева на следующий день, и гол Логофета не имел бы той ценности. Между прочим, немногие помнят, что Геннадий был участником и той атаки, которую завершил Николай.

– Знаю, что Гешка очень гордился голом в ворота СКА, – резюмировал Евгений Ловчев. – Я-то сам, кстати, живую его удар не видел, уже спустился под трибуну. Но не припомню, чтобы он впоследствии когда-либо бил себя в грудь по этому поводу.

Был в жизни Логофета еще один двухдневный финал – в 1972-м, с «Торпедо». На пути к нему он забил 11-метровый свердловскому «Уралмашу» и не забил столичному «Локомотиву». А в переигровке с автозаводцами как раз все решал «конкурс пенальтистов». И Геннадий в определенную тренерским штабом пятёрку не вошел, а его партнеры начали с двух промахов, в то время как соперники не знали осечек.

Геннадия Логофета

Причины и следствия

«Спартак» –
обладатель
Кубка СССР
1971 года

В 1974-м «Спартак» с Логофетом в составе взял у земляков реванш как раз по пенальти, но было это в 1/8 финала, и полноценной мести, конечно, не получилось.

И все-таки три победных финала против одного проигранного – не такое уж и плохое соотношение. Правда, Логофет вряд ли согласился бы с подобной статистикой, он-то привык подходить к делу с максимальной меркой.

Глава шестая

В числе первопроходцев

Когда Геннадий только-только приобщался к большому футболу, советские команды в еврокубках еще не участвовали. Но международные встречи проводились регулярно, причем на самых разных уровнях.

В 1960-м «Спартак» – и основа, и дубль – организовал сборы в Китае. Логофет тогда уже учился в Институте физкультуры, а потому так просто в поездку отправиться не мог: «В инфизкульте особенно лыжи досаждали. Великий Брумел, который учился на курс старше, и тот отвертеться от них не мог. Лыжный сбор проходил в Подрезкове. Целые четыре недели! А «Спартак» тем временем в Китай собрался на 39 дней. Прихожу на кафедру лыжного спорта, прошу войти в положение: «Я же деньги в «Спартаке» получаю». – «Если экзамен досрочно сдашь, сбор тебе вдвое сократим. Надо 15 километров пробежать и технику показать». Всю волю в кулак собрал – и сдал. Хотя еле-еле, на «троечку». После экзамена уехал в Китай. А лыжи с той поры возненавидел».

– Когда юноши «Спартака» ездили на турнир в Италию, в одном из матчей встречались со сверстниками из «Ювентуса», – рассказал Вячеслав Крылов. – Так Генка ухитрился выменять четыре полосатые майки, и потом в дворовых играх по рублю наша команда выходила в этой форме.

Прилет на очередной матч

Возглавлявший команду Алексей Парамонов писал на страницах еженедельника «Футбол»: «Мой рассказ был бы неполным, если бы я не упомянул, пожалуй, о главном – о том, как тепло нас встречали итальянцы. Это проявлялось в большом и малом. Если советские футболисты шли к стадиону пешком, то даже шоферы рейсовых автобусов останавливали машину, предлагая подвезти. Любители сувениров буквально атаковали нас, требуя значки с советским флагом. Нам проявляли знаки внимания, за нас болели. Даже во время игры с «Ювентусом» многие зрители были на нашей стороне».

Именно с той поры Логофет влюбился в итальянский язык и в страну, в которую приезжал впоследствии много раз. Это была любовь с первого взгляда.

Наконец пришла пора Геннадию сыграть на международном уровне за команду мастеров. Произошло это в 1961-м, когда красно-белые совершили турне по Дании.

– Меня в ту поездку не взяли, – признался Валерий Рейнгольд. – На юношеском турнире в Сан-Ремо начудил немного, и Старостин меня в наказание дома оставил. А Генку как раз там начали наигрывать в стартовом составе – значит, были у Симоняна какие-то задумки.

– А у меня игра Логофета в Дании в памяти не отложилась, – посето-

Осмотр Акрополя в Греции

вал Анатолий Исаев. – *Но помню, мы оттуда мячи привезли, которые не намокали.*

Не посчитал необходимым персонально упомянуть молодого полузащитника и Николай Старостин, за чьей подписью публиковался отчет о поездке. Впрочем, со стороны Николая Петровича это могло быть и педагогическим приемом – мол, рано еще выделять на газетных страницах.

В одном из интервью Геннадий говорил: «Свои двадцать лет я встретил в Брюсселе». Действительно, в апреле 1962-го «Спартак» заехал на товарищеские матчи сначала в Грецию, затем в Бельгию. А летом отправился в Финляндию, где выиграл турнир 8-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

– *На «Красной стреле» доехали до Ленинграда, оттуда на теплоходе «Грузия» до Хельсинки, – обозначил маршрут Рейнгольд. – В делегации были и спортсмены, вроде штангиста Леонида Жаботинского, и деятели культуры: хор Пятницкого, Евгений Евтушенко... Мы в первом же матче разгромили венгерскую «Табанью», где вратарем был знаменитый Дьюла Грошич. Остальные встречи тоже выиграла с крупным счетом и взяли первый приз.*

Стоит отметить, что порой «Спартак» мерялся силами не только с зарубежными клубами, но и со сборными. Так, в 1964-м в Москву пожа-

Дебютный матч «Спартак» в еврокубках

ловала сборная Алжира, в ворота которой Геннадий провел два мяча. В отчете «Советского спорта» заслуженный мастер спорта Алексей Водягин и журналист Валерий Березовский, естественно, отметили это обстоятельство, подчеркнув, что первый гол был забит хорошим ударом, а второй – с пенальти, «в котором, пожалуй, не было особой необходимости». Еще ценнее, что тренер алжирцев Абдеррахман Ибрир признался: «Понравились мне Логофет и Рожков».

В 1966-м «Спартаку» наконец-то доверили представлять Советский Союз в Кубке обладателей кубков. Логофет стал участником первых еврокубковых матчей в клубной истории, и нам однажды посчастливилось разговаривать с ним об этом. Вот описание событий, случившихся в играх с югославским ОФК и австрийским «Рапидом», в форме его монолога:

– *За рубеж «Спартак» выезжал и раньше. Например, как раз перед белградским матчем проводили товарищеские игры в Италии. Но вот на участие в еврокубках какое-то время существовал запрет со стороны партийного руководства. Если команда отправлялась в капиталистическую страну, то в качестве заместителя руководителя делегации обязательно присутствовал представитель Комитета государственной безопасности. Никаких болельщиков из Советского*

При Николае Гуляеве «Спартак» выезжал на матчи еврокубков и в 60-е, и в 70-е годы

Союза за границу не выпускали, и если кто-то поддерживал команду на стадионе, то это были наши, работавшие за рубежом.

Встреча с ОФК сложилась для нас удачно. Два быстрых мяча забил Юрий Сёмин. А затем удалось отличиться и мне, причем гол вышел курьезным, даже в детских командах такие не забивал. Я играл в полузащите и на пути к воротам выиграл три стыка: шел в борьбу за мяч, и он отлетал в нужную сторону. Последнее единоборство было с вратарем, который вполне мог сыграть руками, но почему-то решил выбить ногой и попал в меня. А во втором тайме наш голкипер Владимир Маслаченко отразил два пенальти! Правда, оба раза соперники били почти по центру ворот.

Ответный матч у ОФК дома мы тоже выиграли и попали по жребию на австрийский «Рапид». После ничьей в Москве все решилось в венском матче, и мы, проигрывая 0:1, не использовали уйму возможностей, все штанги обстучали. В конце кто-то из партнеров сделал верховую передачу за спины защитников, я пробил с лету, и мяч, задев перекладину, опустился за пределы поля. А забил бы – и пришлось бы играть дополнительный матч на нейтральном поле: послематчевые пенальти в то время регламент не предусматривал.

Возвращаясь домой поездом, и в купе зашел комментатор «Маяка» Владислав Семенов. Кстати, трансляций из-за рубежа еще не было. Но для радио сделали исключение. Так вот, Семенов и сказал: «Ну ладно, Владимир Янкин – игрок сравнительно неопытный. А ты-то как не забил в конце?» А я полушутя ответил: «И хорошо, что вылетели, может быть, теперь тренера быстрее снимут». А тренер, Николай Алексеевич Гуляев, как раз возле купе в коридоре у окна стоял. У нас с ним и впрямь отношения были неважные, но это уже совсем другая история...

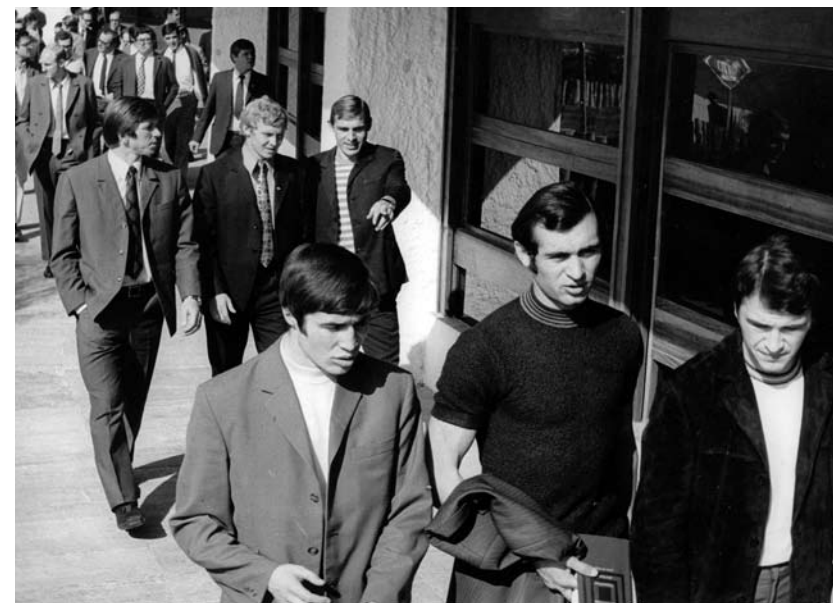
Дополняя рассказ участника событий, можно опять-таки сослаться на оценку с трибуны, касавшуюся московского матча: «Спартакская связка в центре Амбарцумян – Логофет, «вытащившая» немало матчей в сезоне, все же переигрывает хавов «Рапида». А вот строки из отчета про ответную встречу. «Незадолго до конца длинный пас наудачу из глубины Мещерякова находит в штрафной хозяев подключившегося к атаке двужильного Логофета. Хавбек технично принимает мяч, но топорливость в завершающей стадии подводит его – мяч летит над перекладиной...»

Герой книги Павла Алешина «Юрий Сёмин. Народный тренер России» много лет спустя так описывал поражение от «Рапида»: «Странно было слышать во время подготовки примерно такие разговоры некоторых

игроков: «Проиграем в Вене – и черт с ним, с Кубком, поскорее в отпуск уйдем». А мы выглядели сильнее «Рапида» и просто обязаны были его проходить. Если бы все бились насмерть, как Логофет, наверняка выиграли бы. Но и от руководства не исходило особой стимуляции, серьезных премиальных не объявляли. А в «Спартаке» тогда собралась слишком большая группа ветеранов, у которых все больше начинали превалировать собственные интересы».

В шестидесятые годы «Спартак» в еврокубки больше не попадал, но зарубежных поездок по-прежнему было много. Например, в чемпионском 1969 году. На предсезонке красно-белые выиграли «Кубок Дружбы» в столице Ирана Тегеране, а после окончания чемпионата СССР отправились в вояж по Ливану и Иордании.

– Я только пришел в команду, и поэтому мартовский турнир был для меня особенно памятным, – засвидетельствовал Евгений Ловчев. – Соревнования проводились в честь иранского государственного деятеля, которого звали Реза Пехлеви. А от Гешки, по-моему, как раз и пошло выражение «резак Пехлеви» – он говорил так, когда исполнял подрезки. Осенью же на Ближнем Востоке они подрались с Гилей Хусаиновым. Я был в шоке: два кумира дерутся! А Анатолий Константинович Исаев, наш второй тренер, мне объяснил: «Женя, ты еще

С Евгением Ловчевым и Василием Калиновым

молодой, а после сезона у многих нервы сдают». И действительно, я потом мог и сам сцепиться на тренировке с Мишей Булгаковым, так уж жизнь в командах устроена.

Примечательно, что в еврокубках «Спартак» могли доставаться менее именитые соперники, чем во второстепенных турнирах. Так, летом 1970-го москвичи поехали в испанскую Уэльву на традиционный «Trofeo Colombrino», где в полуфинале одолели «Севилью», а в финале уступили мадридскому «Реалу».

– В игре против «Реала» Гешка держал Хенто, а я – Амансио, – припомнил Ловчев. – Соперники относились к нам уважительно, когда у меня в конце матча свело ногу, Амансио помогал мне ее тянуть, чтобы избавиться от спазма.

У Владимира Янкина поездка в Уэльву ассоциировалась с курьезным случаем:

– Мы с Генкой решили обменять там советские двадцатипятирублевки, что вообще-то не позволялось. Но уж очень хотелось магнитофон купить и близким подарки привезти. Пошли в местный банк, служащий ответил, что должен запросить разрешение в Мадриде. Ничего не поделаешь, вернулись в гостиницу, а вечером команду должны были везти на корриду. Спускаемся с Логофетом в холл и вдруг видим рядом с Николаем Петровичем этого банковского клерка! Мы скорее обратно в номер, переоделись, прически на другой пробор поменяли – не дай Бог, опоздание устроят... А с купюрами-то что делать? Хотели даже порвать и выбросить, но ума хватило не трогать. Так и привезли обратно в Москву. Старостин, конечно, все понял, но ничего нам говорить не стал.

В принципе Логофет не скрывал, что многочисленные зарубежные поездки как раз и позволяли спартаковцам получать приварок к ставке и премиям за победы на поле. И в беседе с корреспондентом «Московского комсомольца» Алексеем Лебедевым как-то раскрыл технологию этого нехитрого бизнеса на примере одной поездки во Францию, где команда жила в одной гостинице с танцорами ансамбля Игоря Моисеева: «Гостиница была шикарная, в центре города. Мы уезжали на тренировку примерно в 11 утра. И они в это же время приблизительно – на репетицию. Стоят Симонян и Моисеев. И такая картина: они говорят-говорят – да вдруг как расхохочутся. Заходит наш тренер в автобус. Мы спрашиваем: «Никита Палыч, расскажите, чем он вас рассмешил?» Он рассказывает: «Да понимаете, я ему говорю: «Игорь Александрович, какие же у вас артисты! Как у них мастерство отточено! А мои же... Ничего у них по большей части не получается. Иногда недорабатывают. Иногда сачкуют...» А в ответ: «Да

вы что, Никита Палыч! А я как раз футболистов ваших ставлю в пример». Ну так вот. Они там к моменту нашего приезда жили уже два месяца. Быстренько с нашими ребятами перезнакомились. И говорят: мы нашли фабрику одну, с которой мохер отпускают – по франку моток. Мама дорогая! Значит, считаем: на доллар – пять мотков. Здесь этот мохер – по пятнадцать рублей стоил. Стало быть, на каждый потраченный доллар получается по семьдесят пять рублей! Рокфеллер бы с ума сошел от такой прибыли...

Ну, и наши ребята на мохер нажились. Набрали по полной программе. Рекордсмен один был – двенадцать или тринадцать килограммов взял. Еще кто-то – девять. По пять, по шесть брали... А разрешалось-то провозить только два. И вот на таможне нас (я, правда, ничего не вез, нам с Киселевым никто про мохер и не сказал) стали проверять. Первый раз в жизни. Позже, когда мы встречались с ребятами-моисеевцами, они сказали: у нас-де только официальных стукачей пятеро было – представителей КГБ. А еще сколько скрытых (учтите, там 120 или 140 человек в ансамбле). Сколько сочувствующих... Просто учету не поддается! Конечно, на вас стукнули, что вы столько набрали.

По два килограмма каждому оставили – остальное конфисковали. А ведь некоторые по дороге уже было размечтались: «Мебель куплю, может, еще и на машину останется...»

Но вернемся к футболу. В 1971-м «Спартак» выпало стать первопроходцем: красно-белые раньше остальных советских клубов дебютировали в Кубке УЕФА. Соперником стал ВСС из Чехословакии. В Москве спартаковцы забили два безответных мяча, и задел очень пригодился им в ходе трудного матча в Кошице.

– Нашу задачу облегчили сами хозяева, – уверял Вячеслав Егорович. – Защитник отыграл мяч вратарю, не увидев, что голкипер покинул ворота. Автогол, и теперь ВСС уже нужно было забивать четыре мяча. А мы сразу перестроились, избрав осторожную тактику – не шли на обострение и образовали плотный заслон в центре. На мокром поле разрушать всегда проще, чем создавать. Правда, с пенальти за фол Логофета их вратарь Швайлен счет сравнял, а перед самым концом футболисты из Кошице даже вышли вперед, но это уже ничего не решало.

Напомню, прошло всего четыре года после ввода советских войск в Чехословакию, и атмосфера была очень напряженной. В коридоре гостиницы, где мы жили, постоянно дежурили автоматчики: организаторы опасались провокаций. А когда закончился послематчевый банкет, в аэропорт нас повезли на полицейских машинах.

Посвятив всю карьеру «Спартаку», Логофет все же выходил на поле в форме московского «Динамо». Произошло это во время турне по США в августе 1972 года.

– У динамовцев пять человек взяли в сборную, поэтому в турне пригласили трех человек из «Спартака», – пояснил участник той поездки Виктор Папаев. – Произошло это как раз после нашей переигровки финала Кубка СССР с «Торпедо».

– Из-за переигровки у нас были трудности с отлетом в США вместе с «Динамо», – дополнил Юрий Дарвин. – Первоначально, кроме нас с Папаевым, брали Валеру Андреева, но он не смог поехать по семейным обстоятельствам. И тогда включили Логофета. Как говорится, что Бог ни делает, все к лучшему. Наша тройка летела по маршруту Москва-Париж-Монреаль. Особенно трудным был последний восьми-часовой перелет, правда в обществе известного хоккейного тренера Аркадия Чернышева. Я не принимал участие в разговоре с Аркадием Ивановичем, как-то неудобно было мне, новичку, в компании с мэтром, но Геннадий долго и интересно с ним общался.

Итак, прилетели мы в Канаду, а перелет в американский Даллас на следующие сутки. Всё было известно принимающей стороне. Американцы знали, что прилетят еще трое, и надо разместить их, то есть

«Динамо»
на приеме
у президента
США
Джимми
Картера

нас, на ночевку в гостиницу. Но как это уточнить? И везение, о котором я говорил, как раз заключалось в том, что Геннадий хорошо знал английский. Он вступил в переговоры, и нас повезли в гостиницу. Хоть отель была напротив аэровокзала, но туда пешком было не дойти. Подогнали лимузин и поехали. В дороге уточнили, в каких номерах будем отдыхать: в «люксе» или двое в двухместном номере, а третий – в одноместном. Мы сказали, что на одну ночь можно и всем в одном. Этот номер оказался аж из шести комнат с холодильником, полным еды и напитков. Супер!

– Переводчиком делегации был журналист Геннадий Радчук, но он очень часто перекладывал эту работу на Генку, – снова вступил в разговор Папаев. – Точнее, Генка его дополнял. Конечно, переводил не на приемах, а в быту, например, распорядок дня транслировал. Сам он признавался: «Мне это нужно и для себя, и чтобы выделиться на общем фоне». Импресарио, организовывавший матчи, знал о его владении английским, возможно, даже что-то приплачивал.

А вот как запомнилась поездка Логофету: «Старостин нас в «Шереметьево» вез, наставлял: «Что бы там ни показалось странным, не вступайте в рассуждения, молчите. Я-то систему динамовскую хорошо изучил, за колючей проволокой...» Уже в Америке был случай: заехали в

Впервые
в бело-голубой
форме

кафе, сидим, водичку пьем. Олег Долматов говорит: «Доктор, а молока можно?» А тот: «Какого молока?! Молодой еще, пей, что все!» Мы, спартаковцы, переглянулись: ничего себе! У нас бы так доктор выступил – его бы выкинули сразу, да еще и морду начистили. Олег же не водки попросил!»

В Штатах Логофет участвовал в трех матчах. «Атланту Чифс» советские футболисты обыграли – 3:0, игра с «Бейс Балтимор» завершилась вничью – 3:3. А над знаменитым нью-йоркским «Космосом» гости взяли верх – 2:1, причем один из мячей забил как раз Геннадий.

А осенью того года опять пришла пора еврокубков. Спартаковский поклонник Евгений Устинов, которому судьбой было уготовано в зрелом возрасте стать другом Геннадия, рассказал нам о первой встрече с ним: – *Воочию Геннадия Логофета я увидел при весьма интересных обстоятельствах. В конце октября 1972 года мы, студенты финансового института (где, как потом выяснилось, у Гены было множество близких по жизни людей, которые впоследствии меня с ним и познакомили), играли в Тарасовке на гаревом поле матч с местным институтом на первенство Москвы среди вузовских команд. После окончания игры остались посмотреть тренировку основного состава «Спартака», которому предстояла встреча с мадридским «Атлетико». Мы были безумно счастливы увидеть вживую своих кумиров и молодых футболистов.*

По завершении занятия Логофет и Папаев остались, чтобы поработать еще над пробитием пенальти. Все вратари уже ушли в раздевалку, и я предложил свою кандидатуру. Мастера без лишних слов согласились. Манера исполнения у обоих заметно различалась. Виктор разбегался и с левой интеллигентно клал, как рукой, все мячи в правый от вратаря угол. Удары Геннадия отличались хлесткостью и неожиданностью. Естественно, как я ни старался, все залетало в сетку, только дважды на моей стороне были штанги. Продолжалась эта экзекуция около получаса, после чего оба игрока пожали мне руку со словами благодарности. Мы в ответ пожелали им победы в Мадриде. И когда в конце игры назначили пенальти в ворота «Атлетико», я «со знанием дела» сказал отцу, что Папаев будет бить в левую девятку. Но глазил: мяч прошел выше ворот.

Сохранились и воспоминания Логофета о победе в Мадриде – безусловно, одной из самых красивых для «Спартака» в еврокубках. Приведем их с небольшими сокращениями:

«С большим трудом, забив в двух матчах всего один мяч, одолели в первом раунде Кубка кубков скромную «Гаагу». На следующем этапе

жребий выдал нам мадридский клуб «Атлетико» – соперника, без всякого преувеличения, грозного. Из того состава, который осенью 1972-го играл против «Спартака», у испанцев девять человек спустя полтора года сражались в финале Кубка чемпионов с «Баварией» Беккенбауэра и Мюллера. Прогнозы перед матчем были, естественно, не в нашу пользу. А «Спартак» взял, да и удивил футбольную Европу! Получилось это спонтанно, никаких клятв перед мадридским матчем мы друг другу не давали. Просто захотелось на финише неудачного сезона доказать, что есть еще у «Спартака» порох в пороховницах, что рано списывать нас в аутсайдеры. В общем, на команду как бы снизошло вдохновение.

Рассчитывая забить быстрый гол, «Атлетико» с первых минут бросился вперед. Поначалу мы оборонялись. Постепенно освоились, сбили наступательный порыв хозяев и повели свою контригру. Великолепно действовал Виктор Папаев. Испанцы поначалу не знали, какой он технарь (на пятачке запросто мог двоих, а то и троих обыграть), кидались на него. Он их как миленьких и накручивал! А затем передача – точная, своевременная, всегда удобная для приема. Помню его отличный прострел вдоль ворот, на который стремительно вышел Саша Пискарев, бил в падении, но в ворота, к сожалению, не попал. Ближе к концу первого тайма Владимир Редин поразил ворота испанцев, но судья показал, что был офсайд, и гол не засчитал.

Николая Петровича Старостина хозяева посадили в ложу для почетных гостей. Но в перерыве он же с командой быть должен! А на «Мансанаресе», чтобы пройти в раздевалку, надо было огибать чуть ли не полстадиона. За пять минут до конца первого тайма Старостин встал и двинулся к нашей раздевалке. И тут на 43-й минуте Витя Папаев выиграл борьбу в воздухе, сбросил мяч Редину, Володя вышел один на один с Родри и открыл счет – 1:0. Николай Петрович ничего этого не видел, в раздевалку он уже после нас вошел.

Там Симонян дает установку на второй тайм:

– Все нормально, ведем 1:0. Теперь играть по счету, немного поменяем тактику...

Старостин – удивленно:

– Никита, ты разве не видел? Гол ведь не засчитали!

– Засчитали, Николай Петрович, засчитали.

Старостин ничего понять не может. Наконец кто-то ему шепнул: Вовка Редин на 43-й забил.

Во втором тайме пошел захватывающе интересный футбол. Разыгрался Редин: на замахах он буквально разбрасывал в стороны защитников.

Перед
матчем с
португальской
«Виторией»

Вскоре точно пробил Пискарев – 2:0. За 15 минут до конца встречи Миша Булгаков забил третий мяч. Буквально тут же арбитр во время одной из атак испанцев показал, что мяч попал мне в руку, и назначил в наши ворота пенальти. Но умышленной игры с моей стороны не было! Игрок «Атлетико», находясь от меня метрах в трех, пытался сделать прострел и попал в руку. Увернуться от мяча я никак не мог! Луис забил пенальти – 3:1.

В концовке «Спартак» пропустил еще два мяча, но все же довел матч до победы. Нет, мы не успокоились раньше времени, не сбросили обороты, просто у «Атлетико» стало вдруг на последних минутах получаться буквально все. Такое в футболе случается. Зато четыре забитых в Мадриде мяча здорово помогли нам в ответной игре. «Спартак», хоть и уступил в Москве со счетом 1:2, по сумме двух матчей прошел тогда в следующий этап турнира».

Заключительный матч в еврокубках Логофет сыграл в 1974-м – против югославского «Вележа». Забавно закольцевался сюжет: и первый, и последний соперник представлял одну и ту же страну, да и счет оказался тем же самым – 3:1. Всего же игр под эгидой УЕФА набралось 16. Для стыка шестидесятых и семидесятых годов – приличное число, ведь советские команды только-только осваивались в Европе.

Глава седьмая

Монеткой по судьбе

Сам Логофет говорил: «Раньше считалось, если парень поиграл в юношеской или молодежной сборной, из него почти обязательно выйдет толк». Действительно, многие игроки, выступавшие за национальную команду, еще в младших возрастах надевали майку с буквами «СССР».

Достаточно рано познакомился с институтом сборных и Геннадий. Например, в материале о его одногодке, киевском динамовце Вадиме Сошниине, можно прочесть: «Талантливого нападающего призвали под знамена юношеской сборной Союза, где он выступал вместе с другими известными впоследствии футболистами – Муртазом Хурцилавой, Эдуардом Маркаровым, Геннадием Логофетом».

Вот только юношеская сборная во времена, когда Геннадий проходил туда по возрасту, еще не участвовала в турнирах УЕФА, превратившихся затем в полноценные чемпионаты Европы. То есть и сборы, и матчи еще не имели устоявшегося календаря, в печати практически не отслеживались. И даже в записках заслуженного тренера СССР Евгения Лядина, считавшегося в нашей стране главным специалистом по юношам, подробностей обнаружить не удалось.

Зато оставалась возможность проконсультироваться с другим знатоком юношеских возрастов – Алексеем Парамоновым. Кстати, под руковод-

Знакомство со сборной – сначала с юношеской

ством Алексея Александровича в 1961-м советские футболисты впервые сыграли на представительном международном турнире в итальянском Сан-Ремо – под флагом «Спартак».

– Но, по сути, это была сборная команда, – пояснил Парамонов. – Точно помню, что привлекался Эдуард Маркаров, игроки из других клубов. Так что вопрос порой упирался в терминологию в присвоении команде определенного статуса. Один и тот же коллектив в зависимости от ситуации мог называться то молодежной сборной, то олимпийской. Или то второй сборной, то сборной клубов.

Любопытная деталь: когда во дворце спорта «Лужники» спартаковцам вручали золотые медали за победу во всесоюзном чемпионате-1962, Логофет вместе с Анатолием Крутиковым и Юрием Севидовым на церемонии отсутствовали. Они находились в составе олимпийской дружины, отправившейся в турне по Южной Америке. В воспоминаниях самого Геннадия это выглядело так:

«Первый соперник – «Сантос» во главе с Пеле. Посмотрели в одном из кинотеатров футбольную хронику. О том, как в последнем матче «Сантос» обыграл «Бенфику» 5:1 и Пеле забил четыре гола. Выходим после сеанса. Тренер наш, Вячеслав Соловьев, говорит: «Что, ребята, может, ну их к черту? Не будем позориться?» В шутку, ко-

Надпись СССР на груди – огромная ответственность

нечно. Но мы даже завелись: «Ничего! Поиграем!»

После ужина решаем пройтись по улице. Знакомимся с кем-то из русских, живущих там. И слышим предостережение: «Если завтра с головы Пеле упадет хоть волос, ваш отель сожгут, а вас из страны не выпустят».

В результате выходим на игру такими заряженными, что к 30-й минуте ведем 1:0. И только в голове расслабляющая мыслишка о нашем превосходстве промелькнула, как Пеле организовал первый ответный гол, а потом сам – то ли спиной, то ли плечом – забил второй. Так мы и проиграли 1:2».

Надо пояснить, что матчи против клубов никогда не попадали в официальные реестры сборных. Но все равно при подсчетах без путаницы не обходилось.

Так, в справочнике «Игры сборной команды СССР по футболу», выпущенном в 1989 году, указывалось, что на счету Логофета 16 игр за первую сборную и 3 – за олимпийскую. Позднее был произведен перерасчет с одного баланса на другой: отборочный матч Олимпиады-1968 ЧССР – СССР перевели в более статусный ранг.

На www.rusteam.permian.ru валовые цифры вроде бы соответствуют истине: 17 и 2. Но в их расшифровке кроется неточность. Упомянутый матч в Остраве отнесен сразу в две графы, зато пропущена товарище-

Первые шаги в первой сборной

ская встреча олимпийских сборных СССР и Швеции в 1963-м.

Так или иначе, именно тот год стал для Геннадия памятным: он, что называется, попал в обойму. 22 мая дебютировал в Киеве за олимпийскую дружину, 22 сентября в Москве – за первую, в игре с Венгрией.

– Мы с Генкой в то время находились в одинаковом положении, – говорил московский динамовец Валерий Маслов. – Нас то вызывали в сборные, то не вызывали, причем так поступали и Соловьев, и Бесков.

Разница заключалась, пожалуй, в том, что Вячеслав Дмитриевич пробовал спартаковца и в защите, и в полузащите, а Константин Иванович видел конкретно в средней линии. При этом Бесков не рискнул ставить Логофета в отборе Кубка Европы, а Соловьев выпустил в дополнительной игре за олимпийскую путевку, которая, увы, досталась сборной ГДР.

Дебют Геннадия за главную команду страны был отмечен Андреем Старостиным в отчете для еженедельника «Футбол»: «Мы чаще обстреливали ворота, превосходно защищаемые Сентмихай. В числе других Воронин и Логофет имели реальные возможности взять ворота противника».

А перед играми 1/8 финала Кубка Европы с итальянцами произошел эпизод, о котором герой нашего повествования потом вспоминал не раз. Например, в интервью Алексею Лебедеву для «Московского комсомольца»: «Приезжает на базу тогдашний председатель спорткомитета Машин

Логофет в матче с венграми

Юрий Дмитриевич. Дежурная накачка... «Ну, ребята, давайте!» – обычные слова. По-доброму все, по-хорошему... А потом говорит: «Вопросы есть?» Сидят Яшин, Иванов, Понедельник, Воронин – у них нет вопросов. А я ж молодой, мне все по фигу... Говорю: «У меня вопрос. Вот завтра мы выйдем на поле против лучших профессионалов. А когда у нас будет профессиональный футбол?» Он так сурово на меня посмотрел: «Пока я председатель спорткомитета, об этом даже и думать забудьте». Ну и все – забыли».

Разумеется, Логофет остался в запасе отнюдь не из-за своей активности на собрании – просто очень многое стояло на кону, и Бесков делал ставку на проверенных мастеров. Но эти слова – свидетельство и самостоятельности 21-летнего парня во взглядах на современный спорт, и отсутствия боязни перед начальством. Оставаться полностью свободным в поведении было нереально, однако и максимально возможную степень независимости мог избрать далеко не каждый. Одно это уже выделяло из общего ряда.

Есть проверенный критерий – оценивать класс футболиста по тому, сколько тренеров привлекали его в сборную. То есть, будь Логофет только креатурой Бескова, с отставкой Константина Ивановича притормозилась бы и его карьера. Попасть на Кубок Европы помешала травма ключицы. Однако стоило в 1964-м встать у руля команды Николаю Морозову, как Геннадий снова получил шанс выйти на поле.

В тот же год он сыграл за национальную дружину и еще один матч под началом... Никиты Симоняна. Не стоит упрекать наших спортивных функционеров в том, будто они затеяли тренерскую чехарду, просто возникла забавная ситуация, которую описал знаменитый футбольный статистик Константин Есенин: «История этого матча довольно необычна. «Спартак» выехал во Францию, предполагая вначале побывать в Алжире. Руководители алжирского спорта очень хотели, чтобы их столица увидела всемирно прославленного Яшина. Просьбу их удовлетворили, придав «Спартаку» еще и ростовчан Понедельника с Матвеевым. Таким образом, это была бы сборная клубов, но в Алжире захотели еще большего – чтобы матч был проведен на уровне сборных. Действительно, почти все участники предстоявшего матча выступали в сборной или в текущем году, или когда-либо ранее. Это позволило объявить игру «матчем сборных» (отсюда и соответствующие процедурные детали)...»

Есенин не забыл подчеркнуть, что эта игра некоторое время не входила в реестр. Но оказалось, что матч зарегистрирован ФИФА, а потому федерация футбола СССР тоже включила его в список выступлений первой сборной.

– Прекрасно помню тот случай, – отметил Никита Павлович. – В составе алжирцев было немало интересных футболистов, один из них впоследствии привлекался к играм за сборную Франции. Тогда к смене футбольного гражданства относились не так строго, подобные вольности допускались.

Акцент на ремарке Симоняна сделан для того, чтобы подчеркнуть: в форме сборной Логофету приходилось встречаться на поле с серьезными оппонентами, пусть и не всегда именитыми. Но по большому счету любой футболист всегда мечтает испытать себя в противостоянии с грандами. И такая возможность Геннадию выпала в 1965-м, когда в Москву пожаловали бразильцы.

Но до этого было randevu с Австрией, объявленное как прощальный матч Игоря Нетто. Прославленный мастер начал встречу, а через пять минут под овации трибун уступил место на поле... Геннадию Логофету. И в этом виделась определенная символика.

Если прервать хронологию повествования и обратиться в день сегодняшней, то на кончину Геннадия Олеговича один из болельщиков со стажем откликнулся в интернете сообщением: «Буквально на днях ушел из жизни Валентин Иванов, и я вспоминал, как в своем прощальном матче за сборную он уходил с поля, и Иванова заменял дебютант Геннадий Логофет. Никак не ожидал, что и в уходе из жизни Гена также будет преемником Валентина Иванова...»

Слово «дебютант», разумеется, употреблено неверно, но зацепило другое: согласно всем справочникам Логофет вышел вместо Галимзяна Хусаинова. А ларчик открывался просто: тренеры произвели двойную замену в перерыве, поэтому в зрительском восприятии ситуация на самом деле могла трактоваться так, будто Козьмич уступил место спартаковцу. И тогда эффект от символики с проводами из сборной Нетто действительно удваивался.

Между тем прощальным матчем Иванова стал как раз тот, с Бразилией. Из уст Валерия Рейнгольда прозвучало как-то, что «Генка закрыл самого Пеле», но к этой фразе нельзя относиться иначе, как к гиперболе. Лучше обратиться к словам Логофета: «Я вышел на второй тайм уже при счете 0:2. И в одном из эпизодов, прерывая атаку бразильцев, вынужден был дать по ногам Пеле. Дворовое воспитание «не дать пройти!» взяло свое. Вроде не больно, но до сих пор помню этот взгляд Пеле: «Зачем же так?» Не злой, скорее укоризненный. А чтобы я больше осознал свою ошибку, Пеле через несколько минут забил третий гол. Совершенно потрясающий: подрезкой, в дальнюю «девятку». По-моему,

даже все, кто был на поле, в этот момент восхищенно выдохнули вместе со 100-тысячным стадионом...»

Отложился в памяти Геннадия и диалог на банкете после матча: «Пеле сам подошел ко мне: «Не забыл, – говорит, – матч с «Сантосом»? Я тебя тогда запомнил!» Сказать, что мне было приятно, – значит, ничего не сказать. Хотел взять у Пеле автограф, но все, что нашлось под рукой, – красный советский червонец. Там он для меня и расписался».

Вот только после «бразильского карнавала» под началом Николая Петровича Морозова Логофет больше не сыграл ни разу. Отчасти сказалась травма, полученная в финале Кубка СССР в августе: в строй спартаковец вернулся только в октябре. Ну, и могли найти лишнее подтверждение сторонники теории, согласно которой футболист после женитьбы теряет необходимый уровень.

Но вряд ли непопадание Геннадия на чемпионат мира-1966 можно объяснить только семейными хлопотами, особенно важными в свете предстоящего прибавления. Проанализировать ситуацию в свое время взялся Николай Старостин:

«Определить крайних защитников сборной перед VIII чемпионатом оказалось еще труднее, так как здесь ни у одного из кандидатов не было такого преимущества, как у Шестернева среди стопперов. Руко-

Есть что обсудить с товарищем по команде Виктором Понедельником

водство просмотрело на роль «двоек» и «четверок» москвичей Эдуарда Мудрика, Владимира Глотова, Владимира Пономарева, Геннадия Логофета, ростовчанина Анатолия Черткова, минчанина Игоря Ремина и ленинградца Василия Данилова...

Против всяких ожиданий был забракован тренерами на роль крайнего защитника Геннадий Логофет.

– Он подвел нас своей неготовностью, – утверждал Николай Морозов. – Они не дали сыграть мне так, как я могу, в составе сборной, – ворчал Геннадий...

Не попал он и в сборную, формально – за плохую готовность, по существу – за строптивость».

Невозможно не доверять оценке спартаковского патриарха, прекрасно знакомого с футбольной кухней. Можно учесть также, что поначалу Морозову в сборной помогал Николай Гуляев, который в 1966-м как раз принял «Спартак». И старший тренер национальной команды наверняка прислушивался к мнению соратника. А с ним, как уже убедился читатель, отношения у Логофета не сложились.

Но даже если вынести Гуляева из контекста, Геннадий мог сам не единожды дать повод для упрека. Постоянно выезжая за границу, общаясь с зарубежными коллегами, он убеждался, насколько отстаем мы в организа-

В первой сборной Логофет начинал на позиции полузащитника

ции футбольного хозяйства. Вот еще одна цитата из его воспоминаний: «В 1965 году сборная Союза под руководством Николая Петровича Морозова едет на товарищескую игру с «Ромой» в Италию. За «Рому» тогда играл Шнеллингер, знаменитый защитник немецкой сборной. А поскольку Лев Яшин был в 1963 году в сборной мира и играл вместе со Шнеллингером, то Шнеллингер его узнал. Он пришел к нам в гостиницу к Яшину и к Воронину в гости. Сидят, разговаривают на ломаном английском, кто как может. Что-то разговор «за деньги» зашел, и Шнеллингер спрашивает: «Вот вы приехали сюда, а сколько вы заработаете за эту поездку?» Воронин ему отвечает: «Пятьдесят тысяч лир». А это в те времена было меньше ста долларов. Тот как начал смеяться: «Это ж только на сигареты! Когда я играл за сборную Германии, я заработал столько, что купил акции авиационного завода, и этот авиационный завод сейчас мне приносит прибыль».

Не скрывал в своем кругу Геннадий и отношения к визитам того или иного спортивного бонзы в расположение сборной накануне игр. Мол, если выиграли, он рапортует наверх: «Вот видите, что значит – я съездил в команду». А если проиграли, тоже есть объяснение: «Я был у них, я все сказал, это они плохие...»

Более того, по признанию Логофета, он даже в разговоре со своим сверстником, знаменитым итальянским защитником Джачинто Факкетти, сетовал: «Пока вы к играм готовитесь, мы по магазинам вынуждены гонять».

Конечно, он был не столь наивен, чтобы выходить на условные баррикады с шашкой наголо. Всякое сравнение хромает, но просится в строку рассуждение Бенгта Янгфельдта в заметках об Иосифе Бродском. Описывая атмосферу шестидесятых годов в Советском Союзе, он подчеркнул, что будущий нобелевский лауреат вел себя отнюдь не по-антисоветски, скорее – «по-а-советски». То есть не выступал против строя, а жил как считал нужным, вопреки стандартам.

Вот и поведение Геннадия зачастую не вписывалось в модель, типичную для советского спортсмена. Взять хотя бы тот же приоритет учебы над шопингом, о котором лишний раз напомнил Евгений Ловчев:

– Приехали в Белфаст играть с Северной Ирландией, все ушли по магазинам, я остался, потому как ждал что-то читающего Логофета – он-то знал английский и помог бы прицениться. Гешка сказал мне: «Я никуда не пойду, потому что надо выучить два урока по английскому. По возвращении в Москву сдаю зачет». В общем, в Белфасте я себе ничего не купил, а Логофет сдал этот свой зачет.

Примерно о том же говорил и Виктор Папаев:

– В поездках Хурцилава от него просто не отходил, да и другие тоже. А ему-то наверняка хотелось побродить одному, чтобы никто не отвлекал.

Но вернемся к чемпионату мира 1966 года. Никита Симонян высказал свое мнение о решении Николая Морозова:

– Тогда, в отличие от нынешних времен, в линии обороны была жесточайшая конкуренция. Тренерскому штабу приходилось выбирать одного из нескольких достойных.

Все это так, но почему речь шла только о позиции крайнего защитника? Ведь следующий рулевой сборной страны, Михаил Якушин, и в решающем отборочном матче Олимпиады, и на первенстве Европы выставлял Геннадия в полузащите. При модной в те времена схеме «1+4+2+4» в средней линии имелось только две вакансии, то есть кастинг был не менее жестким.

Можно сослаться на то, что в Неаполе и Риме Якушин предпочел не разбивать сыгранную четверку армейских защитников. Что по решению свыше был показательно отчислен из сборной ведущий хавбек Валерий Воронин, к которому, кстати, тоже применимо определение «а-советский». Но Михаил Иосифович в любом случае не ошибся. Бойцовские качества Логофета вкупе с его умением предвидеть развитие событий и найти в цейтноте нужное техническое решение произвели такое впечатление на очевидцев, что в Италии его начали сравнивать с бультерьером, способным «съесть» любого оппонента.

Анатолий Бышовец, обыгрывая в шутку фамилии футболистов «Скуадры адзурры», Альберта Шестернева называл Альбертози. А Геннадия – Кукарони, по имени одного из самых жестких итальянских игроков.

Полуфинал с итальянцами протекал в равной борьбе, но в описании матча отмечалось, что последняя четверть часа прошла уже с преимуществом сборной СССР: «Казалось, счет вот-вот должен быть открыт. На хорошие ударные позиции вырвались Геннадий Еврюжихин и Геннадий Логофет, дважды мощно бил по воротам Александр Ленев. Но основное время так и закончилось – 0:0».

Регламент на этой стадии не предусматривал переигровки, послематчевые пенальти еще тоже не были введены. Пришлось бросать жребий, и удача сопутствовала хозяевам. Геннадий говорил потом с горечью: «Выявление победителя в матче такого ранга с помощью монетки — это, согласитесь, полный маразм».

Злосчастная монетка, как выяснилось позже, прокатилась и по его судь-

бе – мы еще вернемся к ней на последних страницах нашего повествования. Впрочем, оставался шанс на бронзовые медали. Но судил игру за третье место с Англией венгр Иштван Жолт, известный своей «любовью» к советской сборной. Наши остались четвертыми, а Якушин, как водится, лишился своего поста.

В отборочном цикле чемпионата мира-1970 командой руководил Гавриил Качалин, который рассматривал Логофета как правого защитника. Но борьбу за эту позицию еще надо было выиграть. Даже притом, что требования наставника Геннадия были понятны: «Если крайний защитник выпустил за спину своего визави и тот, получив длинную передачу на ход, убегает от него по флангу, я такого игрока в сборную никогда не возьму».

– Мне казалось, что Качалин больше предпочитал Реваза Дзодзуашивили, – высказал свое мнение Папаев. – Сказывалась старая любовь тренера к тбилисскому «Динамо», и вообще Гавриил Дмитриевич был дипломатом, к грузинской диаспоре относился снисходительно. С другой стороны, в группе нашим соперником была Северная Ирландия, в контрольном матче – Югославия, и тренерский штаб полагал, что Реваз лучше сыграет против таких ярких нападающих соперника, как Бест или Джаич.

В спаррингах непосредственно перед Мундиалем Качалин задействовал то одного, то другого. Но матч открытия против Мексики играл все-таки Логофет. Игра в сложных климатических условиях, при переполненных трибунах потребовала от советских футболистов такой отдачи, что они попросту были выжаты, и ротация состава стала неизбежной.

На счету Геннадия на чемпионате мира в Мексике была и еще одна игра – в четвертьфинале с Уругваем. Вот что ему запомнилось: «Перед игрой я в гостиничное окошко выглядываю: первый час ночи, а наши не спят, окна светятся. Тогда большие деньги на кону стояли... Сажу в запасе, Качалин попросил удары считать. Выходит по моим записям немислимое: у уругвайцев двенадцать, у нас один. Показываю Качалину, а тот и сам видит – не то творится...»

Логофет вышел на замену вместо Хурцилавы в конце второго тайма, а критический момент наступил на исходе дополнительного времени: «Я в том эпизоде был рядом с мячом, а главный участник – Валя Афонин. Мяч ушел за линию, Кавазашвили выходит, Афонин бороться бросил – а уругваец навесил, и они в пустые ворота забили. Понятно, во всем виноват был судья, но, с другой стороны, игру он не остановил, а мы приняли за него решение, за что и поплатились». Есть известный снимок, на

Со Славой Метревели

котором целая группа советских футболистов, и Геннадий в том числе, лишь наблюдает за тем, как пара соперников организует взятие ворот.

Поражение в четвертьфинале еще и ударило игроков по карману, им начислили только суточные из расчета три доллара за каждый из сорока дней. Логофет пояснял: «Ни за победы, ни за выход из группы ни копейки не дали... Не выполнили условие: показать результат не хуже, чем на предыдущем первенстве. Вот если бы прошли, заплатили б тогда и за победы на самом чемпионате, и даже за товарищеские игры. А так все – в кассу спорткомитета, в доход государству...»

Впрочем, он отнюдь не измерял все голами деньгами: «Мы же тогда не только за деньги рубились, но и за престиж! Если в сборную, скажем, попал – ты уже знаешь: на твоей позиции лучше тебя в стране никто не играет. Значит, или первый номер в Советском Союзе, или второй».

С удовольствием вспоминал Логофет и атмосферу в сборной того времени. Например, как однажды под водительством Качалина вся команда рассуждала о том, почему футбол – самая интересная игра в мире? И правильный ответ нашел только Хурцилава, словно оправдывая свое прозвище Мудрый: «Ребята, футбол – это единственная игра в мире, в которую играют ногой».

Подводя итог этой главе, стоит подчеркнуть: Геннадий заслужил право защищать цвета сборной СССР в период, когда она высоко котирировалась в мире и Европе, не пропускала важнейшие международные форумы и располагала таким подбором кандидатов, что пробиться туда было очень сложно. Вдобавок ко всему порой Логофет являлся единственным представителем «Спартака» в национальной команде. А значит, его приглашали независимо от того, были красно-белые на подъеме или на спуске.

Глава восьмая

По дороге разочарований...

В этой главе хронология событий сконцентрирована исключительно на тренерском пути Логофета. Повесив, как говорится, бутсы на гвоздь, он короткое время проработал в студенческом ДСО «Буревестник» тренером-преподавателем по общей физической подготовке с нагрузкой в 50 часов в месяц. А затем решил получить фундаментальное образование и в апреле 1976-го стал слушателем Высшей школы тренеров, которая как раз начала свою деятельность.

ВШТ возглавлял Вячеслав Варюшин. И конечно, никто не мог описать те времена лучше, чем сам Вячеслав Васильевич:

– Тогда от каждой республики направляли по одному человеку: из Грузии приехал Кахи Асатиани, из Азербайджана – Анатолий Банишевский, в общем, много известных мастеров. Кандидатуры утверждались в ЦК, да и вообще организовано все было по подобию Высшей партийной школы. Слушатели получали стипендию в триста рублей, имели право на бесплатный номер в гостинице с телефоном. В течение почти двух лет проходили занятия, в том числе и практические: для этого арендовали спартаковский манеж и выдавали адидасовскую экипировку. Преподавали физиологию, спортивную медицину, даже обучали, как правильно интервью давать! Выпускник ВШТ получал гарантированную работу по специальности. Геннадий относился

Работа новая – друзья старые. С Вячеславом Крыловым

к делу очень серьезно и творчески, занимался самоподготовкой.

У Логофета, получившего диплом за номером 23, остались такие впечатления: «Учился со старыми знакомыми – Садыриным, Малофеевым, Прокопенко, Федотовым, Шубиным, Асатиани, Хмельницким, Капличным, Киселевым... По окончании ВШТ была стажировка в Италии: неделя в «Торино» и неделя в «Милане». А распределение получил вторым тренером в молодежную сборную».

Серьезные перемены в его жизни были связаны не только с этим. Нет никакого резона анализировать, почему брак с Ириной оказался непрочным, ибо, как писал классик, «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». И еще в том же 1976-м судьба свела слушателя ВШТ с красавицей Надеждой, которая впоследствии стала его супругой.

Старшим тренером молодежи был Валентин Николаев, дважды, в 1976-м и 1980-м, приводивший ее к золотым медалям чемпионата Европы. Правда, Геннадий Олегович и ко второму успеху был непричастен, поскольку в помощниках Николаева пробыл недолго.

А все потому, что получил первый опыт самостоятельной работы, о котором отзывался так на страницах «Спорт-Экспресса»: «В то время имелась большая группа игроков, не проходивших в главную команду страны. Чтобы не упускать их из виду, на уровне ЦК было принято

В Италии Логофета всегда встречали как родного

решение создать вторую сборную. Тренером назначили меня. С одной стороны – беспартийный и разведенный, что требовало согласования на самом верху. С другой – москвич, то есть жилье предоставлять не нужно. Никита Симонян, тренировавший национальную команду, сумел меня отстоять, и я приступил к работе.

В моей команде играли Дасаев, Чивадзе, Сулаквелидзе, Романцев, Тарханов, Петраков, Андреев, Якубик, Черенков... Набор я проводил не по физическим параметрам, а по пониманию футбола. Чем умней, тем лучше. Конечно, таким мастерам была нужна международная практика. Вторая сборная им эту практику предоставляла.

В ЦК решили платить второй сборной столько же, сколько первой. То есть по 500 инвалютных рублей за гостевую победу и по 250 за выездную ничью. А за домашний выигрыш – по 2000 обычных советских рублей. Очень неплохие деньги по тем временам.

Никита Симонян видел всего лишь один или два матча второй сборной. Я предлагал ему своих звезд, но раскрылись они в первой команде уже позднее. Отборочный цикл национальная сборная прошла неудачно, уважаемого мной Никиту Палыча сняли, и вторую команду тоже расформировали. За то, что никого не дала первой сборной, – так было сказано».

Сборная СССР во время подготовки к чемпионату мира-1982

С формулировкой, действительно, можно поспорить. Вот взять хотя бы состав, который под началом Логофета в январе 1979-го отправился за океан на серию товарищеских матчей. Только с первой сборной Мексики сыграли трижды. Сначала наши футболисты уступили – 0:1, гол забил знаменитый впоследствии Уго Санчес. Затем с таким же счетом взяли реванш благодаря удару Михаила Ана, который через несколько месяцев погиб в авиакатастрофе вместе с ташкентским «Пахтакором». А напоследок была зафиксирована ничья – 1:1. Так вот, были в составе и те, кто уже прежде выступал за национальную команду – Юрий Роменский, Александр Тарханов, Валерий Петраков, Сергей Андреев. Но у многих дебют был еще впереди – у Олега Родина, Тенгиза Сулаквелидзе, Олега Романцева, кстати, в том турне получившего серьезную травму позвоночника. И все они прошли обкатку в СССР-2. Кроме того, команда решала еще одну задачу – проводить своеобразную разведку боем. Ведь подбирали ей тех соперников, с которыми наша главная команда могла встретиться в официальных соревнованиях.

– *Это сейчас звучит много споров: нужна вторая сборная или нет? – рассуждал Сергей Шавло. – А в 1978-м в ее необходимости никто не сомневался. Мы много ездили, например, играли в Болгарии, Венгрии. Лично я много почерпнул у Геннадия Олеговича, он оказал заметное влияние на мое становление.*

Подобные мысли можно отыскать и в высказываниях других футболистов. Например, Олега Романцева: «Я ведь сам в свое время поиграл за такую сборную, которую возглавлял Геннадий Логофет. Помню, через нее прошли многие спартаковцы – Дасаев, Хидиятуллин, Ярцев». Или Федора Черенкова: «Под руководством Логофета наша команда ездила в Германию, где одержала победу – 3:1. Помню строгий низкий голос Геннадия Олеговича, но к футболистам он относился по-отечески тепло и демократично. Прислушивался к нашим советам, с ним было комфортно. За такого тренера всегда хотелось хорошо сыграть, поддержать его. В жизни же Геннадий Олегович был очень веселым и эрудированным человеком: умел хорошо и к месту пошутить, знал множество интересных историй и мог их прекрасно рассказать».

Логофет к каждому своему подопечному старался отыскать индивидуальный подход: «Взял Валерия Петракова из «Локомотива» и дал ему такое тренировочное задание – «квадрат». В одном из тренировочных упражнений я его останавливаю, потому что у него ничего не получается, и говорю: «Валерий, вот если бы надо было нарисовать среднего советского футболиста, то надо было бы писать портрет с тебя. То есть

это мастерство середнячка и даже ниже среднего. Большинство футболистов Советского Союза – такие. Почему – это другой вопрос, надо разбираться. Но поскольку ты вышел, то надо стремиться к большему. Ты в сборную СССР попал!» Так что вы думаете: проходит два месяца, и у нас выезд в Америку и Мексику. Опять игры со сборными: две игры со сборной США и три со сборной Мексики. США мы обыграли дважды. Так Петраков играл ну до того блестяще, что я просто воскликнул: «Валера, я беру свои слова обратно! Вот так ты должен играть всегда!» Такой «портрет советского футболиста» меня обрадовал».

Доктором команды, которой руководил Геннадий Олегович, по рекомендации его отца стал Владимир Зоткин:

– Так сложилась судьба, что я заканчивал 3-й Московский медицинский (стоматологический) институт, где заведующим физкультурной кафедрой был Олег Николаевич. Как член сборной вуза по лыжам я с ним общался. И Логофет-старший сказал, что Генка закончил ВШТ, готовится работать в сборной, ему нужен врач. Я хотел остаться на кафедре, но уговорили: мол, престижно, сборная – это достояние страны, туда идут лучшие кадры. Так с легкой руки Логофетов я попал в эту команду, через которую прошли Максименков, Шавло, Гонтарь, Пильгуй, Черенков, Гаврилов. Много было ребят с Украины, из «Пахтакора».

Ездили в Америку – играли и в коробке, и на большом поле. Меня поражало видение тренера, профессиональный взгляд. Вообще весь первый выпуск ВШТ был очень сильным – Логофет, Севидов, Костылев, Киселев, Медвидь... Я со многими работал, с тем же Костылевым в юношеских сборных.

При Логофете играли только товарищеские матчи. С ним было очень приятно разговаривать – эрудированный не только по специальности, хорошо знал футбол с медицинско-физиологической стороны. Знал, как работать над выносливостью, над тактикой. Он понимал биохимию, потому как учился глубоко, может быть, с точки зрения тренировочного процесса. Мы и в дальнейшем поддерживали отношения, и он говорил полшутя: «Зоткин вырос у меня на глазах». В Ташкенте жили в пансионате ЦК, в восемь утра вставали на зарядку и пробежку. Однажды все собрались, а Логофета нет. Игроки сказали: «Доктор, давай проведи пробежку». Прибежали, на крыльце стоит Логофет: «Чтобы без меня команду больше не уводил, иначе уволю!» Сказал как бы в шутку, и в то же время всерьез.

Можно сказать, я стал его домашним доктором, приезжал помогать и

Надежде, и родителям. Даже тогда, когда вместе уже не работали. Необходимость в домашнем докторе была и потому, что супруга ждала ребенка. Чтобы она больше бывала на свежем воздухе, глава семьи решил подарить ей дачу.

– Она находилась недалеко от Торбеева озера, рядом с дачей Валеры Пирча, – поведала Надежда Михайловна. – Но я, честно говоря, не люблю находиться в ограниченном пространстве за забором и копать в земле, да и комаров тоже не люблю. Поэтому году в 1985-м продали дачу и стали больше времени проводить в городе.

Не будет преувеличением сказать: этот этап в карьере молодого тренера был частью фундамента, на котором должно было строиться успешное выступление советских спортсменов на Олимпийских играх в Москве. Но получилось так, что и Нина Андреевна была подчинена этой цели. Оставив любимых гимнасток, она перешла на работу в оргкомитет «Олимпиада-80», в управление эстафеты олимпийского огня и церемоний открытия и закрытия Игр. Как образно выразился младший сын, «олимпийский символ, «наш ласковый Миша», со слезою улетающий из Лужников, имел и ее среди своих крестных отцов и повивальных бабок».

Однако могло случиться и так, что тренерские пути увели бы Геннадия Олеговича из столицы. Возник вариант с Индонезией, но вроде бы вето наложил комитет государственной безопасности. А появление на свет Вадима в декабре 1979-го стало причиной отказа от еще одного приглашения. Логофет рассказывал, как к нему подошли глава ВШТ Вячеслав Варюшин с каким-то незнакомым мужчиной, который оказался первым секретарем Ивановского обкома партии. Речь зашла о работе в «Текстильщике», где предлагались неплохие условия, но в ответ прозвучало: «У меня сын грудной, я никуда не поеду из Москвы».

Нет худа без добра: зато Логофет проработал два с половиной года в штабе первой сборной у Бескова. Посредником здесь выступил Старостин. Константин Иванович сказал прямо: «Я тебя знаю как футболиста. Но как работника не знаю. Поэтому беру на два сбора с испытательным сроком. Не подойдешь – извини...»

На первом же селекционном сборе, проходившем на базе в Новогорске в январе 1980-го, возникла проблема с крайними защитниками. И тогда Логофет предложил кандидатуру Тенгиза Сулаквелидзе. Про тбилисского динамовца было много смешных историй: то игрок, не очень хорошо говоря по-русски, называл Рината Дасаева «она», то пытался в уме поделить премию в пятьсот долларов на весь коллектив, не разо-

брав, что столько полагалось каждому... Но защитник действительно был сильный, и рекомендация оказалась кстати. Бесков даже попенял своему помощнику, что тот был не слишком настойчив.

Логофет заметил как-то, что в дни юбилеев почему-то оказывался вдали от родных мест: «Свои 20 лет встретил в Брюсселе. 30 – в Париже. 40 – в Буэнос-Айресе». Действительно, в апреле 1982-го сборная летала на товарищеский матч в Аргентину померяться силами с действующими чемпионами мира.

– *Олегыч в тренерском штабе отвечал за подсчеты технико-тактических действий во время игры, – пояснил Юрий Гаврилов. – Но на тренировке мог выйти сыграть в квадрате нейтрального, ведь умение обращаться с мячом никуда не делось.*

Вячеслав Колосков видел разделение обязанностей так: «После Олимпиады сборная начала подготовку к чемпионату мира 1982 года, который должен был проходить в Испании. На первом этапе все шло, так сказать, по плану. Бескову помогли Геннадий Логофет и Владимир Федотов. В прошлом оба были отличными игроками, закончив играть, зарекомендовали себя и как тренеры. Характеры их были очень даже несхожими. Геннадий – человек жесткий, прямой, Владимир предпочитал не распоряжаться, а уговаривать. Федотов больше работал на поле, Логофет отвечал за методическую сторону».

Перед мундиалем в Испании тренерское трио расширилось до квинтета: решением руководства были добавлены Валерий Лобановский и Нодар Ахалкаци. И многие полагали, что именно перегруженность сторонниками разных стилей не позволила нашей сборной выйти в полуфинал. У Логофета же на этот счет было собственное мнение: «Главная причина относительной неудачи в Испании – это серьезные травмы, полученные накануне чемпионата сразу тремя ведущими игроками – Буряком, Хидиятуллиным и Чивадзе. Что касается триумвирата Бесков – Ахалкаци – Лобановский, то он, поверьте мне, не напоминал лебедя, рака и щуку. Идея собрать тренерский штаб в общем-то из действительно разных и по характеру, и по взглядам на особенности футбола специалистов принадлежит работникам ЦК КПСС. Они считали, что если в сборной собраны футболисты трех ведущих клубов – «Спартак», киевского и тбилисского «Динамо», то и тренеры должны быть из этих команд. Разумеется, не по всем вопросам мнения этих специалистов совпадали, но каждый раз все решалось корректно, причем последнее слово, особенно при определении состава, тактики на игру, всегда оставалось за Бесковым. Лобановский полностью отвечал за

функциональную подготовку. Ахалкаци же чаще всего выступал в роли третьей стороны и когда высказывал свое мнение, оно, как говорится, попадало в «десятку». Словом, опасения, будто каждый из этой великой тройки будет тащить одеяло на себя, не подтвердились».

Так или иначе, результат был признан неудовлетворительным, и Бесков вместе с помощниками покинул сборную.

В 1984-м Геннадий Олегович наконец-то получил возможность поработать в клубном футболе и вместе с семьей отправился в Симферополь – тренировать местную «Таврию».

– *Квартиру нам там предоставили ужасную, от предыдущих жильцов соседи плакали, – сетовала Надежда Михайловна. – Столько сил потребовалось, чтобы ее в порядок привести.*

Но главная проблема была, конечно, не с жильем. Сезоном ранее «Таврия» выглядела вполне прилично, заняла в первой лиге седьмое место, но ее наставника Анатолия Конькова, как выражались местные, выдернули в киевское «Динамо». Вместе с ним ушел Владимир Горилый. Александра Баранова пригласил московский «Спартак», Юрия Бондаренко – харьковский «Металлист», завершил выступления опытный вратарь Виктор Юрковский. В общем, костяк распался, а набирала новичков временная тренерская бригада.

Симферопольская «Таврия» на сборе в Артеке

Вот что писал в книге «Таврия» – моя радость и боль!» Гарринальд Немировский: «Осталось только подыскать старшего тренера. После долгих переговоров остановились на кандидатуре Логофета, известного мастера футбола, выступавшего в рядах сборной СССР и московского «Спартака». Красивый импозантный мужчина, всегда с иголки оде-тый, блестяще владевший итальянским языком, он великолепно знал большой футбол, в котором уже поработал в качестве тренера молодежной, второй и национальной сборной СССР. Но Геннадий Сергеевич (с телекомментатором Орловым его перепутали, что ли? – прим. авт.) никогда не трудился в обычной и к тому же периферийной команде. А в этой работе есть свои нюансы. Прежде всего, отношения с людьми, от которых зависит благополучие игроков, а значит, и самого наставника. В столице с ними сталкиваться ему не приходилось».

Симферопольцы стартовали неважно, набрав в первых девяти турах только шесть очков. Правда, на следующем аналогичном отрезке в копилку упало уже десять. Летописец крымского футбола снова сделал упрек в адрес столичного специалиста: «Вот здесь бы Логофету немного подсутиться, постараться в той же Москве найти двух-трех опытных игроков, на которых можно опереться в трудную минуту. Но старший тренер считал это не своей задачей и все надежды связывал с тем, что вот-вот наберутся опыта приглашенные им из юношеской команды московского «Спартака» 16-летние Александр Черных, игравший для своих лет прекрасно, Дмитрий Лукин, Сергей Мясников. В то же время наставник отказал в доверии Петрову, Умрихину, Маринцову, которые пользовались любовью у симферопольских болельщиков, что, как понимает читатель, не добавило ему авторитета».

И этот посыл можно принять на веру, но вот далее Гарринальд Немировский, то ли сознательно, то ли по недомыслию, совершил откровенное искажение фактов. По его утверждению, в конце июля-начале августа команда проиграла подряд шесть матчей, и Логофету пришлось покинуть «Таврию».

По сути, автор противоречил сам себе, ибо в статистическом разделе значилось: с 5 июля 1984 года крымчан вновь возглавил Коньков. А печальная серия уместилась в отрезок с 24 июля по 25 августа. Кроме того, запись в трудовой книжке Геннадия Олеговича об увольнении по собственному желанию датирована 3 июля.

Версия Логофета звучала так: «Во время поездки в Грузию «Таврия» установила рекорд, который впору было вносить в Книгу рекордов Гиннеса – в Батуми мы выиграли у «Динамо», а в Кутаиси с лидером

«Торпедо» сыграли вничью. По тем временам добыть в Грузии хотя бы одно очко считалось достижением, а «Таврия» завоевала целых три. Но радость была недолгой – по возвращении в Симферополь мне объявили, что как тренер я не устраиваю руководителя обкома... Главе Крымской области, судя по моему опыту, было все равно, как играет «Таврия», как развивается футбол. Во всяком случае, за полгода работы в Симферополе я, несмотря на многочисленные попытки попасть на прием к первому секретарю обкома, высказать ему свою программу, так и не был удостоен его внимания, чем умело воспользовались чиновники мелкого ранга и вместо меня пригласили, как говорится, своего человека. Это было первое разочарование в тренерской профессии. Я наивно полагал, что для успешного выступления команды необходимо только хорошо проводить учебно-тренировочный процесс. А надо было решать и многочисленные административно-хозяйственные вопросы, что без поддержки чиновников сделать было невозможно. Я брал пример с Бескова и Симоняна, забыв о том, что у них был такой великолепный начальник команды, как Николай Петрович Старостин, который не хуже любого тренера мог решить самый сложный вопрос».

Интересно, что на клубном сайте в перечислении всех специалистов, тренировавших «Таврию», Геннадий Олегович представлен как мастер спорта международного класса, хотя это звание он не носил. От обратной замены симферопольцы, кстати, ничего не выиграли, и по оценке отставника это было логично: «Не поняли они, что команда, которую готовил спартаковец, при киевском динамовце провалится. Пока Коньков созданную мною систему крушил, «Таврия» скатилась на дно таблицы и вылетела во вторую лигу».

Однако и о симферопольском отрезке Логофет все равно впоследствии вспоминал с юмором. Например, рассказывал журналисту Алексею Лебедеву, как один из игроков в самом начале сезона попросил дать возможность сыграть свадьбу на базе, а потом согласился с доводом тренера, что лучше это сделать во время перерыва в чемпионате. Или как другой футболист несколько раз появлялся на тренировках с высоким давлением, но уверял, что к алкоголю не притрагивался. Зато после скоростно-силовой работы по индивидуальной программе говорил другу в душе: «Ну Олегыч дал! Чтоб я еще хоть грамм выпил!» И приходил потом на занятия уже с нормальным давлением.

По возвращении в Москву Логофет в течение полугодия работал начальником команды «Красная Пресня», которую тренировал завершивший выступления Олег Романцев. Коллектив, представлявший 7-й таксомо-

торный парк, принимал соперников по второй лиге на маленьком симпатичном стадиончике в центре города. Там же проводил отдельные матчи и спартаковский дубль, так что атмосфера была родной.

Кира в силу семейных обстоятельств некоторое время жила у бабушки с дедушкой на Бутырской улице, а в период описываемых выше событий училась в том самом медицинском институте, где до выхода на пенсию возглавлял кафедру физического воспитания и спорта Олег Николаевич. А потому с улыбкой говорила:

– В институте я училась хорошо и, конечно же, «купалась в лучах славы» не только отца, но и деда. Когда во время экзаменов и зачетов интересовались, кем мне приходится Логофет, я отвечала вопросом на вопрос: «А который?»

Первое разочарование в тренерской профессии, о котором говорилось выше, не то чтобы располагало взять паузу – просто так складывались обстоятельства. И следующая строка в послужном списке пришлось на 1992–1993 годы, когда выпала миссия в Объединенные Арабские Эмираты – тренером в клуб «Шарджа». Пожалуй, экономическая обстановка в России тогда действительно располагала к пребыванию в более стабильной стране – хотя бы в интересах семьи. Но и профессиональный вызов тоже имел место.

По словам Логофета, предложение поехать в ОАЭ возникло так: «Лобановский работал там со сборной, а Юрий Морозов – в одном клубе. И ему потребовался помощник с английским. Вот я и переводил. И параллельно как второй тренер трудился. Очень тяжело было. В первых, футбол там непрофессиональный. На тренировку приходило по пять-шесть человек. А победы от тебя требуют. Мы даже письма писали президенту клуба – завалили просто: «Обяжите игроков ходить на тренировки! Дайте адреса, сами будем их по домам забирать!» И до чего же там люди на результате помешаны... Выиграли: все эти шейхи обнимают-целуются, поздравляют, руки жмут. Проиграли: ты стоишь, а они проходят мимо, морды воротят. Ни полслова...»

Тогда же в Эмиратах оказался и однокашник по Высшей школе тренеров Петр Шубин. И встречи с Логофетом он, разумеется, не забыл:

– После ВШТ я следил за его карьерой и понимал, что в Симферополе не все от него зависело. Как говорил Бесков, «будет футбол – будет результат», и Гена был того же мнения. А чтобы поставить комбинационный футбол, нужно время. В Эмиратах, а это страна очень специфическая, мы подружились семьями, хоть я и жил в другом городе, в 60 километрах от Дубая. Но доехать друг до друга на машине

можно было за сорок минут, поэтому часто общались. Рассказчик он был потрясающий, даже на английском, поэтому арабы всегда вокруг него толпились.

Обустройство быта в чужих краях, разумеется, взяла на себя Надежда Михайловна: довела трехкомнатную квартиру до ума так, как считала нужным. Памятным событием стало зачисление Вадима в английскую школу, которая располагалась рядом с клубным офисом. В 35-градусную жару родители ждали в машине на улице, а испытания длились три часа. О результатах должны были сообщить домой по телефону.

– Гена взял трубку, – рассказывала супруга, – выслушал сказанное, посмотрел на сына: «Берут! Интересно педагогам поработать с таким мальчиком». Много чего можно вспомнить – как Вадим участвовал в соревнованиях по плаванию, как его английский прогрессировал день ото дня...

Нашим болельщикам трудно оценить тренерскую работу Логофета за рубежом, а на родной земле он получил возможность проявить себя в 2001-м, когда Романцев позвал в тренерский штаб «Спартака». Поскольку Геннадий Олегович в тот момент уже работал в системе клуба, занимаясь ветеранским футболом, был просто оформлен перевод с одной должности на другую. В тот год красно-белые выиграли Кубок Содружества, в девятый раз стали чемпионами России. Вот только 1 сентября кадровики проштамповали обратный перевод: Логофет, как и тренер вратарей Юрий Дарвин, был освобожден от занимаемой должности.

– Нас вызывали к руководству в один день, но заходили мы порознь, поэтому не знаю о том, что говорили Геннадию, – не смог пролить свет Юрий Иванович. – Со мной было понятнее – просто сократили ставку.

– Среди болельщиков ходили слухи о том, будто Андрей Червиченко и Александр Шкунов, будучи ростовчанами, не простили Генке гол в ворота СКА в 1971 году, – рассмотрел и отверг предположение Вячеслав Крылов, работавший в то время администратором спартаковского дубля. – Ерунда это все, но истинной причины не знаю.

Задавали мы вопрос и Романцеву, вот только Олег Иванович тоже не внес ясность. Сказал лишь: «Я бы не допустил, чтоб Олегыча уволили». Так его и впрямь не уволили, а только перевели... Правда, медаль и диплом РФС «Чемпион России 2001 года» Логофету вручили.

Но назвать этот год счастливым было нельзя: не стало матери, Нины Андреевны...

Наверное, пора разобраться: а какие тренерские принципы исповедовал Геннадий Олегович? Что считал в этой работе самым важным? Его высказывания разных лет в какой-то мере помогут найти ответ.

«Выдающиеся игроки, как правило, редко становятся выдающимися тренерами. В чем здесь причина? Этот же самый вопрос нам был задан на первом занятии по педагогике в Высшей школе тренеров. И ответил на него только один, самый старший из нас. Он так сказал: «Тренерство – совсем другой вид деятельности. У игрока в основном физическая работа, а тут больше интеллектуальная».

«Кто такой футбольный тренер? Как-то зашел разговор у нас в юношеской сборной о деньгах, то ли на собрании, то ли после игры, и Бесков сказал: «Так, о деньгах. Усвойте одно: в футболе чем лучше играешь, тем дороже стоишь». И это на самом деле так: пригласили тебя в сборную – дополнительная плата.

Я видел, как Бесков готовит игроков, – и когда начинал играть у него, и потом, уже в сборной Советского Союза. Из одиннадцати минимум девять выходят как на последний матч в жизни, – я на себе это чувствовал! Кого-то погладит, кому-то «вставит», на кого-то прикрикнет, кого-то заставит что-то повторить – это педагогика чистой воды.

Никита Павлович Симонян добивался этого другими методами, я бы это

Два тренера, за которых Логофет всегда бился на поле, – Константин Бесков и Никита Симонян

подчеркнул. У него основным в работе был метод общения, индивидуальных бесед. У него тоже команда выходила на игру как на праздник, на спектакль, – во всяком случае, у меня было такое чувство. Бывало, приходишь на игру – настроение паршивое... или чувствуешь, что плохо подготовился, или после травмы, или перетренирован, или устал – здесь может быть масса причин. Выходишь на игру, а желания играть нет, и тут возникает вопрос: если я выйду, то как же я сыграю? Никиту Павловича подведу! Как я могу? Выходишь на поле с одной мыслью: я за него буду биться! Вот это и есть роль тренера, понимаете?»

«Приведу слова Энцо Беарзота, сказанные им в 1982 году, когда Италия стала чемпионом мира и все стали говорить «великий Энцо Беарзот»: «Великим тренера могут сделать только великие игроки». Не было бы Дино Дзоффа, Паоло Росси – не было бы и «великого Энцо».

«Цель всегда одна – побеждать, а пути к ней могут быть разные. Иногда коллектив разбивается на группировки. Бывает, объединяются три-четыре опытных футболиста – начинают диктовать остальным, как надо играть. Те в ответ свою группировку создают. И пошли между собой бодаться. Тренер уже не контролирует ситуацию. Вот это – самое худшее. Другая причина – неумение тренера достучаться до футболистов. До всех вместе и каждого в отдельности. Вот у меня, к примеру, не было ни

Главный приз за победу в «Кубке Содружества-2001» в руках у Геннадия Логофета и Михаила Гершковича

В ассистентах у Олега Романцева

одной игры, чтобы я на поле не умирал за Бескова. Знаю, что во всех его командах девять из десяти человек испытывали к нему такие же чувства. Да, мы играли за результат, за деньги, но еще и за тренера».

– Гешка однажды сказал, что считает Бескова тем тренером, кто оказал наибольшее влияние на его становление как игрока, – припомнил Ловчев. – И Симонян, насколько я знаю, на него за эти слова даже обиделся: как же так, ведь Логофет у меня становился чемпионом, обладателем Кубка...

Можно понять некоторую ревность Симоняна, но на самом деле Геннадий Олегович уважал и ценил его не меньше. Сам же Никита Павлович размышлял:

– Мог бы Логофет стать топ-тренером? Думаю, что да. Знания, качества у него для этого были. Но в нашем деле не все зависит от тебя. А Геннадий не из тех, кто толкался локтями.

Был у Геннадия Олеговича еще один тренерский проект – успешный, но на любительском уровне. В 2005–2008 годах с подачи музыканта Юрия Давыдова он руководил командой «Маккаби», которую организовали известные бизнесмены Алекс Блаватник и Павел Фельдблюм. За нее играли тогдашний посол Израиля в России Аркадий Мил-Ман, телеведущий Владимир Соловьев, олимпийский чемпион Илья Авер-

Геннадий Логофет привел «Маккаби» к победе в чемпионате МФЛ

бух. И под началом Логофета «Маккаби» выиграл чемпионат Межнациональной футбольной лиги, куда входят команды, представляющие национальные диаспоры и общины Москвы.

Тренировки проходили на Большой спортивной арене «Лужников». Случалось, в роли спарринг-партнера «Маккаби» выступала дружина спартаковских ветеранов. В общем, запоминающихся событий было много.

– Я сам в молодости был поклонником киевского «Динамо», – признался Валерий Заряник, один из игроков команды. – Поэтому, как и другие ребята, не все спартаковские наработки Логофета воспринимал правильно. Например, сорокаминутную разминку с определенными упражнениями. Нам-то казалось, что главное – больше играть. На занятиях Геннадий Олегович требовал, например, чтобы на своей половине футболисты делали не больше двух касаний, а если кто-то превышал лимит, то он останавливал игру и отдавал мяч другой команде. Лишь со временем мы стали понимать: он учил не просто быстрее расставаться с мячом, а быстрее думать.

Не забуду победный для нас финал Межнациональной футбольной лиги, когда, сыграв с молодой армянской командой вничью – 1:1, мы били серию пенальти. И в критический момент Логофет послал к «точке» самого юного – 17-летнего пацана. Тот пробил едва ли не по центру, но мяч оказался в сетке, и мы стали чемпионами. Позже Геннадий Олегович объяснил свое решение: «У неженатых голова ничем другим не занята». И оказался прав.

А Логофет-то всего лишь спроецировал на «Маккаби» то правило, которым руководствовались в «Спартаке» еще сорок лет назад.

В сборнике стихов «А нам уже два!», выпущенном клубом, есть и посвящение Логофету:

*С «Локомотивом» съездив в Чокко,
Добавив свой огромный опыт,
Провел он с нами тренировку,
Случайно выдержали мы!*

*С «Локомотивом» съездив в Чокко,
И вдохновленный тем уроком,
Нас перепутал после с «Локо»,
И снова выдержали мы!
С «Локомотивом» съездив в Чокко:
Там их гоняли так жестоко,*

Геннадия Логофета

Причины и следствия

*До полной выжимки, до сока...
Поверьте, выдержали мы!*

*С «Локомотивом» съездив в Чокко,
Где тренировки вроде срока,
Решил, чтоб больше было прока...
Но доползти сумели мы!*

*А может, нам смотаться в Чокко?
Чай, не другой конец ведь света!
Под управленьем Логофета...
Лишь Чокко б выдержало нас!*

Заместитель председателя МФЛ Дауд Хучиев подытожил:

– Логофет не просто тренировал «Маккаби» – он стоял у истоков межнациональной лиги, помогал ее становлению своим авторитетом легенды футбола, был ее визитной карточкой, определял климат в лиге. Нам трудно переоценить его роль. Он был заряжен делать добро, и, за что бы ни брался, это доказывал. Умел находить поддержку людей.

Глава девятая

От Чернобыля до Цюриха

Своими словами в конце предыдущей главы Дауд Хучиев предупредил размышления о том, что Геннадий Логофет оставил след в футбольном мире не только как игрок и тренер. Поразительно, сколько сфер деятельности, так или иначе связанных с любимой игрой, он освоил в своей жизни.

С другой стороны, даже получив в 1985-м назначение на должность тренера управления футбола Комитета по физкультуре и спорту при Совете Министров, по ходу дела преобразованного в Государственный комитет СССР по физической культуре и спорту, специалист реально занимался другими вещами. О чем и говорил в интервью «Спорт-Экспрессу»: «С пятью дипломами своими отправился на работу устраиваться в международный отдел спорткомитета. К футболу, правда, первые два года отношения не имел. На моем попечении были бокс, хоккей на траве и бадминтон». Так что, прослеживая карьеру функционера, нельзя опираться только на записи в документах.

Еще в те времена, да и позднее, Геннадий Олегович продолжал выходить на поле – в матчах ветеранов. Вместе со старыми товарищами под флагом ветеранской сборной СССР колесил по стране. Довелось сыграть даже в Чернобыле, вскоре после аварии на атомной электростанции. Логофет описывал эту поездку так: «Нас предупредили: ничего не есть, воды не пить (провизию мы привезли с собой), после матча снять с себя форму, обувь и выбросить, по городу не гулять – сразу в самолет. Мы играли в футбол, болельщики сидели с похоронными лицами. Над стадионом – гробовая тишина. Когда игра была окончена, Андрей Якубик, вопреки наставлениям, решил помыть свои бутсы водой.

– Оставь. Все равно облучились, – остановил его Эдик Стрельцов.

После игры местные жители накрыли для нас стол. Прямо там, на футбольном поле. К еде мы не притрагивались. Принесли из самолета несколько привезенных бутылок. Помню фразу одного из болельщиков, заметившего наше смущение: «Не переживайте, ребята, мы все понимаем».

Спустя годы после того матча у Стрельцова обнаружили рак. Стали явственнее напоминать о себе старые болячки Валеры Лобановского. Здоровье пошатнулось не у одного футболиста».

После распада Союза приключений тоже хватало, чего Логофет не скрывал: «Как-то команда московских ветеранов в Читу добиралась. По четыре часа на каждой стоянке стояли: нет керосина – и все. Пока кто-нибудь богатый не выйдет и не даст несчастные сто долларов, заправщик не подъезжает. Так было и в Иркутске, и в Новосибирске, и

еще в трех-четыре городах. Двадцать часов стояли и шесть летели – в общей сложности 26 часов у нас до Читы получилось. Когда прилетели, Виктор Папаев произнес такую фразу: «Как нас можно сравнить с Голландией – там всю страну за два часа на велосипеде проехать можно!» Но когда начнут строить искусственные поля, особенно в Сибири, то выход наметится. Тоже как-то с ветеранами мы попали в Якутск и увидели стадион. Нам сказали, что его еще Павел Павлович Бородин построил. Вы не представляете, какой контраст: стоят двухэтажные деревянные хибары, сараи, бараки – и вдруг европейский стадион с пластиковыми сиденьями белого цвета, искусственное поле. Просто потрясающе!» Особенность таких турне заключалась в том, что мастера прошлых лет не только играли перед зрителями, но и общались потом с ними, отвечали на вопросы.

– Как-то Генка решил подколоть своего старого друга, киевлянина Виталия Хмельницкого, – выудил байку из запасников Вячеслав Крылов. – Взял микрофон и описал случай за рубежом: мол, наша сборная уезжает из отеля, все уже в автобусе, а Хмель прощается с местной красавицей: «Если родится мальчик, назови Гришей, в честь деда!» А Виталик в долгу не остался и вспомнил другую картинку. Играют «Динамо» со «Спартак», матч только начался, третья минута, и

Ветеранский футбол для Логофета начался со сборной СССР

вдруг он обнаруживает себя лежащим на траве. Ничего понять не может, поднимает голову, а над ним Гена: «Виталь, извини, мы с тобой еще не поздоровались...»

Между прочим, Логофет был и участником, и организатором регулярных встреч между ветеранами двух прославленных клубов: «Идея проводить такие матчи родилась, когда в нынешнем своем виде сформировался футбольный клуб ветеранов «Спартак». Первыми бросили перчатку киевляне. Одним матчем мы решили не ограничиваться – несколько раз играли в Киеве, а московская встреча в 1998 году собрала на трибунах сорок тысяч болельщиков. У нас были прекрасные отношения – мы же постоянно встречались в сборной СССР, которая жила, как единая семья».

Возглавляя футбольный клуб ветеранов «Спартак» в статусе общественной организации, он говорил: «Руководители клуба предоставили отличные условия для работы – у нас прекрасный современный офис. Правда, зарплату мы не получаем, но благодаря частным товарищеским встречам, участию в разного рода турнирах бывшие футболисты «Спартак» имеют неплохую возможность регулярно улучшать свое финансовое положение».

Ранее выступал Логофет еще за одну команду – сборную правитель-

Вместе со старыми товарищами приходилось много летать по стране

ства Москвы, которую возглавлял мэр Юрий Лужков. Входили туда и столичные чиновники, и бывшие профессионалы, такие, как Михаил Гершкович или Владимир Пильгуй. Тренировалась команда рано утром в «Лужниках», и интересно, что врачом ее был Борис Болотов, бывший доктор «Спартак», прекрасно знавший защитника шестидесятых. А менеджером – Лев Черепанов, с которым Геннадия Олеговича тоже связывали дружеские отношения. Благодаря энергии Льва Николаевича то и дело устраивались принципиальные матчи – с клубом «Ильинка» при правительстве России (кстати, лидер клуба Павел Бородин приглашал Логофета к себе), командами, составленными из звезд эстрады, журналистов и так далее. А иногда проходили и целые турниры, собиравшие немалое количество зрителей.

– Лужков мужа всегда ставил остальным в пример: «Один Логофет у меня ничего не просит», – вспоминала Надежда Михайловна. – И надо же такому было случиться – ушел из жизни Олег Николаевич... Конечно, Юрий Михайлович распорядился, чтобы выделили место на Донском кладбище.

И если уж перечислять самые неординарные игры, то нельзя не упомянуть визит в Бутырскую тюрьму, начальником которой тогда был Рафик Ибрагимов. Ему и слово:

На матч ветеранов «Спартак» – «Динамо» (Киев) в 1998-м пришли и Юрий Лужков, и Павел Бородин

– Случилось это летом 2000 года, и в практике следственных изоляторов – впервые. Я пригласил в Бутырку для проведения мини-футбольной игры ветеранскую сборную России, которой руководил Александр Прохоров. Мероприятие прошло успешно, а Александр во время чаепития в моем кабинете рассказал, что и в «Спартаке» создана команда ветеранов, которая может также откликнуться на подобное приглашение. Я связался с Геннадием Логофетом, в ту пору он был президентом клуба ветеранов «Спартак». Логофет с охотой принял это предложение, и мы провели матч в рамках акции «Спорт против наркотиков».

Игра состоялась во дворе Бутырки на маленькой площадке, посыпанной песком. Не так было комфортно, как сейчас на турнирах по пляжному футболу, но песок при этом был, а играли мы кто в кедах, кто в тапочках. Со спартаковцами мерялась силами команда, состоящая из сотрудников следственного изолятора и осужденных за мелкие правонарушения, которые находились на спецработах по хозяйственному обслуживанию. Были и зрители из зарешеченных окон камер, выходивших во двор, заключенные махали руками и кричали: «Спартак» – вперед!» Счет не припомню, но победила доброта и душевность – это точно. Из знаменитых спартаковцев на площад-

С Георгием Ярцевым и Федором Черенковым

ке побывали Александр Прохоров, Юрий Гаврилов, Геннадий Логофет, Юрий Севидов, Вагиз Хидиятуллин, Федор Черенков, Георгий Ярцев.

Деятельность Логофета на ниве спортивной журналистики тоже не должна остаться неотмеченной.

– После кончины Юры Севидова меня попросили стать обозревателем «Советского спорта», – вспоминал Евгений Ловчев. – И это дало повод Василию Уткину написать в своей колонке: «Люблю поспорить с коллегой Ловчевым». Меня это задело, и сразу вспомнилось, как часто звонил телефон, и в трубке раздавался голос: «Привет, коллега!» И я сразу понимал, что это Гешка, с которым мы играли бок о бок и в клубе, и в сборной, а потому имели полное право называть так друг друга. Так что коллега для меня не Уткин, а Логофет.

Но ведь тогда Евгений Серафимович и Геннадий Олегович коллеги вдвойне, поскольку оба не раз комментировали матчи по телевидению. Логофет, например, в паре с Олегом Жолобовым отработал финал Кубка СССР-СНГ в 1992-м, после чего ему предложили отправиться в зарубежную командировку – на чемпионат Европы.

И на страницах журнала «Московский Спартак» он рассказал о своих впечатлениях. Приведем отрывки из интервью, которое взял Андрей Балахнин:

В составе клуба Правительства Москвы на благотворительном матче

« – Геннадий Олегович, на чемпионат вы поехали в качестве комментатора. А как вы вообще попали на телевидение?

– Это произошло довольно неожиданно. Перед жеребьевкой чемпионата Европы меня пригласили на Российское телевидение, чтобы я помог в переводе с английского всей официальной церемонии. Видимо, руководству понравилась моя работа, и мне предложили попробовать себя в роли комментатора. Нужно было помочь Олегу Жолобову (поскольку он в прошлом был ватерполистом и, конечно, не до конца разобрался в тонкостях футбола). Директор студии «Арена» Александр Иваницкий просил, чтобы я больше внимания уделял именно внутренним, скрытым аспектам игры. Как это получилось на самом деле – судить зрителям.

– Но хоть самому-то понравилось?

– Мне было все очень интересно, работал с удовольствием. Сын записал мои репортажи на видео, и я потом по много раз прокручивал, анализировал, подмечал погрешности. Недоволен, пожалуй, только своим голосом. Хотя все мои знакомые говорили потом, что все в порядке, мне все равно не нравилось. Но тут уж ничего не поделаешь: какой есть – такой есть.

– Получается, что вы можете оценить чемпионат с трех позиций: игрока, тренера – ведь у вас же есть тренерское образование – и комментатора?

Со Львом Черепановым и Юрием Белоусом

– С позиции игрока, на мой взгляд, на этом чемпионате не было футболистов с большой буквы, как раньше Яшин, Беккенбауэр. Точнее, может быть, они и были, но себя не проявили – Гуллит, Ван Бастен, в первую очередь. Если лучшим игроком признаётся Хесслер – то это только подтверждает мое предположение.

А вот игровой уровень в целом мне очень понравился. Проходных игр практически не было. Накал борьбы очень высок.

Оценивая первенство с позиции тренера, я прежде всего поражаюсь тому, как наставники умеют настраивать своих подопечных на игру, на отдачу всего себя на поле без остатка. Это ведь величайшее умение тренера – найти для каждого спортсмена свой «ключик». Люди-то все разные, одного побольше похвалить надо, другого, наоборот, где-то и поругать, а третьему и говорить ничего не стоит – он сам все знает и понимает. Меня вот этим Константин Иванович Бесков всегда восхищал. Ну, а комментаторская точка зрения где-то очень близка к позиции игрока. Очень интересно было вести матчи боевые, с накалом страстей, эмоциональные. А они такими на чемпионате и были».

Знание предмета изнутри давало ему полное моральное право утверждать: «Выключаю звук, когда слышу некоторых наших телекомментаторов. А репортажей Маслаченко всегда ждал и высоко це-

Евгений Ловчев и Геннадий Логофет – дважды коллеги. Вместе с Евгением Меньшовым

нил. За знание футбольного дела. За добрую иронию, юмор. За неординарность мышления».

А в двадцать первом веке пришла пора попробовать себя в роли интервьюера. В редакции еженедельника «Советский спорт – Футбол» родилась мысль: направить Логофета в Санкт-Петербург, чтобы он побеседовал с главным тренером «Зенита» Лучано Спаллетти на его родном языке. К тому же разговор двух профессионалов, имеющих в Италии множество общих знакомых, априори должен был получиться содержательнее, чем если бы на аудиенцию к иностранному коучу направился репортер без футбольного прошлого.

Логофет на эту идею откликнулся. Перед встречей со Спаллетти успел еще заехать в гости к Герману Зонину, одному из наших старейших специалистов. В общем, материал получился на славу.

Приглашение в журналистику было связано как раз с прекрасным знанием английского и итальянского языков, но куда чаще это знание было востребовано в статусе переводчика. Таковым Геннадий Олегович был, например, на чемпионате мира 1990 года на Апеннинах. Местные жители, принимая Логофета за своего, часто спрашивали, как ему удалось жениться на русской. Поскольку он являлся штатным работником Госкомспорта, руководству не требовалось привлекать кого-то со стороны.

С Егором Титовым на вручении премии «Стрелец»

– Логофет не раз помогал нам при поездках и клуба, и сборной, – отдал должное Олег Романцев. – Так было и на чемпионате Европы-1996 в Англии.

Еще раньше он входил в делегацию тбилисского «Динамо» на том самом финале Кубка кубков, после которого приз прописался в столице Грузии. Или был толмачом на переговорах, когда купцы из американского «Космоса» обхаживали лидера ереванского «Арарата» Хорена Оганесяна. Но официально работал переводчиком только в московском «Локомотиве».

Как известно, железнодорожники пригласили тогда итальянского вратаря Ивана Пеллицолли, а президентом клуба был Юрий Сёмин. Общаясь с репортерами-соотечественниками, голкипер неизменно упоминал, что к нему приставлен специальный помощник, дабы можно было быстрее освоиться и на поле, и в быту. Похоже, должностные рамки Логофету были тесны, не случайно он старался давать профессиональные советы другим игрокам, например, Ренату Янбаеву: «Слушай, тебе бы еще точный пас наладить. При твоей реактивности точные своевременные передачи с фланга заметно бы увеличили атаковую мощь команды». Упражнение ему довольно полезное рекомендовал: начертить мелом на стенке квадрат метр на метр и научиться уверенно в него

В 1990-е годы Логофет неоднократно возил «Локомотив» на сборы в Чокко

попадать девять раз из десяти. Правой ногой, затем левой: «Подтянешь точность и сразу увидишь, насколько меньше в игре будешь «пороть» при прострелах с фланга». И ветерану было даже досадно, что кандидат в сборную России отнесся к рекомендациям без энтузиазма.

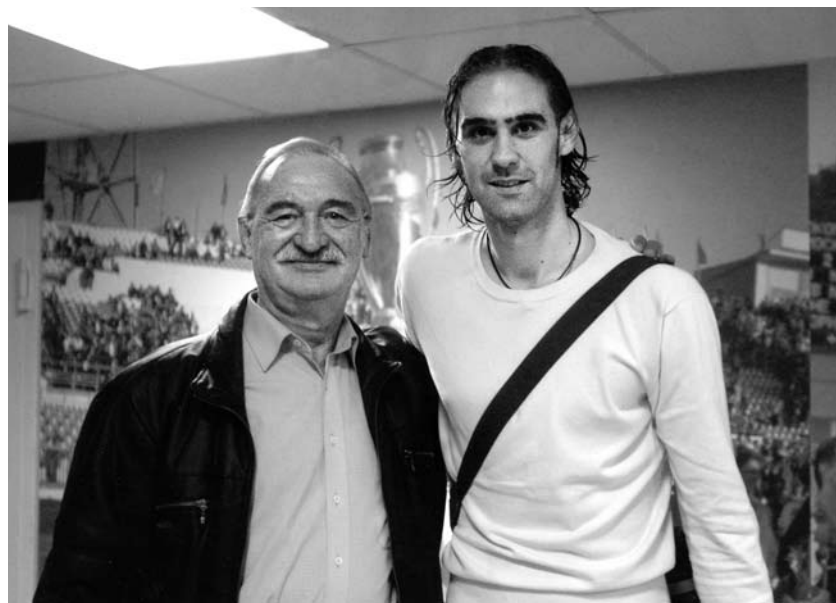
Будучи с «Локомотивом» на испанском сборе, смог лишний раз повидаться с семьей дочери Киры, пообщаться с внуками.

– Да, с дедом они встречались, когда он приезжал с командой в Испанию, – подтвердила Кира. – Для них это стало незабываемым впечатлением, мальчишкам даже дали попить настоящий футбольный сок, когда команда вышла на тренировку. В ребятах есть спортивные гены – Лева проявляет талант в плавании, выигрывает соревнования, Марк играет в футбол за школу, очень хорошо зарекомендовал себя в защите, если конечно можно говорить серьезно об этом в его возрасте. В школе учатся хорошо, говорят свободно на трех языках.

Что ж, может, и способности к языкам тоже передались от Геннадия Олеговича?

– С итальянским вратарем он хорошо работал. А в «Локо» попал потому, что другого места не было, – не стал скрывать правду Сёмин.

– Когда я был президентом «Локомотива», у Геннадия был не самый удачный период. Он всю жизнь отдал «Спартаку», отказывался от

С подопечным вратарем Иваном Пелиццони

выгодных приглашений ЦСКА, а клуб, считаю, потом мало уделял ему внимания. Говорите, если бы пришел вратарь Марко Амелиа, то и там работа нашлась бы? Да не в этом дело. Вот Факетти в «Интере», Ди Стефано в «Реале», Эйсебио в «Бенфике» всегда при своих клубах, их визитные карточки. Такой визитной карточкой и Логофет должен был бы стать для «Спартака», которому отдал всю жизнь. Да, короткое время пробыл тренером, но он больше менеджер.

Подобная мысль приходила в голову и Виктору Папаеву:

– Честно говоря, я думал, что после кончины Николая Петровича Старостина Логофету дадут в клубе место президента или вице-президента. Все-таки он представительный, со способностями организатора.

Зато Геннадий Олегович оказался востребованным в качестве декана высшей школы футбольного менеджмента, генеральным директором которой был Юрий Белоус. Выступая перед слушателями, он как раз приводил примеры из деятельности Старостина, поскольку Николая Петровича действительно можно было назвать величайшим менеджером своего времени: «Я был свидетелем такой сцены. Коршунов Анатолий Александрович тогда был помощником у Николая Петровича, то есть заместителем начальника команды. И вот Коршунову поступило

Геннадий Логофет, Анатолий Коршунов и Франц Беккенбауэр в гостях у Льва Яшина

предложение: сыграть «Спартак» в Балашихе вместо тренировки товарищескую игру с местной командой, а за это каждый игрок получит сто рублей. Коршунов приходит к Старостину и говорит: «Николай Петрович, можно ребятам вместо тренировки несколько раз в Балашиху съездить? Получат деньги хорошие – по сто рублей». Николай Петрович на это ему говорит: «Слушай, Анатолий, а ты сидел?» Тот отвечает: «Что значит «сидел»?» А Николай Петрович: «Вот то-то, а я сидел. Я знаю, что это такое». Тогда такие дела с деньгами были незаконными, лишнего нельзя было получать. Если мы и проводили такую игру, то оплата шла по перечислению через банк в общество «Спартак», а «Спартак» уже выплачивал за вычетом налогов положенную нам сумму. Старостин одной фразой преподал нам всем урок – нравственный, юридический, человеческий. Естественно, мы не поехали в Балашиху...»

Поведал Логофет и о том, как Старостин, когда Федор Черенков собрался уезжать за границу, обратился с просьбой назначить футболисту распоряжением Совета Министров месячный оклад в размере десять тысяч долларов. В правительстве же не могли выделить такие деньги, чтобы удержать мастера во всесоюзном чемпионате.

Разумеется, делился лектор и опытом, почерпнутым в Италии: «В итальянском футболе у каждого футболиста в контракте записано: ни в

Президент ФИФА Жоао Авеланж и ветераны отечественного спорта на стадионе «Динамо»

кчем случае не отказываться ни от одного интервью, если только руководство клуба не запретит. Обязательно давать интервью! Популяризировать футбол, используя любой шанс! Да, паблисити, экран, пресса – там это в порядке вещей. Без телевидения, конечно, нельзя. В Италии в понедельник, по сути, не работают (до обеда-то точно!) – они только обсуждают воскресный тур, все разговоры лишь об этом. У них есть такая передача «Мувьола», типа сборника игровых моментов. В студии собираются сильнейшие игроки, тренеры, и все дают интервью. Естественно, все кофейни забиты, все смотрят этот обзор».

Ну, а высшим признанием заслуг Логофета стало включение в 2000-м в футбольный комитет ФИФА. Он рассказывал журналисту Геннадии Ларчику, что оказался там во многом благодаря Йозефу Блаттеру. Познакомились они еще во время чемпионата мира в Италии, когда функционер приезжал на базу сборной СССР: «Однажды он поинтересовался у президента РФС Вячеслава Колоскова, кого из российских футболистов можно рекомендовать в этот комитет. Одно важное условие: этот человек должен знать иностранные языки. Вячеслав Иванович назвал мою фамилию. Вот так я попал в одну команду с выдающимися футболистами прошлого». Действительно, туда были включены Пеле, Франц Беккенбауэр, Бобби Чарльтон, Йохан Круифф,

С Йозефом Блаттером в «Лужниках»

Геннадия Логофета

Причины и следствия

В компании звезд мирового футбола – Платини, Беккенбауэра, Круиффа, Пеле, Стоичкова...

Мишель Платини, Уго Санчес, Роже Милла.

Этот консультативный орган был создан в 1998-м, собирался в штаб-квартире ФИФА в Цюрихе раз в три месяца, никаких судьбоносных решений не принимал, ограничиваясь только рекомендациями. В тот год Блаттер, еще генеральный секретарь ФИФА, и беседовал с Колосковым на матче между сборными России и мира, посвященном открытию «Лужников» после реконструкции.

Как рассказывал Геннадий Олегович, его «прописка» в комитете совпала с празднованием 60-летия Пеле: «На торжественном ужине президент ФИФА Блаттер вручил мне золотой значок ФИФА и сказал, что я стал новым членом семьи – навсегда. В свою очередь я не остался в долгу и подарил всем присутствующим по баночке черной икры».

Глава десятая

Безупречный СЕМЬЯНИН И ДРУГ

Известная сентенция о том, что мужчина должен вырастить сына, построить дом и посадить дерево, в случае с Геннадием Логофетом имеет особую трактовку. Читатель уже знает, что его первым ребенком была дочь Кира, чьим рассказом мы и спешим поделиться:

– Не скрою, быть дочкой знаменитости не только приятно, но и почетно. А главное, что всегда ощущаешь присутствие человека в твоей жизни, его заботу, внимание и даже ответственность за свое положение. Я благодарна судьбе, что она так сложилась, что мой отец не только знаменитый, но еще и прекрасный человек, и счастлива, потому как есть возможность об этом поведать миру. Очень жалею, что при жизни не так много общались, как хотелось бы, но у нас с ним до последних дней сохранилась настоящая родственная связь.

Несмотря на то что мои родители разошлись, когда мне было девять лет, для меня отец всегда был любимым, теплым человеком, с которым у меня сохранились прекрасные отношения. Обо мне он продолжал заботиться, часто со мной встречался, дарил подарки и даже давал мне уроки английского языка (я училась в специальной английской школе). И с позиции взрослого человека я очень благодарна ему за пример и сохранение веры в справедливых, благородных и прекрасных мужчин.

С дочерью
Кирой и
внуками
Львом и
Марком

Особых достижений у меня нет, кроме того что получила диплом врача и специальность акушера-гинеколога. Но работала мало, и когда был кризис 1990-х, мы с мужем Антоном ушли из медицины. Он – в бизнес, а я занимаюсь только семьей и детьми.

Старшая дочка Маша учится в университете в Лондоне, изучает гостиничный менеджмент, ей двадцать лет. Сыновьям Лева и Марку – десять и шесть соответственно, они со мной живут в Испании, ходят в английскую школу.

Я очень горжусь своими братьями – и Вадимом, и двоюродным Данилой. Они не только прекрасные мужчины, но и многого уже достигли в жизни. Стараюсь всячески поддерживать с ними связь, дарить им свою любовь и оказывать поддержку.

– Не встречал на свете добрее человека, чем папа, – признался Вадим. – Наверняка в отношении многих отцов сыновья говорят то же самое. Но для меня это очень личное и особенное. Это проявлялось не только во внимании и подарках в детские годы, на протяжении жизни он поддерживал все мои начинания. Да, редко бывали и сложные моменты, но то, как быстро мы находили общий язык, как папа ценил и верил в меня – все это сложно описать.

У папы было много близких друзей и знакомых, но все-таки семья была

Маша
с двумя
дедушками
– Львом
Ивановичем
и Геннадием
Олеговичем

для него священным понятием. Его жизненные принципы, правильное отношение к людям, семейные ценности – все это я впитал от него, как губка, до последней капли.

Припоминаю такой случай. Мне было лет семь или восемь, и я уже занимался в секции футбола ФШМ. На медобследовании выяснилось, что детский организм непросто переносит повышенные нагрузки. И на семейном консилиуме мама сказала: «Хватит одного футболиста в семье». Так, собственно, и прекратилась, не начавшись толком, моя футбольная карьера. Не знаю, мы с папой это не обсуждали, возможно, он расстроился в тот момент, что я не стал продолжателем фамилии в футболе. На любительском уровне я продолжаю периодически играть с друзьями и коллегами, футбол и «Спартак» для меня – все-таки частичка души. Но я точно знаю: отец был рад и гордился тем, что я пошел по другой линии – образование, финансы и банковское дело.

Конечно, после его столь раннего ухода из жизни остается только глубоко и сильно жалеть, что нам еще не все удалось с ним обсудить и вместе сделать, что он уже не отведет за руку своего внука в футбольную секцию... Но я уверен, он все видит и, как всегда, одобряет.

Как-то, разговаривая с Надеждой Михайловной, мы обратили ее внимание на интересное совпадение. Свой первый и последний матч в

Геннадия Олеговича поздравляют с 60-летием брат Дмитрий, двоюродная сестра Ирина, дети Кира и Вадим

чемпионатах СССР Логофет сыграл против ростовского СКА. Самый важный гол в карьере забил этому же клубу. Самую тяжелую травму получил в Ростове-на-Дону.

– О «донской магии» я вам больше скажу, – продолжила тему супруга. – Когда Вадим учился в Финансовой академии, он познакомился с замечательной ростовчанкой – Катей, которая стала его женой.

В 2008-м у Вадима и Кати появился первенец. Внуком – продолжателем фамилии – Геннадий Олегович очень гордился и не раз повторял фразу: «Есть Никита Симонян, а теперь есть и Никита Логофет!»

Что касается дома, то в 1980-м семья въехала в трехкомнатную кооперативную квартиру на Нахимовском проспекте. Обязанности разделили просто: муж является добытчиком, жена отвечает за воспитание сына и налаживание быта. Часто принимали гостей, которым было очень уютно в комнатах, обставленных со вкусом и украшенных не только наградами и фотографиями главы семьи, но и множеством милых вещей. Например, с удовольствием бывал здесь Муртаз Хурцилава – старый товарищ по сборной, приезжавший из Тбилиси.

Как-то раз у Логофета гостил известный датский тренер Зепп Пионтек. И хозяева застали его за необычным занятием: скандинав с упоением осматривал ножки обеденного стола. А потом пояснил, что знает толк

На свадьбе Вадима и Кати

в мебели и восхищен увиденным экземпляром.

– Да-да, я тоже при этом присутствовал, – подтвердил друг семьи с тридцатилетним стажем Павел Котов. – Датчане тогда стали чемпионами Европы, а Пионтек приезжал в Москву вместе с Элькьяером и Лаудрупом. А вообще, случалось, мы с Геннадием, Надеждой, крестной моих детей, и их родными общались за пределами Родины. В последний раз встречались во Франции, на Лазурном берегу.

Благодаря своей коммуникабельности Логофет легко сходилась с людьми самых разных профессий. Например, Виктор Макаров работал в ГАИ:

– Я давний поклонник «Спартака», и с Геной случалось мимолетно пересекаться, когда он еще играл. В 1962-м организовали встречу с командой в Политехническом, и мне запомнилось, что Логофет пришел на нее в блестящем сером костюме. Гена потом подтвердил, что имелся у него такой. А в 1969-м пришли с друзьями в баню, и там «Спартак» парился в полном составе. Следующий матч как раз был решающий, в Киеве. И Гена мне сказал: «Мы у них выиграем».

Познакомил нас в 1980-м Слава Крылов. Позвонил – мол, Логофет потерял права, нельзя ли помочь? А тут как раз шла замена водительских удостоверений, да и у нас в ГАИ многие за «Спартак» болели.

Геннадий
Олегович
с сыном
Вадимом

Естественно, все сделали, и с тех пор мы стали общаться. Забавно, они со Славкой грибники, а я – нет, но когда однажды поехали на Торбеево озеро, собрал больше их. С пропусками на матчи Логофет всегда помогал, но сидели порознь – он должен был находиться в ложе, со спорткомитетовской публикой.

Про историю встречи с начальником Бутырской тюрьмы уже говорилось, но она имела продолжение, о чем и поведал Рафик Ибрагимов:

– Гена – прекрасный рассказчик, душа компании, добрейший человек. После матча на тюремной площадке я как-то с ним подружился. Мы частенько встречались. Логофет доставал пропуска, мы по-королевски въезжал на территорию «Лужников», парковались и торжественно проходили в VIP-ложу. Геннадия Олеговича все узнавали, практически со всеми он здоровался за руку. Он ко всем относился очень доброжелательно, не высказывал критических замечаний. Благодаря ему я познакомился с очень интересными и высококультурными людьми.

Эту же особенность подчеркивал и предприниматель Александр Азеев: – Логофет хорошо понимал, какое счастье для болельщиков прикоснуться к спартаковским легендам. Достал мяч с автографами игроков для моего шефа, помог мне получить роспись Игоря Нетто, представил Валентину Ивакину, Галимзяну Хусаинову, Николаю Осянину, Виктору

Никита
Логофет
с дедушкой

Папаеву, Евгению Ловчеву, Вагизу Хидиятуллину, Сергею Шавло. И с хоккейными знаменитостями свел тоже – Борисом Майоровым, Вячеславом Старшиновым, Александром Якушевым, Владимиром Шадриным.

Я никогда не слышал от Гены пренебрежительных слов в адрес футболистов. Он признавал, что есть оплошности, недоработки, но болельщикам хулить спортсменов не позволял. При этом наши мнения часто не совпадали, мы спорили – по Дмитрию Торбинскому, Роману Павлюченко. Когда Гена тренировал «Маккаби», я приходил на занятия, смотрел упражнения, которые он давал игрокам.

Особенно теплые отношения с семьей Логофетов сложились у режиссера Владимира Краснополяского:

– Мы с супругой и компанией отдыхали в Сочи, увидели на улице красивую пару, точнее, я обратил внимание на эффектную даму. Да и спутник ее был подтянутым, поджарым. Мне объяснили, что это Геннадий Логофет с женой, и сразу вспомнился радиорепортаж о финале Кубка СССР 1971 года, который я слушал на озере в Свердловской области.

Еще через какое-то время встретились в компании за одним столом в гостинице и как-то незаметно подружились. Договорились созваниваться в Москве, и вскоре нашелся повод. В Дом кино приехал Борис Рубашкин, я пригласил Геннадия с Надей. Стали вместе отмечать Но-

С режиссером
Владимиром
Краснополяским

вый год и прочие праздники. Естественно, звал на премьеры еще до выходов фильмов в прокат. В нашей среде все уже знали – если Краснополяский, значит, с Логофетом.

Если бы я снимал картину о сборной Советского Союза, думаю, нашел бы роль для Гены, он умел подать товар лицом. Это идеал человека, в котором все прекрасно. Мог бы он сыграть в каком-нибудь из моих реальных фильмов? В «Паутине» вряд ли, там герои – сыщики, а он добродушный. Вот в картине «Нина» – пожалуйста.

Как-то в девяностые годы в течение десяти лет не было денег, чтобы закончить очередную ленту. И Гена с Надей презентовали мне коньяк с шутивным стихотворением: «Если фильма не дождемся, то хоть коньячку напьемся».

У меня есть племянник-итальянец по имени Роберто, болельщик «Ювентуса». Когда они встречались с Логофетом, их невозможно было оторвать друг от друга. И племянник уверял, что в разговоре Гену не отличить от уроженца Средней Италии.

А еще получилось так, что нас с Геной крестили вместе. Двух совершенно взрослых людей, которые решились на этот шаг одновременно.

– Моя жена Ольга Владимировна – его крестная мама, а Надежда Михайловна – моя крестная, – пояснил Игорь Котов. – По роду деятель-

С Натальей
и Павлом
Котовыми

ности я много времени проводил за границей, и мы с Геней пересекались не в одной стране. Например, сборная СССР приезжала в начале восьмидесятых в Германию, в Гамбург, я заехал в гостиницу, и вместе с ним и Бесковым мы отправились на машине смотреть город. Первым делом увидели двух игроков в самоволке, не буду называть их фамилии. Не раз бывавший в Европе Гена, увидев Гамбург, спросил меня: «Игорь, я что-то не понял, кто у кого войну выиграл?»

Когда в 1990-м был чемпионат мира, сборная жила в Чокко, а матч проводила в Бари. Позвонил в гостиницу, попросил синьора Логофета, там ответили, что он в Бари. А мне послышалось – в баре: «Ну так пригласите его из бара!»

В Италии был еще один случай. Ехали на моей машине, Гена попросил порулить и превысил скорость. Откуда-то «нарисовались» полицейские. А у него были права на арабском языке – без единой латинской буквы. Гена вышел, стал показывать эти права и что-то говорить по-арабски. Стражи порядка махнули рукой и уехали.

Летали мы к нему и в Шарджу. В ОАЭ в каждом эмирате свои правила: в одном соблюдают сухой закон, а в другом подпольно спиртным торгуют. Поехали закупаться, а потом Лобановский спрашивал: «Зачем же туда поехали, есть же магазинчик ближе».

С Александром
Азеевым

А еще Гена крестил моего сына...

И кстати, не только его, а и сына Сергея Саенко, который тоже не мог не сказать несколько слов о друге:

– Таинство проходило в храме Иоанна Воина на Якиманке. Для моего Георгия Логофет стал еще и крестным отцом в футболе. Когда мальчику было семь лет, мы отвезли его в школу «Спартак», тренировал тот возраст Олег Кужлев. Что интересно, Георгий тоже играл на позиции правого защитника. Но все же на Олений вал ездить было далеко, пришлось перейти в другую команду, в «Строгино». И Гена говорил ему, что сейчас главное – не клубная принадлежность, а любовь к футболу: «Если будешь работать над собой, сможешь попасть и в «Спартак» – в команду мастеров». Объяснял, как надо выработать характер. А тренеру «Строгино» Михаилу Шумилину подарил карточку с пожеланием стать таким же великим, как Жозе Моуринью.

Мы часто отдыхали у нас на даче, разговаривали «за жизнь». Гена ко многому относился философски, а тут как-то сказал: «Давай дерево посажу? Вырастет – и обо мне память останется». Сам выбрал и дерево – тую, и место подыскал такое, что ее отовсюду видно, хоть из дома смотри, хоть из бани, хоть из беседки, где шашлыки жарятся. Тогда она была метровая, а сейчас уже вымахала в три раза выше.

Сергей
Саенко
с сыном
Георгием –
крестником
Геннадия
Олеговича

Что ж, вот и символическое дерево в жизни Геннадия Олеговича отыскалось...

А вот еще одна деталь: легко сходясь с людьми из нефутбольного мира, он никогда не забывал о своих товарищах по профессии. Особенно тех, с кем играл или учился вместе.

– Как-то уже после завершения карьеры мы собирались футбольной компанией в «Лужниках», и я сломал ногу, – выложил историю из запасников Владимир Янкин. – Сажу в гипсе дома, вдруг заехали Логофет с Крыловым: «Старик, а давай махнем в Рязань, навестим Юрку Севидова?» Приехали, посмотрели на игру его команды, а после матча, естественно, пошли в баню. Ну, а мне куда в баню с гипсом? Они там устроили застолье, а ведь надо в Москву возвращаться! И они уговорили, чтобы я с загипсованной ногой машину вел. Добрались, но дело даже не в этом: когда Генка с Юркой сходились, такой хохот стоял! У них же ни по одному вопросу мнения не совпадали.

– И когда нам уже было за пятьдесят, тоже играли в Сокольниках по утрам – с семи часов по вторникам и пятницам, – продолжил тему Петр Шубин. – Естественно, там бывали и Логофет, и Севидов, и Рейнгольд. Час поиграли – потом час в раздевалке байки травили. Где эта троица что-то начинала вспоминать, все вокруг от смеха падали.

Есть, что вспомнить, собравшись вместе, Геннадия Логофету, Вячеславу Крылову и Владимиру Янкину

– Да, сколько ни говорили на разные темы, наши мнения не совпадали, у каждого свое слово, своя правда, – не стал отрицать Валерий Рейнгольд. – Но мы все хотели, чтобы наш футбол стал лучше, потому и спорили.

– У меня с Гешкой тоже всякое случалось, – не обошел острый угол Евгений Ловчев. – В 2001-м так меня приложил в «Московском комсомольце»! Он тогда в клубе работал, а я «Спартак» критиковал, вот и прозвучало в ответ. Но обиды на него не держу. Для меня главное не это, а другое – человек спартаковец или нет?

В том, что Логофет был всю жизнь предан красно-белым цветам, за свидетельствовала и председатель международного физкультурно-спортивного общества «Спартак» Анна Алешина:

– Геннадий Олегович – светлый, очень уважаемый мной человек. Он был старше меня как по возрасту, так и по стажу пребывания в нашем славном народном и орденоносном обществе. Однако это не мешало нам быть на равных, общаться, решать серьезные вопросы. В 2002 году мы решили провести торжественный вечер в офисе «Спартака» на Озерковской набережной по случаю его 60-летия. Так зал был полон и одноклубниками, и болельщиками. Такова была его популярность! С ним всегда рядом находилась его

Перекур с Валерием Рейнгольдом

верная подруга Надежда. Они были красивой парой.

Кстати, сам он был очень рад тому, что и 50-летие, и 60-летие отмечал в Москве: «Нет ничего хуже, чем справлять день рождения на чужой земле. Во всяком случае, для меня...»

Разумеется, образ не получится без упоминания об обычных человеческих пристрастиях Логофета. И здесь первое слово – Надежде Михайловне:

– Настоящего мужчину всегда отличает бережное отношение к женщине. Гена никогда не позволял мне поднимать что-нибудь тяжелее трех килограммов. Когда я возвращалась с рынка, бежал вниз, чтобы забрать сумки.

В жизни твердо руководствовался двумя принципами. Один – по Булгакову: никогда ничего не просить, оценят – сами предложат. Второй – не говорить об отсутствующих.

Ел все, но по чуть-чуть. Это Николай Петрович Старостин его когда-то научил: «Генка, хочешь долго жить? Не лезь в политику и вставай с чувством легкого голода из-за стола». Мог выпить, но главным для него за столом было не это, а душевный разговор. Был кофеманом. Курить старался хорошие марки – «Данхилл», «Мальборо», одно время пристрастился к сигаретам с ментолом.

Обожал отгадывать кроссворды, у него это здорово получалось. Когда показывали передачу «Своя игра», Гену нельзя было оттащить от телевизора, даже если мы находились не дома.

Врач Савелий Мышалов, с которым они были знакомы и по сборной, и по «Локомотиву», уверял: «О литературе Логофет мог говорить часами. Драйзер, Толстой, Чехов... Его всегда можно было застать с книгой в руках». Уважительно хранил в своем книжном шкафу первую научную монографию брата Дмитрия.

Валерий Рейнгольд припомнил: «Когда все везли из-за границы шмотки, Геша деньги тратил на пластинки. Джаз, блюз – это была его музыка».

Кстати, замечательную музыкальную историю рассказал Вячеслав Крылов:

– Поскольку Гена увлекся итальянским, ему нравились песни на этом языке. Да и сам любил петь, хотя слухом природа не наградила. В 1976-м отдыхали с ним в Белоруссии, где-то в глуши за Новополоцком. Как-то отправились по грибы, уже под вечер вышли из леса на поле и оказались в разных его концах, но друг друга слышно. И Гена в своем фирменном тренировочном костюме, любуясь красотой природы, запел по-итальянски.

Надежда и опора Геннадия Логофета

Ну, и в любимую Италию Логофет старался выбраться при первой же возможности.

– Не забуду, как поехали в Чокко отдыхать вместе с женами, – мечтательно улыбнулся Никита Симонян. – Итальянцы называли его Лого.

– Однажды в конце 90-х мы вместе на машине путешествовали по Апеннинскому полуострову, – рассказал Евгений Устинов. – После поездки в Рим и обратно (а жили мы в тихом местечке Телесте) проговорили всю ночь и разошлись ближе к подъему. Под разговоры уговорили все спиртное, которое у нас имелось. А наутро предстоял дружеский футбольный матч.

Ровно в восемь пятьдесят раздался стук в дверь: Геннадий Олегович уже ждал в спортивном костюме. Я на тот момент не мог вспомнить даже своего имени, но истинный гладиатор был в строю. Днем друзья за столом с небольшой долей иронии намекнули на мое отсутствие на игре, а про Логофета сказали, что мой товарищ был дисквалифицирован за применение допинга. Позже мы со смехом вспоминали эту историю.

В беседах с самыми разными людьми, знавшими Логофета, красной нитью сквозила мысль о том, что в нашем футболе он остался недо-

С Евгением Устиновым

оцененным. И отчасти даже можно пожалеть, что Геннадий родился и играл в Москве, а не в какой-нибудь из союзных республик, где к мастерам мяча относились как к национальным героям. Он и сам стал однажды свидетелем бурного проявления чувств публики, когда гостил в Тбилиси у Давида Кипиани. Кстати, Логофет очень жалел, что в бытность помощником Бескова в сборной СССР они с Федотовым не сумели убедить Константина Ивановича в своей идее – создать в средней линии двойной мозговой центр в лице Кипиани и Гаврилова. И на чемпионат мира в Испанию поехал только Юрий.

Так вот, друзья отправились в филармонию на концерт джазового пианиста Леонида Чижика. Очевидцы засвидетельствовали: «Публика взорвалась такими бурными аплодисментами, что не стало слышно музыки. Пианист перевел взгляд в зрительный зал и с ужасом обнаружил, что на сцену уже никто не смотрит – взгляды людей были устремлены на Кипиани...»

Впрочем, в жизни Логофета был характерный случай. Он летел из Италии одним самолетом вместе с фанатами «Спартака», возвращавшимися после матча с «Интером». Вели себя не очень культурно, но когда узнали, кто находится на борту, прекратили свои безобразия и долго скандировали: «Геннадий Логофет! Геннадий Логофет!»

С хоккеистами Вячеславом Старшиновым и Владимиром Шадриным

И все же его друзьям хотелось, чтобы к народной любви добавилась и толика внимания от официальных лиц.

– Когда я работал директором спартаковской школы, Логофет был у нас частым гостем: приходил на матчи ребят, выступал перед ними на различных мероприятиях. По своим данным он мог бы работать с детьми, и это стало бы для школы большим подарком, – утверждал Илья Ивиницкий. – Но это был, конечно, не его уровень. По пониманию футбола, по организаторским способностям должен был занимать руководящий пост где-нибудь в федерации.

– По моему глубокому убеждению, такие футболисты, как Геннадий Логофет, Юрий Севидов, Владимир Федотов родились и играли не в свое время, – высказал мнение Евгений Устинов. – Им не дали возможности полностью реализовать себя. И после окончания карьеры они были вынуждены выживать и добывать хлеб насущный, порой занимаясь несвойственными для них делами. Вот это и явилось основной причиной их столь раннего ухода из жизни. Со всеми тремя я был очень хорошо знаком и всегда восхищался их манерой одеваться, вести беседы на любые темы и невероятной духовности и образованности. Не забыть, какие приятные и умные посиделки устраивала милая Надежда, которая любила его безумно, и он доставлял ей массу счастливых минут. Какой замечательный вечер она закатила, когда Гену и Юру Дарвина пригласили в «Спартак»! Но опять интриги, опять недомолвки, и через девять месяцев без объяснения причин его лишили родного клуба. А такие удары судьбы очень отражаются на сердце, оставляя в душе глубокие раны. Разве этот человек не имел права работать в «Спартаке» и быть ему полезным?

– Не понимаю, почему Логофету не присвоили звание «заслуженный мастер спорта»? – недоумевал Владимир Краснопольский. – Сразу возникает параллель с артистом Петром Алейниковым, который в аналогичном случае говорил: «Есть Петр Алейников, и этого достаточно». Мол, зрители и так любят. Но все равно какая-то недосказанность осталась.

Действительно, в коллекции Геннадия Олеговича немало наград – знак «Отличник физкультуры и спорта», «За заслуги в развитии олимпийского движения в России», почетная грамота Москомспорта по случаю 65-летия... А вот свидетельства самого высокого признания со стороны спортивных властей не имеется.

– Увы, на то нет формальных оснований, – на правах первого вице-президента Российского футбольного союза дал консультацию Симо-

нян. – Сначала «змс» присваивали только за победы на Олимпийских играх, Кубках мира, в еврокубках. Потом положение расширили, оно стало распространяться и на призеров международных турниров. А у Гены такой медали не было. И даже если клуб выйдет с ходатайством, а мы его поддержим, Минспорта завернет это представление. Прецеденты уже случались.

А теперь давайте еще раз вспомним про злосчастную монетку в Неаполе в 1968-м. Выпади другой жребий – и сборная СССР прошла бы в финал чемпионата Европы, что автоматически давало ей место на пьедестале. И в этом случае вопрос по Логофету был бы решен положительно.

– Пожалуй, сравнение не совсем корректно, но все-таки: есть законы, а есть случаи, когда какое-то дело подпадает под указ президента страны, – вступил в заочный спор с Никитой Павловичем Азеев. – Неужели нельзя давать звание «заслуженный мастер спорта» самородкам, за преданность футболу?

Геннадия Олеговича и впрямь интересовало все, что было связано с любимой игрой. Естественно, старался не пропускать крупные международные форумы, особенно если сборная России в них участвовала. Как-то на церемонии вручения «Спартаку» золотых медалей выступил

Геннадий Олегович был заядлым грибником

в роли конференсье вместе с Леонидом Трахтенбергом. Охотно анализировал события для различных изданий и меньше чем за три недели до кончины дал прогноз «Спорт-экспрессу» на итоги очередного тура. На наводящий вопрос Александра Львова: «Ваш родной «Спартак» с каким счетом «Локомотив» обыграет?» – ответил абсолютно правильно: «2:0, и никаких гвоздей!» Между прочим, как-то вместе с Ловчевым и Рейнгольдом Логофет сыграл в шоу «Сто к одному» против команды редакции футбольного журнала. Ветераны «Спартака» взяли верх. Как отметили соперники, «играл он весело, азартно, искря неподдельным юношеским азартом, радуясь успехам и горячо переживая ошибки».

А онкологическое заболевание тем временем брало свое.

– Я ему не раз говорил: «Папа, надо бы провериться, походить по врачам, сдать анализы», – поведал Вадим. – В какой-то степени он был фаталистом и отвечал: «Сколько отпущено, столько и проживу». Врачей не любил и крайне отрицательно относился к визитам в поликлинику. Мы с мамой очень переживаем, что в буквальном смысле не заставили его вовремя обратить внимание на свое здоровье. А еще, что не успели его убедить выпустить книгу воспоминаний к своему 70-летию.

– Жаль, что Геннадий Олегович к своему здоровью относился несколь-

С супругой и музыкантом Юрием Маликовым

ко несерьезно, – посетовал Сергей Шавло. – Еще когда у него были проблемы с коленом, наш благотворительный фонд поддержки ветеранов и молодежи ФК «Спартак» предлагал ему помощь, а он отмахивался. Наверное, я был одним из последних, кто посетил его в больнице. Когда взял за руку, он открыл глаза, улыбнулся в усы и произнес: «Сереза...»

– Узнав о том, что Гена плох, мы с мужем срочно прилетели из Америки, – рассказала Ольга Владимировна, крестная Логофета. – Видно было, как ему тяжело, но нас он узнал. Навестили, вернулись обратно, а через пару дней пришлось снова брать билеты в Москву – на похороны. Знаменитого футболиста не стало 5 декабря 2011 года. Конечно, на печальное известие откликнулись официальные лица. Соболезнования родным и близким выразили премьер-министр страны, мэр Москвы, заседание исполкома РФС началось с минуты молчания в память о Геннадии Олеговиче. Но куда примечательнее, что слова скорби высказали тысячи болельщиков.

И не только тех, кто, как Устинов, знал его лично и имел право на такую горечь: «Пишу эти строки, а сам про себя думаю, как обеднела моя жизнь без него, как мне его не хватает. Как не хватает его приятного баритона, его модной в клеточку кепочки, клетчатых пиджаков, его по-

С учеником и другом Сергеем Шавло

ловинки сигаретки с мундштуком, а главное – простого человеческого общения. Мы стали очень одиноки без него».

Как водится в «Спартаке», прощание состоялось в манеже в Сокольниках. В почетном карауле с траурными повязками стояли и соратники Логофета на зеленом поле, и те, кому он противостоял в непримиримых схватках, и игроки младших поколений, которых он когда-либо тренировал.

Тело Геннадия Логофета покоится на Донском кладбище – там, где нашли последнее пристанище и Олег Николаевич, и Нина Андреевна, и любимая теща – тоже Нина Андреевна. И в день его рождения, и в день кончины у места упокоения соберется множество людей.

Иосиф Бродский в память об одном из своих друзей, по совпадению носившем имя Геннадий, написал:

*Коли так, гедонист, латинист,
в дебрях северных мерзнувший эллин,
жизнь свою, как исписанный лист
в пламя бросивший, – будь беспределен...*

Наверное, это можно было бы сказать и о Логофете.

Глава одиннадцатая

По страницам КНИГ И ГАЗЕТ

* * * * *

Но посмотрим, что за душой у Геннадия, которого я знаю с юношеского возраста.

Пятнадцать лет капитаном московского «Спартака» был Игорь Нетто. Но вот в августе 1965 года кубок, выигранный «Спартаком», держит новый капитан – Геннадий Логофет.

То, что он заменил 35-летнего Игоря Нетто на месте левого полузащитника, понятно и закономерно. Но выборы 23-летнего Геннадия на пост капитана в клубе с такими большими традициями требуют пояснений. Новый капитан был обязан своим избранием спартаковской молодежи, отдавшей ему в закрытой баллотировке все голоса.

– Мы избрали Геннадия, – объясняли мне его сторонники, – за принципиальность.

Логофет смело и громко проповедовал спорные истины, вроде «важно не усердно тренироваться, а успешно играть» и «энергию нужно копить для игр, а не растрчивать в подготовке».

Интеллигентная семья позаботилась вовремя дать сыну высшее образование. К 23 годам Геннадий окончил институт физической культуры, и свои идеи подкреплял теоретическими выкладками. Ершистый ха-

В офисе «Спартака» с начальником команды Николаем Старостиным и президентом клуба Юрием Шляпиным

рактер не мешал Логофету быть симпатичным парнем и пользоваться большим успехом у зрителей и особенно у молодых болельщиц. У первых – за артистизм в игре, у вторых – за счастливую внешность и модные костюмы.

Мне лично его игра импонировала, хотя не ясно его подлинное амплуа. Начал он выступать как защитник, потом перешел к полузащите, но для безупречной игры на этом месте не хватало терпения. Геннадий слишком горяч и порывист, чтобы непрерывно плести тонкие сети комбинационной игры на центре поля. Как правило, он либо стремительно рвался вперед на чужие ворота, либо, подустав, надолго оседал у своих. Отличный удар, незаурядная техника, полное бесстрашие подкупало в его игре. Однако все это непостижимо уживалось с ничем не оправданной грубостью. Правда, он никогда не жаловался, получая сдачи, но зачинщиком, как правило, оказывался не раз и подавал этим дурной пример своим и чужим.

Поэтому и получилось, что Кубок Советского Союза капитан Логофет нес по кругу почета, сильно прихрамывая. В игре он получил серьезную травму, но, как настоящий боец, не покинул поля.

**Николай Старостин,
«Звезды большого футбола»**

* * * * *

С правого фланга защиты могли выступать Реваз Дзодзуашвили и Геннадий Логофет, единые в своих противоположностях. У обоих вдруг может возникнуть срыв в совершенно ничем не угрожаемой позиции для их же ворот.

У Геннадия Логофета «сюрпризы» возникают от творческой, так сказать, фантазии. Он незаурядно технически одарен, и ему скучно играть без выдумки. Мне такие исполнители импонируют, если в своем творческом порыве они не теряют чувства меры. Но я остался в абсолютном меньшинстве, когда защищал Логофета после матча с мексиканцами. Тогда он на центре поля заложил такие два финта, что они нашли самый горячий отклик на трибунах у эстетов футбола. Но так как обе попытки закончились потерей мяча, то наш солист подвергся жесткой критике за свои вольности, несмотря на то что никаких угроз в данном случае неудачное его творчество для наших ворот не повлекло: дело происходило за центром поля, где наш защитник хотел хитроумными финтами выйти во главу атаки.

Приверженность же к замысловатым импровизациям таит возможность срыва у Логофета потому, что он свои экспромты практикует в опасной зоне у своих ворот. Конечно, творческий, красивый футбол без риска не бывает, но и риск должен быть оправданным.

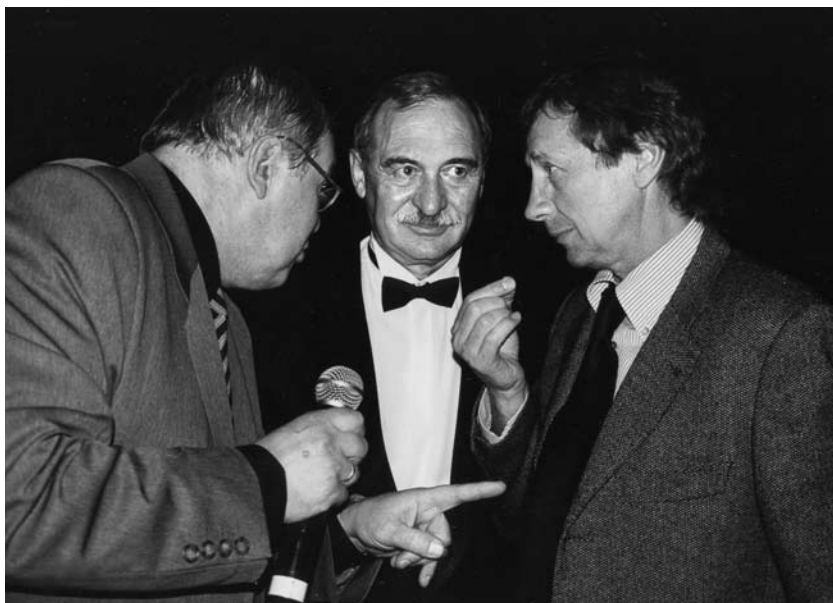
**Андрей Старостин,
«Повесть о футболе»**

*****

В новой команде Сёмин сразу подружился с Вайдотасом Житкусом, Валерием Дикаревым, но особенно с Геннадием Логофетом. Если тренеры в резкой форме выражали недовольство игрой новичка, Логофет защищал его, а потом наставлял: «Самое главное для тебя сейчас – бороться. Если ты попал даже в дублирующий состав, не считай, что это насовсем, каждый раз умирай на поле». И сам Логофет по этой части был образцом.

«Самоотдача в игре у него была на современном уровне, – рассказывает Сёмин о своем друге. – На поле не щадил ни своих, ни чужих. Сейчас футбол везде ужесточился, а Логофет в 1960-е так играл».

**Павел Алешин,
«Юрий Сёмин. Народный тренер России»**

С Юрием
Севидовым и
Юрием
Сёминым

*****

Он весь был как бы соткан из противоречий: хорошая техническая подготовка соседствовала с резкостью и жесткостью, особенно когда он бывал в ненадлежащей форме, ершистый взрывной характер и в то же время деловая основательность в жизненных устремлениях, свойственная серьезным, последовательным в большом и малом, мыслящим людям...

Геннадий с юных лет обладал редкой чертой – умением заранее подготовиться к выбранному пути. Недаром его партнеры до сих пор вспоминают принадлежащий ему мудрый совет: «Против всех глупостей стоящих над нами тренеров нужно иметь крепкий материальный щит».

За многие личные качества этого игрока любили спартаковские поклонники. Прежде всего, за полное бесстрашие, за отчаянную лихость, за умение отдать все силы ради успеха команды.

**Овидий Баженов, Игорь Добронравов,
Сергей Поляков, Александр Соскин,
«Великое противостояние»**

*****

За окном надрывно выла пожарная сирена, кипела мелкая городская суета. А я был в настоящем доме-музее. Вернее, квартире. Медали, кубки, другие призы и награды – все у Логофета расставлено с таким изяществом и вкусом, что глаз радуется. А интеллигентнейший и добрейший Геннадий Олегович, которого один из моих коллег любовно прозвал Котом Леопольдом, кажется, готов о каждом трофее с десятков историй рассказать. Медали золотые, кстати, тогда совсем небольшими по размеру были. Вроде бы маленький такой металлический кругляш, но сколько же нечеловеческого труда в него вложено! И скольких людей она делала счастливыми! Держишь эту медальку на ладони, и история вмиг тебе проникает в самое сердце.

Полтора десятка лет в «Спартаке», вся карьера в одном клубе, две золотые медали в 62-м и 69-м, третье место в спартаковской истории по числу проведенных матчей после Нетто и Черенкова... Плюс природная общительность и характер, из-за которых к Логофету невозможно плохо относиться. Когда едешь разговаривать с таким человеком, настроение уже изначально хорошее – никакого напряжения, необходимости подбирать слова, дабы ненароком не обидеть, нет. Он еще юного

Геннадия Логофета

Причины и следствия

Стараниями
Надежды
Михайловны
создан этот
домашний
музей

Юру Сёмина, когда тот приехал из своего Орла в «Спартак», под опеку взял, чего будущий творец золотого «Локомотива» никогда не забудет. И сколько людей благодарны Логофету так же, как Сёмин!

Большим тренером первому, в отличие от второго, стать было не суждено – хотя выпускался Геннадий Олегович из самого первого набора в ВШТ. Но в после игровой жизни все равно чувствовал себя комфортно – даром, что ли, в отличие почти от всех советских футболистов, штудировал английский и итальянский языки? Его неординарность проявилась и в этом. Прожив большую часть времени в СССР, Логофет, уверен, никогда не был «совком». Он как рыба в воде чувствует себя в Европе. И если бы ему играть довелось лет на 30 позже, не сомневаюсь, адаптировался бы и к Западу без проблем.

Но судьба распорядилась так, что живет он ни на каком ни на Западе, а в квартире у метро «Нахимовский проспект». В нетипичном для спартаковца месте – красно-белыми краями всегда считался север, а не юг столицы.

**Игорь Рабинер,
«Спартаковские исповеди»**

Глава двенадцатая

Статистический портрет мастера

Выступал за «Спартак» (Москва) в 1959–1975 годах. **Чемпион СССР** 1962, 1969 годов. Серебряный призер 1963, 1968, 1974 годов. **Бронзовый призер** 1970 года. **Обладатель Кубка СССР** 1963, 1965, 1971 годов.

Входил в число 33 лучших футболистов СССР: под № 2 – 1962, 1969, 1970, 1974 годы, под № 3 – 1964 год.

В высшей лиге чемпионатов СССР сыграл 349 матчей, забил 27 мячей.

В Кубке СССР число матчей не установлено, забил 7 мячей.

В еврокубках сыграл 16 матчей, забил 1 мяч.

За сборную СССР сыграл 17 матчей.

За олимпийскую сборную СССР сыграл 2 матча.

С главным призом за победу в мини-футбольном турнире

Все голы Геннадия Логофета в официальных матчах

Дата	Статус матча	Город	Соперник	Счет	Голы
01.11.1962	ЧС	Москва	ЦСКА	1:0	1
25.06.1963	ЧС	Москва	«Нефтяник»	4:2	1
13.07.1963	ЧС	Ереван	«Арарат»	3:0	1
03.08.1963	КС	Москва	«Динамо» Л	4:1	1
06.08.1963	КС	Москва	«Динамо» М	2:0	1
14.09.1963	ЧС	Москва	«Динамо» К	3:1	1
14.10.1963	ЧС	Москва	«Торпедо»	2:2	1
15.11.1963	ЧС	Москва	«Кайрат»	2:0	1
11.04.1964	ЧС	Алма-Ата	«Кайрат»	1:0	1
15.04.1964	ЧС	Ростов-на-Дону	СКА	1:0	1
10.07.1964	ЧС	Москва	«Шахтер»	1:1	1
14.07.1964	ЧС	Москва	«Молдова»	2:1	1
06.08.1964	КС	Москва	«Кайрат»	1:0	1
15.10.1964	ЧС	Москва	«Зенит»	2:1	1
22.05.1966	ЧС	Москва	«Пахтакор»	1:1	1
28.09.1966	КК	Белград	ОФК	3:1	1
10.10.1966	ЧС	Москва	СКА	2:2	1
11.08.1967	ЧС	Москва	«Торпедо»	6:2	1
23.06.1968	ЧС	Луганск	«Заря»	3:1	2
17.06.1968	ЧС	Москва	«Пахтакор»	4:0	1
09.09.1968	ЧС	Москва	«Арарат»	3:1	1
15.05.1969	ЧС	Москва	«Локомотив»	2:1	1
23.08.1969	ЧС	Москва	«Динамо» К	2:1	1
15.09.1969	ЧС	Москва	СКА	4:0	1
03.10.1969	ЧС	Москва	«Динамо» М	2:3	1
02.04.1970	ЧС	Москва	«Спартак» Ор	5:1	1
13.07.1970	ЧС	Москва	«Динамо» М	4:1	1
24.07.1971	КС	Москва	«Нефтчи»	5:0	1
07.08.1971	КС	Москва	СКА	2:2	1
08.11.1971	ЧС	Москва	«Кайрат»	2:1	1
29.02.1972	КС	Сочи	«Уралмаш»	5:1	2
15.07.1972	ЧС	Москва	«Динамо» М	4:1	1
06.08.1974	ЧС	Москва	«Заря»	2:2	1

Условные обозначения: ЧС – чемпионат СССР, КС – Кубок СССР, КК – Кубок обладателей кубков.

Принадлежность указанных клубов

Клубы СССР: «Арарат» - Ереван, «Динамо» К – Киев, «Динамо» Л – Ленинград, «Динамо» М – Москва, «Заря» – Луганск/Ворошиловград, «Зенит» – Ленинград, «Кайрат» – Алма-Ата, «Локомотив» – Москва, «Молдова» – Кишинев, «Нефтяник»/«Нефтчи» – Баку, «Пахтакор» – Ташкент, СКА – Ростов-на-Дону, «Спартак» Ор – Орджоникидзе, «Торпедо» – Москва, «Уралмаш» – Свердловск, ЦСКА – Москва, «Шахтер» – Донецк.

Зарубежный клуб: ОФК – Белград, Югославия.

Все матчи Геннадия Логофета за сборную СССР

№	Дата	Статус	Город	Соперник	Счет
1	22.09.1963	ТМ	Москва	Венгрия	1:1
2	11.10.1964	ТМ	Вена	Австрия	0:1
3	04.11.1964	ТМ	Алжир	Алжир	2:2
4	29.11.1964	ТМ	София	Болгария	0:0
5	16.05.1965	ТМ	Москва	Австрия	0:0
6	27.06.1965	ОЧМ	Москва	Дания	6:0
7	04.07.1965	ТМ	Москва	Бразилия	0:3
8	06.09.1967	ОЧЕ	Турку	Финляндия	5:2
9	01.06.1968	ООИ	Острава	Чехословакия	0:3
10	05.06.1968	ЧЕ	Неаполь	Италия	0:0
11	08.06.1968	ЧЕ	Рим	Англия	0:2
12	24.09.1969	ТМ	Белград	Югославия	3:1
13	20.02.1970	ТМ	Лима	Перу	2:0
14	26.02.1970	ТМ	Мехико	Мексика	0:0
15	06.05.1970	ТМ	София	Болгария	0:0
16	31.05.1970	ЧМ	Мехико	Мексика	0:0
17	14.06.1970	ЧМ	Мехико	Уругвай	0:1

Все матчи Геннадия Логофета за олимпийскую сборную СССР

№	Дата	Статус	Город	Соперник	Счет
1	22.05.1963	ТМ	Киев	Швеция	2:2
2	28.06.1964	ООИ	Варшава	ГДР	1:4

Условные обозначения: ЧМ – чемпионат мира, ЧЕ – чемпионат Европы, ОЧМ – отборочный матч чемпионата мира, ОЧЕ – отборочный матч чемпионата Европы, ООИ – отборочный матч Олимпийских игр, ТМ – товарищеский матч.

Содержание

Глава первая	
Диалог соавторов	3
Глава вторая	
У родителей мысли совпали	7
Глава третья	
Со двора в лучшую школу	19
Глава четвертая	
«Спартак» per sempre	29
Глава пятая	
Три против одного	57
Глава шестая	
В числе первопроходцев	67
Глава седьмая	
Монеткой по судьбе	81
Глава восьмая	
По дороге разочарований... ..	95
Глава девятая	
От Чернобыля до Цюриха	113
Глава десятая	
Безупречный семьянин и друг	129
Глава одиннадцатая	
По страницам книг и газет	151
Глава двенадцатая	
Статистический портрет мастера	157

Менялись
времена и
мячи...

...мастерство
оставалось
неизменным

Борис Духон, Георгий Морозов

Причины и следствия Геннадия Логофета

Подготовлено к печати:

Издательский дом «Север», 2012

шеф-редактор

Сергей Веретенников

дизайн, макет

Юлия Пантелеева, Серик Айт

выпускающий редактор

Надежда Кононова

финансовый директор

Мария Веретенникова

менеджер по печати

Ольга Петрова

Фото Галины Ефимчук, а также из личных архивов
авторов и семей Геннадия Логофета и Дмитрия Логофета.

Причины и следствия Геннадия Логофета / Борис Духон, Георгий Морозов.

– М. : Север, 2012. – 164 с.: ил. – ISBN 978-5-91891-163-1.

Отпечатано в типографии «Сити Принт»

 СИТИПРИНТ www.megapolisprint.ru